

П. К О Л Я Д А

Неизвестная
ТАКСИ

П. КОЛЯДА

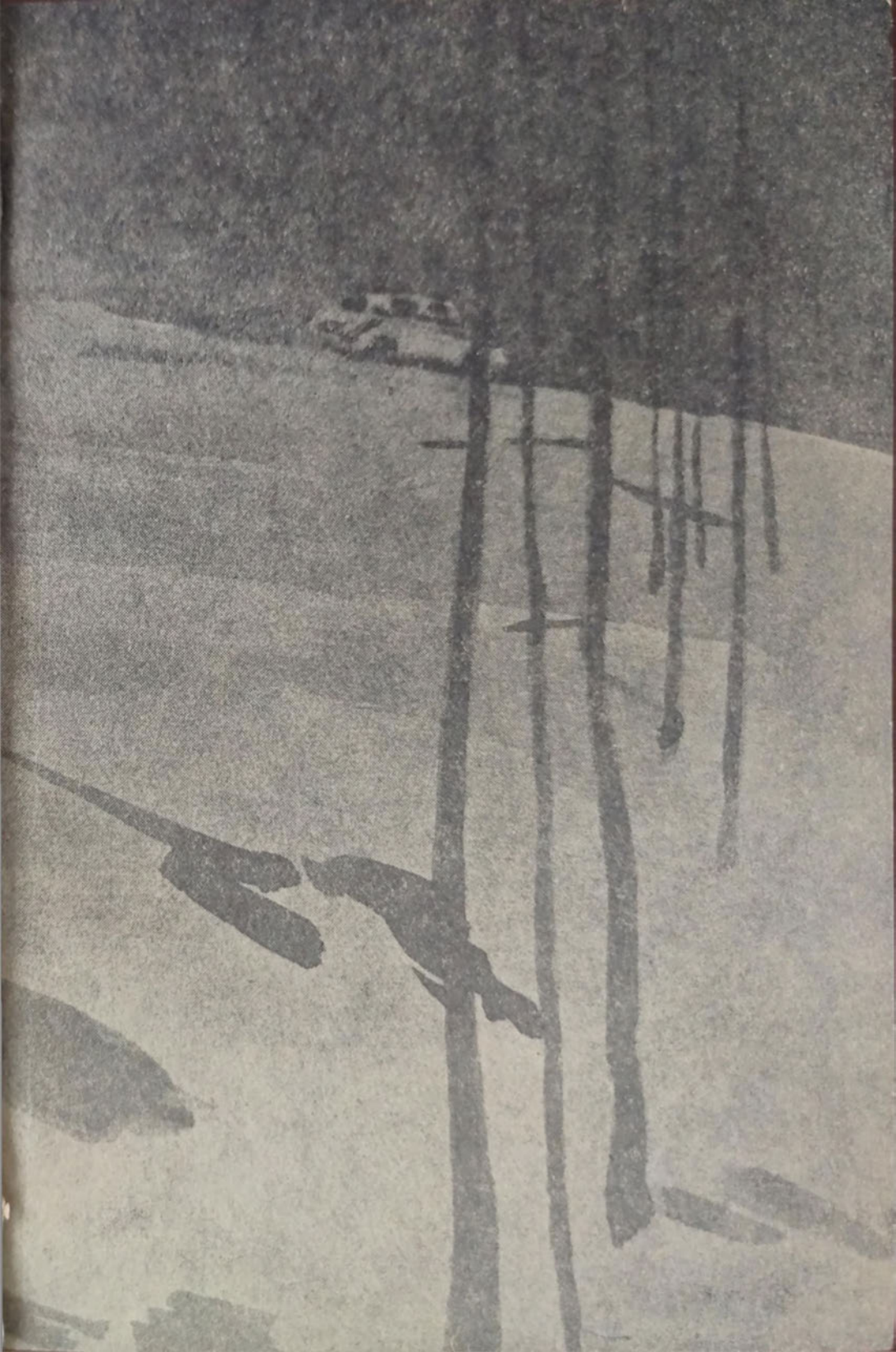
Неизвестное ТАКСИ

Цена 37 коп.

**КОСТРОМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1961**

Художник А. Б е л ы х

П . К О Л Я Д А

П О В Е С Т Ъ

Неизвестно
ТАКСИ

В ВАГОНЕ...

1

Ритмично постукивая на стыках рельс, пассажирский поезд мчался в направлении города Гурьевска. В ожидании своих остановок пассажиры, чтобы разогнать дорожную скуку и незаметно скоротать время, занимались кто чем: одни читали книги или газеты, другие закусывали, пили чай, третьи вели неторопливые дорожные беседы, а некоторые, забравшись на верхние полки, дремали.

В вагоне, где ехал Сергей Воронов, группа девушек, собравшаяся в купе недалеко от

входной двери, всю дорогу пела песни. Вот они затаили о подмосковных вечерах, и совсем тихо по вагону полилась задумчивая мелодия и душевные слова:

Не слышны в саду, даже шорохи,
Все здесь замерло до утра.
Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера...

По соседству с девушками словоохотливый толстяк рассказывал попутчикам забавную историю, время от времени вызывавшую у слушателей веселый смех.

Немного дальше, на нижней боковой полке, облюбовав место у настольной лампы, покрытой абажуром, пожилая женщина в очках медленно, с расстановкой читала белокурой девочке сказку о золотом петушке. В другом конце вагона азартно играли в домино. После каждой партии из конца в конец вагона разносился веселый шум.

— Козлы! Козлы! Бэ-э-э! — выкрикивали победители: — Капусты! Давай козлам капусты! — с хохотом поддерживали болельщики.

Сергей Воронов уже несколько минут, не сводя глаз, смотрел на медленно сползавшую по стеклу вагонного окна струйку дождевой воды. Напротив него сидели молодая женщина и щупленький старичок. Облокотившись на колени, старичок читал книгу. Его жиденькая клинообразная бородка напоминала прядь льняного волокна. Круглые очки в блестящей медной оправе спустились на самый кончик носа.

— О чем задумался, Сергей Борисович? — улыбнувшись, спросила Воронова женщина.

— А? О чем задумался? — Воронов перевел взгляд на нее. — Да так... Вот, думаю, кончились в нашем краю красные деньки, а с ними кончилась и наша работа... Теперь до весны лежи на печке! Эх, есть же земли, где не бывает зимы! Вот бы нам сюда такую благодать... Посмотри, — он кивнул головой в сторону окна, — кажется, только вчера сияли лучи летнего солнышка, а что делается теперь?

За окном мелькали перелески. Опавшие с деревьев желтые листья, пасмурное небо, непросыхающие дороги и поля, похолодавший воздух — все напоминало, что лету пришел конец. Осень давала знать о себе и здесь, в вагоне. Когда кто-нибудь забывал закрыть за собой входную дверь и в вагон врывались потоки сырого холодного воздуха, пассажиры, а особенно те, что сидели близко к дверям, сердито покрикивали на забывчивых попутчиков.

— Да, прошли горячие денечки, — с досадой продолжал Сергей начатый разговор, — теперь опять до нового сезона будешь переливать из пустого в порожнее.

Сожалея о прошедшем лете и его теплых ласковых днях, Сергей сказал:

— А весна, а лето какое было. Как по заказу! Правда, Люба?

Женщина встрепенулась, посмотрела на прищурившегося в задумчивости собеседника и участливо подтвердила:

— На редкость! А тем более для вашего дела...

— Да, да... В нашем деле не всякая весна и лето ко двору приходятся! — И снова обратился к ней: — А знаешь, сколько рыбы в этот

сезон помогла моей бригаде выловить такая погода?

Люба не знала всех подробностей работы бригады Сергея, поэтому, ничего не ответив, вопросительно посмотрела на него.

— Не знаешь? Одних карасей полтыщи центнеров! Да красавцы-то какие! Отборные — один к одному! У ребят моих аж глаза разбегались от удовольствия, сердце от радости замирало... Что ни тоня, то ковш золота!

Сергей Воронов говорил о своей бригаде и о ее успехах с гордостью. И на самом деле, минувшим летом они потрудились на славу.

— Прошли горячие денечки! — Еще раз повторил Сергей. — А теперь вот сиди у моря и жди погоды...

Облокотившись на столик, он опять засмотрелся в окно, хотя за ним ничего и не видел.

На землю опустился октябрьский ранний вечер. В густой темноте, даже на близком расстоянии, трудно было что-либо различать. Только едва пробивавшиеся через осеннюю тьму огоньки давали знать, что позади осталась железнодорожная будка, разъезд или какое-нибудь иное строение.

До конечной остановки, на которой должны были сойти Сергей и Люба, было уже недалеко. Впереди показались тусклые огоньки.

— Посмотри, это не огни вашего завода? — спросил Сергей.

Люба поднялась и посмотрела в окно.

— Нет. Наши не такие. У нас должен быть виден прожектор на вышке. Вон там! — Люба показала в правую сторону, где мерцало всего несколько неярких огоньков.

— Это что же за вышка такая? Не замечал я раньше! — заинтересовался Сергей и повернулся лицом к Любе.

— Самая обыкновенная, из дерева, недавно построили, — сказала Люба, — и по ночам непременно видна. У нас на заводе она вроде маяка: когда лес по реке гонят, так прожектор путь указывает сплавщикам, чтобы в заводской затон не угодили...

Сергей помолчал. Свой маленький, заброшенный далеко от города рыбпромхоз он сравнивал мысленно с громадной машиной — деревообрабатывающим заводом, где работала Люба. «Как небо от земли!» — подумал он и не удержался:

— Да, хорош ваш завод, круглый год без перерыва. Не то, что... — Сергей не договорил.

— Так ты на зиму к нам, — заметила Люба, принимая его сетования всерьез.

Спohватившись, что начал говорить не то, он резко возразил:

— Нет уж, спасибо! Привык я к своему коллективу, как к родной семье. А насчет работы — это я просто так. Беспокоиться нечего. Кое-какие дела и у нас зимой найдутся.

— Трудно вам, — посочувствовала Люба. — На здешних реках да озерах ваше дело сезонное, не то, что на нашем заводе. У нас и зимой, и летом — сколько угодно лесу подвежут. Успевай пилить да обрабатывать!

Старик, сидевший рядом с Любой и занятый чтением, до этого не вступал в разговор. Но при упоминании о заводе насторожился и, поправив очки, пристально посмотрел на Любу.

— Да, завод известный. Слава о нем по всей округе идет!

— И вы, папаша, знаете наш завод? — удивилась Люба.

— Не один завод, но и тебя, дочка, немного знаю!

— Даже и меня?

— Даже и тебя! — подтвердил он.

— А я вас не знаю... — Люба силилась вспомнить, где могла встречаться с этим человеком.

Старик тем временем рассказывал о буднях завода, о его людях, о заводских делах и не спешил удовлетворить любопытство молодой женщины. Любе же не терпелось узнать другое:

— Все-таки интересно, очень интересно: откуда это вы меня знаете?

В ответ старик сказал:

— Лично с тобой, дочка, встречаться мне не приходилось, а вот Доску почета вашего завода видел. Я — Чугунов Тихон Иванович, — назвал старик себя, — может, слышали? До самой пенсии на заводе работал, да и сейчас считаю его родным домом. Там-то я тебя и узнал, и что написано на Доске почета немного припоминаю. Кажется, вот так: «Лучшая сортировщица», если не ошибаюсь. «Любовь Даниловна»... — Чугунов несколько помолчал. — А вот фамилию, извиняюсь, забывал!

— Зубова, — подсказала Люба.

— Верно, верно, Зубова, — торопливо согласился Тихон Иванович. — Даже фотографию твою помню! — И он еще раз внимательно

посмотрел в ее лицо. — Красивая на карточке, а в натуре еще лучше.

Слова старика смутили Любу, зажгли лицо румянцем. Сергей заметил это, и Люба показала ему красивее прежнего, хотя видел ее раньше не один раз. Из-под белого вязаного платка виднелись русые волнистые волосы, большие карие глаза отсвечивали нежным блеском. Весь ее облик был наполнен свежестью какой-то особой чистоты.

Перебирая в памяти прежние встречи с Любой, Сергей вспомнил, как познакомился с ней в городском клубе на молодежном вечере. Понравилась она ему. Но смущенно посматривая на ее красивое лицо, Сергей по своей застенчивости не решился на более близкие, дружеские отношения. А когда собрался объяснитьсь, — опоздал: Люба вышла замуж. В дальнейшем он потерял ее из виду и знал о ней только по рассказам. Говорили всякое: что и мужа бросила, ребенка без отца оставила, что и ветер в голове. Но толком, что и как — Сергей не знал, а слухам не совсем верил. «И чего не наговорят зря на человека, не заглянув ему в душу, — думал он, посматривая на открытое бесхитростное лицо Любы. — За глаза кого не осудят... И судят-то по собственным догадкам, ничего путем не зная». Сдерживая любопытство, за время совместной поездки Сергей так и не спросил Любу о ее семейных делах. Она о них тоже умолчала.

Поезд подошел к очередной остановке. Несколько пассажиров покинули вагон.

— Это что за станция? — обращаясь к Сергею, спросила Люба.

— Похоже на Богдановку. А впрочем, сейчас точнее узнаем! — Сергей поднялся и пошел к выходу. Через минуту, осведомленный проводником, он сообщил: — Поезд остановился на Овсовом разъезде.

— Сколько же нам еще осталось ехать?

Сергей посмотрел на часы.

— По расписанию еще полчаса.

Время тянулось томительно медленно.

— Ох, не дорога, а вечность! — посетовала Люба усталым голосом. — Как надоело!

— Тебе что, ты, считай, уже дома, в теплой квартирке, в мягкой постельке с пуховыми подушечками... Ну, как в раю! — Люба улыбнулась. — А вот мне, горемычному... — Сергей досадливо крикнул. — Э-э! Даже и вспомнить страшно — даль-то какую добираться!

Сергей жил с матерью на далекой окраине города. Обычно по утрам, провожая его на работу, мать спрашивала:

— Сегодня-то ко времени домой вернешься?

Но почти всегда слышала неопределенный ответ:

— Как успею, мама.

Часто Сергей не возвращался с вечерним поездом. То он опаздывал к его отходу, то задерживался на работе. В такие дни он оставался ночевать в общежитии рабочих рыбпромхоза.

— Ума не приложу, как поступить, — как бы советуясь, сказал Сергей и пошутил: — А может, ты мне поможешь? Смотри, что творится! — и кивнул головой на вагонное окно, по которому, как и прежде, сползали капли

дождевой воды. — В такую погоду хороший хозяин и собаку на улицу не выпускает... Хорошо, если машина какая будет, на нее единственная надежда.

— Я бы рада пригласить тебя, да комната у меня небольшая и к тому же несколько дней назад неожиданно гости приехали, пришлось потесниться. Впрочем, ты не унывай. Гости, может быть, уехали.

После неожиданного приглашения Сергей стал оправдываться:

— Да что ты, Люба, — смутился он, — я пошутил!

Но Люба настаивала:

— И слушать не хочу. По приезде, думаю, все уладим. Авось смогу быть полезной. Побочусь о твоём ночлеге!

Не находя слов, Сергей замолчал. Умолкла и Люба. Спрятав руки в карманы пальто и прислонившись к боковой стенке вагона, она с нетерпением отсчитывала последние минуты надоевшего пребывания в вагоне. Сергей увязывал багажными ремнями чемодан.

Близился конец их пути. В вагоне наступило оживление. Закончили сражение «козлятники», умолкли девичьи голоса, опустели верхние полки.

Паровоз, замедляя ход, приближался к вокзалу. Его прожекторные лучи, разрезая нависшую пелену дождя, еле-еле освещали перед собой путь.

Дул порывистый колючий ветер, уносящий стук колес и сигнальные гудки. Лязгнув, поезд остановился. Это был Гурьевск — город и узловая станция Северной железной дороги.

Колеса замерли, и почти безлюдный, тихий до прихода поезда перрон стал шумным, откуда-то появилась толпа людей. Одни с тяжелой ношей, расталкивая встречных, спрашивали, откуда начинаются первые номера вагонов, торопились, боясь опоздать; другие толпились у дверей вагонов, протягивая проездные билеты и наперебой предлагали их проводникам. Приехавшие с чемоданами и узлами устремлялись кто в залы ожидания вокзала, кто на привокзальную площадь.

— Берегись! Посторонись! — выкрикивали носильщики. По перрону с грохотом проносились тележки, наполненные багажом. Обычную картину перронной суеты дополняли радостные и слезные объятия, дружеские рукопожатия, возбужденные голоса.

Сергей ровной, тяжелой походкой шел к восточной стороне перрона, разбрызгивая по сторонам воду из мелких лужиц.

Перехватив чемодан из руки в руку и свернув с главной площадки, он направился к столбу электрического фонаря, освещавшего вход в вокзал. Здесь, с облегчением опустив тяжелую ношу, вытер влажное от дождя лицо и рассеянно оглянулся.

Даже при тусклом освещении можно было заметить яркую внешность Сергея. Рослый, широкоплечий, с высоким лбом и небольшими серыми глазами, с выбившимся из-под шапки чубом, он привлекал огромной физической силой, которая чувствовалась во всех его движениях. На нем была обитая на заты-

лок смушковая шапка, поношенный, но чистый, защитного цвета армейский бушлат и широкие штаны, заправленные в кожаные сапоги.

При выходе из вагона Люба, не прощаясь, бросила ему:

— Подожди меня при входе в вокзал. Смотри же, не уходи. Слышишь?

Люба убежала в сторону багажной кладовой.

«И дернул же меня черт за язык! — подумал Сергей. — Как теперь быть? Пожалуй, откажусь. Неудобно. Если кто узнает — насмешек не оберешься. Ишь, скажут, к соломенной вдовушке подсватался!» — Затем эту мысль сменила другая: «А может, все-таки пойти? Что в этом плохого? Мало ли чего не скажут, на каждый роток не набросишь платок».

«Как-нибудь буду добираться домой», — решил он окончательно.

Покуривая из рукава, Воронов терпеливо ожидал, а Люба все не возвращалась. Когда поезд медленно отошел от станции, а суета сменилась тишиной и перрон опустел, Сергей увидел приближавшуюся издали Любу.

— Понимаешь, — объяснила она скороговоркой, — телефон у нас в конторе домоуправления, пока дозвонилась... А тут еще мама подроспела с вопросами: как да что с Василием. Василий — это брат мой, в армии служит. К нему на побывку ездила... Матери все такие, сам понимаешь, знать все скорее не терпится, вот я и задержалась... А тебе повезло, гости уехали. Пойдем!..

Сергею не хотелось обидеть Любу, но он решительно отказался.

— Вот это здорово! Да ты что? — и по лицу Любы пробежала недоумевающая улыбка.

— Так. Не пойду и все. Попробую придумать что-нибудь сам. Видишь ли... Мне завтра на работу... Потом... — Сергей думал, что сказать потом. — Потом мать будет ждать, беспокоиться... — И, конечно, солгал. Мать не ждала его сегодня. Домой из командировки он возвращался на сутки раньше срока.

— Так бы и говорил, — недовольно промолвила Люба, — что зря время тянул, на дожде мок... А впрочем, как знаешь!

Сергей что-то хотел сказать, но Люба скрылась за стеклянной дверью вокзала.

Воронов взялся за ручку чемодана. Чья-то рука неожиданно коснулась его плеча.

— Хорош гусь! Свиданьца, значит, назначаешь? Да где? В какую погоду? Другого места и времени не выбрал?

Сергей повернулся. В говорившем он узнал своего товарища Михаила Коробова. Обменялись рукопожатием, Михаил засмеялся:

— Смотрю на тебя, все женихаешься, а невесту никак не подберешь! Говорят, много невест разбирать — век женатому не бывать!

— Но говорят и другое: жениться — не лапоть надеть! — шуткой ответил Сергей.

— Приехал или уезжать собрался? — уже серьезно спросил Коробов.

— Какое там уезжать... Приехал, да вот не придумаю, как до дому добираться!

— А с ней что не пошел? — подмигнул Михаил вслед Любе. — Слышал, слышал, как она

тебя уговаривала! Доведись такая мне — не отказался бы!..

Но Сергей не обратил внимания на слова приятеля и поинтересовался:

— А ты зачем здесь бродишь?

— Не брожу, а на смену иду. Сегодня у меня ночная. Да вот тебя увидел...

Сергей и Коробов перекинулись еще несколькими фразами. Времени для длительного разговора не было. Михаил спешил на работу, а Сергею еще предстояла дорога. Простившись, он поднял чемодан и вошел в помещение вокзала.

ВСТРЕЧА С МУЖЕМ

1

Люба Зубова вышла на опустевшую при вокзальную площадь. Сиротливо-одиноким выглядел небольшой сквер, обнесенный железной, выкрашенной в зеленый цвет оградой. Только изредка чьи-нибудь быстрые шаги вплетались в шум дождя.

«Что делать? — оглянувшись по сторонам, подумала она. — Идти домой или вернуться в вокзал и переждать?»

Люба задержалась под навесом, прикрывавшим подъезд вокзала. Большая часть пассажиров, сошедших с поезда, успела торопливо разойтись. Только несколько человек оказалось рядом с ней. Эти люди, как и она укрывшись от дождя и беспокоясь, нетерпеливо ждали, когда он кончится. Но небо, нависшее

черными тучами, скорой перемены погоды не обещало.

В этот вечер, видимо, Любе было суждено встретиться с Тихоном Ивановичем Чугуновым еще раз.

— О, молодка, и ты здесь? — окликнул старик, увидев ее около себя. — Выходит, вместе ехали, вместе и идти придется.

— А почему бы и не пройтись по такой приятной погодке, — шутливо улыбнулась Люба.

— Эх! — вздохнул Тихон Иванович. — Было время, да прошло. Теперь с моей скоростью, пока до дому доберешься, нитки сухой не останется! — проворчал он и стал сетовать, что у вокзала не оказалось ни автобуса, ни такси. — Сейчас «победу» бы — вот это дело. Смотри, и развезла бы всех по домам. В другой раз машин здесь, что малька в озере. — Он рукою указал место на площади, где была стоянка автомашин. — А сейчас, как на грех, одну с фонарем не сыщешь! — и неожиданно спросил Любу: — Тебе-то далече?

— Не очень. На 3-ю Заречную.

— На 3-ю Заречную? — с удивлением переспросил Чугунов и посмотрел на нее внимательнее, чем в вагоне.

Оказалось, Тихон Иванович и Зубова жили на соседних улицах, но Чугунов поселился к сыну совсем недавно и, вероятно, поэтому ни разу не встречался с Любой.

— С твоей молодостью до 3-й Заречной рукой подать!

— Думаю, минут через сорок буду дома, — подтвердила Люба.

Едва она успела произнести последнее

слово, как справа от нее раздался голос женщины:

— Как идти будешь?

Лицо новой собеседницы скрывал дверной косяк, но у ног женщины Люба разглядела два узла: один величиной с бельевую корзину, перетянутый тонкими бечевками, другой немного поменьше.

— Это в добрую погоду минут за сорок, — продолжал все тот же голос, — а по нашим лужам и за час не доберешься.

Любе ее голос показался знакомым.

— Или не узнаешь? — подойдя, спросила женщина. — Хороша подружка, нечего сказать!

— Ой, Нинка, да это ты! Право, не узнала. Богатой тебе быть!

В подошедшей Люба узнала подругу школьных лет, с которой хотя и жила по-соседству, но продолжительное время не встречалась.

— Да я и так не бедная! — весело ответила Нина после дружеских объятий. — Посмотри, сколько богатства везу, хоть отбавляй! — Она коснулась узлов ногой и довольная не меньше подруги встречей засмеялась веселее прежнего. После теплых приветствий Люба решительно предложила:

— Ну что ж, пойдем домой вместе! — Затем, показав на Чугунова, добавила: — И ему веселее будет. Правда, папаша? Пошли.

В надежде на какой-нибудь транспорт старик отказался от приглашения. Нина же согласилась и взяла свои узлы.

Надвинув на лоб платок и подняв воротник, Люба первой пошла через площадь.

Освещенная фонарями, умытая дождем, перед ними открылась по-осеннему красивая улица. Стройные тополя тянулись по обеим ее сторонам до самого центра города.

— Давай помогу, — предложила Люба и на ходу взяла у подружки один узел.

Вспоминая школьные годы, увлеченные разговором, они не заметили, как оставили позади уже несколько кварталов. Проходя по одной из улиц, казавшейся узким и длинным коридором, Люба еще издали, при слабом освещении фонаря, увидела мезонин с узорчатыми украшениями. Как много горьких, безрадостных дней провела она в этом доме.

— Ну и узелок! Нешто камней нагрузила? — спросила она, переложив его с одного плеча на другое.

— У родственников гостила. Сыну да муженьку гостинцев навьючили! Не ждут они меня сегодня. Вот и не встречаются.

Эти слова отозвались в сердце Любы... «Муженьку гостинцев, — повторила она про себя. — Как хорошо быть счастливой, вот такой, как Нина! С нетерпением спешить домой, где ждут тебя дети, добрый и ласковый муж. А кто встретит меня? И есть муж, да одинокая. Одна радость — дочка».

Люба вспомнила о прошлом, обо всем том, что было еще живо в ней, хотя с того времени прошло уже пять лет.

Вот здесь, под липами, у скрипучей калитки, вечерами озорной девчонкой она встречалась

с Григорием Зубовым. В памяти мелькнуло: первое знакомство, задушевные разговоры, серьезное объяснение. Потом она вошла в дом Григория женой.

Первые годы Зубов к ней был внимателен. Закончив свои дела в Пригородной РТС, где работал слесарем по ремонту тракторов, он вовремя возвращался к семье, помогал Любе в домашнем хозяйстве, звал ее куда-нибудь пройтись. С радостью возвращалась с работы и она. Без устали делала все, что могла и умела для дома, для Григория, для семьи. Люба была счастлива. Ей казалось, что жизнь с мужем складывалась у ней удачно. Но все светлое окончилось через три года: Григорий стал пьянствовать. Не раз, пытаясь остановить его, Люба говорила:

— Губят тебя, Григорий, «дружки» твои. Не таких людей, с какими сейчас знаешься, хотела я видеть около тебя. Топят они жизнь свою в хмельном угаре. Могут принести горе и нашей семье...

Но Григорий не унимался и был глух к просьбам жены. Все чаще и чаще возвращался домой пьяный, а впоследствии начались и скандалы. Поведение мужа Люба скрывала от матери и близких людей. Просила и уговаривала его. Надежда на лучшее все еще не покидала ее. «Может, оценит терпение мое, ласки, любовь: может, осознает свои поступки», — надеялась она. Не верилось, что так будет продолжаться долго... Не оправдались надежды Любы. Никто Зубова не удерживал, сам он не останавливался, у нее же не хватало сил образумить его.

Как-то поздней ночью Григорий снова возвратился домой пьяным. Угрюмо раздеваясь, он небрежно разбрасывал по комнате одежду. Уловив его взгляд, Люба, как и много раз раньше, стала спокойно уговаривать его:

— Нехорошо поступаешь, Гриша! — И присела рядом с ним на сундук. В его помутневших глазах она надеялась встретить хотя бы искорку прежней ласки, но ничего не нашла. Ее же сердце было полно тревоги и горечи за судьбу еще дорогого ей человека.

— Кому нехорошо, а кому и так неплохо... — снимая сапог, грубо ответил Григорий и опустил голову.

— Посмотри на себя! Что стало с тобой? Жизнь свою в рюмке водки утопить хочешь. Терпения моего нет... Перед людьми совестно...

Григорий кряхтел над сапогом, который никак не снимался с непослушной ноги.

— Может, надоела тебе? Может, другую нашел? Скажи, мешать не стану... Опомнись, Гриша, будь человеком! Ради дочери — опомнись! Не мне, так ей ты нужен! — Последние слова Люба произнесла умоляюще и положила руку на его плечо. Григорий бесцеремонно и грубо сбросил ее руку и угрожающе прохрипел:

— Отстань! Если здесь тесно, убирайся на все четыре стороны!

— Убраться никогда не поздно. Я для тебя лучшего хочу.

— Не тебе учить, своя голова есть...

— Вижу. Голова есть, а вот понять не можешь, какой опасной дорогой идешь. Жену, дочь и дом свой на собутыльников променял. Ум пропиваешь!

Хмельной Григорий принял слова жены за обиду. Недолго раздумывая, он ударил Любу снятым сапогом. Затем ударил еще и еще...

Горький комок подступил у нее к горлу, но глаза были сухими. Ради любимого человека Люба готова была на все: забыть семейные неурядицы, порой простить и грубость и обиду. Но побои, унижающие ее человеческое достоинство, она простить не могла.

Неутихавший дождь и грязь под ногами напоминали Любе, как год назад, в такую же осеннюю пору, она ушла от Григория Зубова.

— Ну, как у тебя дела-то с ним? — заговорила Нина, проходя мимо дома с мезонином, кивнув головой в ту сторону. — Не одумался?

Люба поняла, о чем спросила подруга. Ей хотелось рассказать о многом, но, не собравшись с мыслями, ответила коротко:

— Все так же, без перемен.

— И кто бы мог подумать? Первый парень был! Не одна ты, другие на него заглядывались! — пыталась Нина завязать разговор о жизни и делах семьи Зубовых.

— Видно, плохо присматривалась. Плохо счастье свое выбирала. Выходит, и правда — не все то золото, что блестит! — вспомнила Люба поговорку своей матери.

Еще задолго до того, как она собиралась стать женой Григория, мать Любы иногда заводила разговор о ее замужестве и каждый раз, поучая дочь, указывала на достойные похвалы примеры:

— Посмотри, — называла она какую-нибудь семью, — много лет вместе, а все как вчера свадьбу сыграли!

Люба по молодости лет плохо понимала мать. Она спрашивала, зачем та ей обо всем этом говорит. В ответ мать твердила: я хочу твою жизнь красивой видеть. А чтобы красиво прожить, с красивого и пример надо брать. Посмотри на соседей: они всегда и везде вместе. Горе и радость пополам делят. На работе их хвалят, у людей на добром счету. Ни ссоры, ни ругани. Вино только по большим праздникам водится. К таким людям, как сказывают, счастье само в дом через любую щель пробьется...

— Мне и не снилось, что таким будет Григорий! — прервала Нина тяжелое раздумье Любы.

— Да, милая. Не так у меня сложилось замужество, как хотела, как мечтала о нем..

А мечтала Люба о замужестве по-девичьи, радужно. Семейная жизнь казалась ей боль-

шой широкой и красивой дорогой, по которой пройдут они рядом с Гришей, храня, как драгоценность, любовь и дружбу.

...До конца пути оставалось недалеко. Беседа незаметно сокращала путь.

— Как-то встретила Григория, — продолжала Нина, — осунулся, не по годам постарел. Открыто в глаза не смотрит...

Сообщение подруги Люба выслушала с особым интересом.

— А о себе, о нас говорил?

— Разве не был он у тебя?

— Нет.

— А говорил — пойду, дочь видеть хочу. Пить непременно перестану. Даже слово дал. Поняла я тогда, что разлука с тобой ему в тягость.

— Говоришь, слово давал? Ну, кому, кому, а мне оно известно, — возразила Люба, — не раз он давал его. Но как даст, так и не сдержит. Стоит встретиться с собутыльниками, как все начинается снова.

Нина сочувственно вздохнула.

— А ты все-таки попробовала бы уговорить его добрым словом...

— Ах, молчи... Пробовала. И убеждать, и советовать пробовала. Не помогает. А просить не буду, — гордо ответила Люба. — Просить Григория — значит, незаслуженно унижить себя. Я перед ним ни в чем не виновата.

— Так ты в РТС сходи, пожалуйста. Пристыди! — наставляла Нина. — Может, заставят к семье вернуться!

Люба удивленно и с улыбкой посмотрела на подругу.

— Жаловаться советуешь? Нет, жалобы не помогут. На лошади, которая не тянет без кнута, далеко не уедешь. Принужденному в семье жить, что против воды плыть. Тяжело! Сама понимаешь.

Наступило время расставания. Люба отдала подруге узел и, торопливо простившись, поспешно пошла от ее ворот.

Дождь разошелся еще сильнее. Прибавив шагу, она подошла к своему дому. Ее глазам предстал подъезд, освещенный электрической лампочкой. На втором этаже в двух окнах горел свет: в комнате Любы и в комнате соседки по квартире Веры Андреевны Высоцкой.

3

Люба приводила в порядок измокшую после дороги одежду. Рассказав коротко, как живет брат, на другие вопросы матери отвечала вяло, с нежеланием. Полина Ивановна, увидев, что дочь расстроена, встревожилась:

— У тебя что-нибудь случилось?

— Ничего. Просто так...

— Зачем скрываешь? Ведь я вижу, не обманешь!

Любе не хотелось посвящать ее в подробности разговора с подругой, и она отозвалась с неохотой:

— Нину Малиновскую встретила, о Грише она рассказывала...

— Я так и подумала. А что нового?

— Осунулся. Постарел не по годам...

И она представила себе Григория, каким он

был раньше: опрятно одетый, чисто выбритый, бодрый и жизнерадостный... А теперь? В будни и праздники в грязной одежде, сутулый, неделями небритый. Пьянство наложило свою печать. На лице появились морщины, а под глазами синева.

— Жаль мне его, мама!

— Одной жалостью дела не поправишь. Не печалиться, а помочь ему нужно! — сказала Полина Ивановна.

— А мне кажется, сам образумиться должен. Ведь говорил же Нине: пить перестану, к дочке пойду, семью хочу видеть.

— Нет. Ты же знаешь, не такой он человек, чтобы самому одуматься. Да и я знаю его не первый год. Бесхарактерный. По своей слабости с собой не совладает. Послушай, Любаша, может, и нескладно скажу — не осуди, ты, знаешь, я нешибко грамотная, а что до житейских дел, то на своем веку и хорошее и плохое видела. И тебе о том поведать хочу! Ты представь себе лодку. Что с ней будет, если оторвется она от причала и пойдет по течению воды? — Мать замолчала и вопросительно посмотрела на Любу, но, не дождавшись ответа, продолжала: — Сама по себе она не остановится. Так и будет плыть по воле ветра и волн. А потом захлестнет ее где-нибудь водой, утонет она, и поминай как звали!.. — Полина Ивановна старалась как можно понятнее выразить свои мысли о Зубове. — Оторвался Григорий от жизни и поплыл по течению, по волнам. Живет от всех в стороне, как крот!

— Крот? Это значит — слепой, — подавшись неожиданному сравнению, подумала

Люба и закрыла глаза. Григорий представился ей пробирающимся в темноте, сам не зная куда и зачем, не видя, что делается впереди и по сторонам... А Полина Ивановна продолжала:

— Никто не остановил его, не помог выбраться из омута и пристать к ясному берегу. А злая волна недобрых дружков-приятелей все хлещет да хлещет на него. Может, собутыльнички помогут ему остановиться, образумиться? Нет. Ни в чем они ему не помогут. Разве к пропасти его скорее толкнут. Остановиться же самому силы у него не хватает. Одинок он, одинок... А одиночество и есть бессилие.

Обогревшись после дороги чашкой чая, Люба обдумывала слова матери.

— Поняла ли, что я сказала?

Люба утвердительно кивнула головой.

— Пойми, у оторвавшейся от берега лодки есть и другая судьба. Понимаешь, другая! Сильная рука человека остановить и спасти ее может. Думаю, помощь таких крепких рук Григорию очень нужна!

Послышался фабричный гудок. Полина Ивановна заторопилась на смену, набросила плащ, платок и оставила дочь наедине с ее мыслями. Люба загрустила еще больше. Слова матери свежими струйками влились в ее смятенное сознание. «Доброжелательные люди должны остановить Григория! — еще и еще раз повторила она эти глубоко запавшие ей в душу слова. — А как я? Как мои чувства к нему? — спросила она себя мысленно. — Нет, они не остыли. Они проверены разлукой. Годы,

прожитые вместе, не позволят вычеркнуть его из моей жизни...»

Как маленький уголек иногда вызывает яркое пламя, так немногие, но значительные слова матери как-то согрели чувства Любы. Ей захотелось увидеть Григория, чем-нибудь помочь ему, попробовать вернуть его и вернуться самой к той жизни, какую начинала она с ним. Люба понимала, что хорошие отношения между ней и Григорием сами по себе не наступят, а ждать и надеяться, когда он все осознает сам, а затем вернется к семье — значит допустить глубокую ошибку. Иногда Люба верила, что есть сила, которая способна сокрушить любую порочность человека.

В отсутствие матери Люба почувствовала такое одиночество, какого раньше никогда не ощущала. Даже светлая и уютная комната и та показалась ей постылой, угрюмой и неприветливой. За что только она ни принималась, в ее представлении вырастал Григорий, мысли неслись к нему. Она сердилась на себя, гнала эти мысли, стараясь занять себя чем-нибудь другим.

Крупные капли дождя, дробно барабанившие по железному листу подоконника, напомнили о Воронове. «Где он сейчас? Что делает? Добрался ли домой?» Прошло еще полчаса. И вдруг в дверь постучали. Люба почувствовала, как замерло у нее сердце. Она вышла в прихожую, открыла дверь и отпрянула назад. За порогом, в промокшей, местами испачканной грязью одежде, обрюзгший, с воспаленными глазами стоял Григорий Зубов. Поборов минутное замешательство, Люба уступила ему

дорогу. Войдя в комнату, Люба не видела, как тотчас к закрывшейся за ней двери, крадучись, подошла немолодых лет женщина. Выкрашенные в светлый цвет волосы, связанные тесьмой в пучок, беспорядочно торчали на ее взлохмаченной голове и напоминали стрючки высушенной фасоли. Это была Вера Андреевна Высоцкая. За сплетни, болтовню и интриги в доме ее единодушно прозвали «ключницей». Эта кличка укрепились за ней года два тому назад, после того, как она из невольной случайности раздула целую историю и причинила большую неприятность своему соседу по квартире. Вот и сейчас Вера Андреевна, томясь от любопытства, неслышно подошла к Любиной комнате.

Григорий Зубов сидел на сундуке. Опустив голову, широко расставив ноги и облокотившись на колени, он мямлил в руках и без того измятую шапку. Люба со страхом и волнением ждала, вот-вот он запросит прощения, поинтересуется дочуркой, что-то скажет о их будущем... Но Григорий молчал.

«Все такой же! — подумала она с горечью: — Не изменился. Пьяный.. Привычка эта не покидает его!» — И надежды ее стали угасать. Но вот, не говоря ни слова, Зубов поднялся, слегка пошатнулся и подошел к жене, силясь обнять ее за талию. Его горячее дыхание и порывистость движений испугали ее. Люба поняла, зачем он пришел. Резким движением она высвободилась из его объятий.

— Эх, Григорий, Григорий! Не таким хотела видеть тебя в своем доме, не для того ждала... — Голос Любы дрогнул.

— Ты что, с ума сошла? — сипло пробасил Григорий. — Ведь давно не виделись... Муж я тебе или нет?

— Да, ты не только муж, ты и отец! А что хорошего от тебя жене и дочери? Чем помог ты им за этот год? Чем порадовал? Думаешь, приятно видеть тебя пьяным? — Возмущение Любы прорвалось. Не сдерживаясь, она выкладывала ему все наболевшее: — Ты смеешь называть себя мужем? Если ты еще не потерял право на это звание, так потеряешь совсем. Водка тебя доведет! Ведь ты и жену и дочь на нее променял...

— Так! — процедил Григорий сквозь зубы. — Мораль, значит, читать задумала? Мужем пренебрегаешь?!

— Нет, Григорий, не тобой, а пьянством твоим пренебрегаю. С настоящим человеком, настоящей хорошей жизни хочу, как у людей!

Григорий остановился и хмуро взглянул на жену.

— Ах, вот как! Настоящего человека захотела. По-твоему, я тебе не человек? Честную да светлую из себя корчишь? Водкой попрекаешь, не мил, не хорош, противен?! — Затем, сделав шаг в ее сторону, зло продолжал: — А тот, с кем на вокзале встречаешься, не противен? Мил? — В душе Григория пробудилась ревность. Захлебываясь словами, он уже не говорил, а кричал: — А мужика на ночь к себе тащить — это, по-твоему, красивая жизнь? Настоящего человека, знать, нашла? Свое прошлое с ним вспомнила? Наверное, не меня, а его ждала?

Люба поняла: Григорий каким-то образом

узнал о ее случайной встрече с Сергеем Вороновым.

Ей хотелось объяснить Григорию, как ошибается он, как несправедлив к ней, но нанесенная им новая обида с большей силой всколыхнула прежнее. Она вначале как бы окаменела, а потом не удержалась и громко, по-бабьи заплакала.

Надвинув до ушей шапку, уже в дверях Григорий с угрозой бросил:

— Со мной жить не будешь и с ним счастья не увидишь!

Не прощаясь, он с силой захлопнул за собой дверь.

У М О С Т А

1

Давно над городом угас короткий осенний день. Несколько окон двухэтажного дома, расположенного недалеко от городской площади Гурьевска, были освещены электрическими огнями.

Кроме комнаты в нижнем этаже, на дверях которой стеклянная дощечка указывала вход к дежурному по городскому отделу милиции, в тот вечер долго не угасал свет и в комнате на втором этаже.

Косой луч настольной лампы, покрытой зеленым абажуром, освещал уже немолодое и строгое лицо склонившегося над бумагами майора милиции Астахова.

Астахов поднялся, собрал бумаги и запер их в стол.

Но едва успел надеть шинель, как на пороге выросла подтянутая фигура дежурного лейтенанта.

— Товарищ начальник, разрешите доложить о происшествии.

— Докладывайте.

— Получено сообщение — обнаружен мертвый человек.

— Кто сообщил об этом?

— Из Березовского сельсовета прибыл посыльный.

— Из Березовского? Посыльный? — удивился майор. — Ведь с ними есть телефонная связь?

— Я спрашивал. Говорит, с утра линию ветром повредило.

— Какие известны подробности?

— Посыльный о подробностях ничего не знает. Через другие источники я проверить не успел.

— Где он?

— В дежурной.

— Проводите его ко мне.

Несколько минут Астахов вел беседу с посыльным в надежде выяснить какие-нибудь детали, которые помогли бы хоть наметить пути дальнейшей работы, но существенного так ничего и не узнал.

— Сам на месте я не был, — отвечал тот на вопросы. — Вызвали меня в сельсовет и сказали: «Погоняй в милицию да скажи, чтобы поскорее приезжали к Березовскому мосту. Какой-то мертвый там лежит!»

Затем рассказал: в какое время выехал из своего села, сколько видел около Березовского моста людей, желавших посмотреть на пострадавшего, и закончил наказом, который дали ему в сельсовете:

— Велели передать, что к мосту охрану выставили, чтобы до вашего приезда никто близко подойти не смог.

Отдернув занавеску, закрывавшую на стене карту района, и отыскивая на ней мост через реку Ключевку, майор обратился к посыльному:

— Далеко ли до моста?

— Дорогой-то не так далеко. Считают от города до Березовки километров восемнадцать. Значит, до моста не больше пятнадцати. Жаль, что грязно.

Обеспокоенный предстоящей поездкой к месту происшествия и трудностью дороги, Астахов спросил:

— А как же вы, товарищ, доехали?

— Мне ли не доехать? Я верхом, а Буланный везде вывезет! — улыбнулся собеседник. Потом, чтобы не огорчить майора, добавил: — Вы особенно не страшитесь. Если на «козлике» — не застрянете. Разве кое-где немного в лужах искупаетесь... — Последние слова он сказал в шутку и негромко засмеялся.

— А вам попадались встречные машины? — поинтересовался Астахов, еще не убедившись в возможности проехать к Березовскому мосту.

— Было две. Ничего, проходили.

— Ну что ж! — заключил майор: — Для начала и этого достаточно. Благодарю вас. Об остальном на месте узнаем сами.

Прощаясь, Астахов пожаля посыльному руку, а дежурному велел обеспечить его ночлегом и поставить в конюшню Буланого. Затем распорядился по службе.

— Немедленно подготовьте машину! Вызовите Субботина, Волгина и Кузоваткина. Пошлите за судебно-медицинским экспертом. Поставьте в известность прокурора. Еще позвоните в областное управление и доложите о нашем выезде. Да скажите: о подробностях сообщу по возвращении. Пожалуйста, выполняйте!

— Есть выполнять! — отчеканил лейтенант и, круто повернувшись, пошел к выходу.

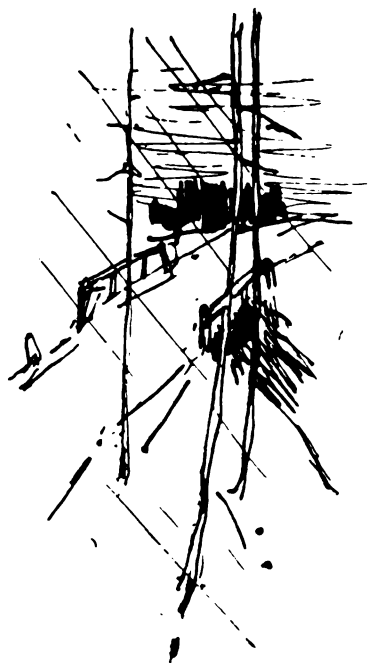
«Не удалось сегодня пораньше вернуться домой», — подумал Астахов.

В его жизни таких вечеров, занятых службой, было немало, но с личным временем он никогда не считался. В большинстве случаев его рабочий день разгорался, когда у других он подходил к концу, а кончался тогда, когда по службе было сделано все, что от него зависело.

В постоянной заботе о порученном деле он не замечал, как остался далеко позади тот памятный день, когда он на всю жизнь связал свою судьбу с органами милиции. С тех пор, как он сменил солдатскую шинель на передник кузнеца, а в скором времени по путевке партийной организации пришел на службу в милицию, прошло около двадцати пяти лет.

— Дорожи, товарищ Астахов, высоким доверием! — сказали ему в районном комитете партии.

Посылая его на этот беспокойный участок

работы, работники райкома не ошиблись. Оберегая спокойный труд и отдых людей, Степан Ильич воспитывал высокие духовные и нравственные качества у тех, кто работал вместе с ним.

Астахов подошел к телефонному аппарату.

— Извини, опять оказался неаккуратным, — виновато сказал он жене. — Я еще немножко задержусь. Очень важные дела, без меня не обойдется... Никак не могу. Знаю. Ну, вот и столк-

вались. Ты же у меня умница! В этом я никогда не сомневался... Да, да. Очень рад, что ты меня понимаешь!

2

Сборы были недолгими. Через полчаса машина, промчавшись сначала по центру, затем через мост по заречной части города, свернула на Луговую улицу и по ней вышла на Березовский тракт. Местами она проходила с трудом: надрывно ревел мотор, колеса вязли в грязи.

— Ну и дорожка! — повторял Астахов каждый раз, когда приходилось потирать ушибленные бока: — Правду говорил посыльный — настоящая грязная купель!

Через час путь «козлику» преградила высокая насыпь. Дальше дорога шла в объезд.

— Кажется, приехали. Посмотрите, по моему, справа огни Березовки? — сказал Астахов и первым вышел из машины. Вслед за ним из кузова вышел врач Денисов, оперативный уполномоченный Волгин, следователь Субботин и проводник собаки Кузоваткин. Привычным прыжком соскочила на землю собака Альфа.

— Нетрудно и заблудиться в такой темноте. А может быть, мы уже и заблудились? — заметил Денисов, осмотревшись по сторонам, насколько позволяла видимость.

Осенняя густая темнота действительно была непроницаемой. Высадившись из машины, участники оперативной группы еле-еле различали находившийся не так далеко мост, перекинутый через довольно широкую в этом месте реку, и силуэты стоявших на нем людей.

Едва затих мотор и погасли фары, от моста к машине подошел человек. Убедившись в приезде работников милиции, он отрекомендовался председателем местного сельсовета, коротко обрисовал обстановку и, показав в сторону стоявших на мосту людей, сказал:

— Это жители Березовки, выделенные для охраны. Без них было не обойтись. Как обнаружили мертвого человека, так и пошли сюда наши односельчане. Вот и пришлось

поставить часовых, чтобы все было как положено.

После короткой беседы председатель пошел впереди. За ним, освещая карманными фонарями дорогу, последовали остальные. Обходя лужи, они медленно поднялись на насыпь и, пройдя по ней, оказались около моста. Машина пошла в объезд.

Ступив на мост, Астахов поздоровался с местными жителями и для начала осведомился:

— Где находится мертвый?

— Вон там, справа, — отозвался председатель сельсовета и показал в сторону основания моста. Степан Ильич посмотрел туда, но ничего не было видно.

— Дмитрий Николаевич, — обратился он к врачу, — прошу вас осмотреть!

Денисов направился к трупу. А тем временем, пока он занимался своим делом, Астахов, Волгин и Субботин вели разговор с жителями Березовки. Из беседы выяснили, когда и кто первым обнаружил пострадавшего, откуда и куда ведут дороги, проходившие в этом месте...

В скором времени Денисов возвратился и сообщил, что человек скончался приблизительно сутки тому назад.

Что делать дальше? Темнота. У майора и врача на этот счет были свои соображения. Первым заговорил Денисов:

— Как вы находите, Степан Ильич, не лучше ли приступить к делу на рассвете? Производить осмотр и фотографирование местности сейчас, при этих условиях, трудновато. Темнота и погода могут помешать в получении желаемых результатов!

Астахов согласился.

Времени до рассвета оставалось еще много. Председатель сельсовета предложил ночлег, но Астахов решил остаться здесь. Он попросил лишь прислать к утру понятых.

В домах за рекой погасли последние огни. Астахов и его товарищи кое-как устроились в машине.

— Ваше решение, Степан Ильич, мне понравилось, — сказал врач, человек прямой, не привыкший скрывать своих мнений и любящий пошутить. — Предлагая повременить с осмотром до утра, откровенно говоря, я не рассчитывал на ваше согласие. И теперь удивлен вашей сговорчивостью! Вы не любите откладывать дело.

Подобную оценку чертам своего характера Астахову приходилось выслушивать и раньше, поэтому она его несколько не удивила.

— Поспешность в таких случаях ни к чему, — ответил он добродушно, — она хороша там, где от нее будет польза. Не согласиться с вами — значит всю ночь ходить наощупь. Ночью можно пройти мимо какой-нибудь существенной мелочи... Упустишь ее, а потом попробуй быстро разгадать — как да что?

— Значит, я угадал, — кивнул Денисов.

— Вот именно, — подчеркнул Астахов. — Я на собственном опыте знаю, во что подчас обходятся мелочи. Был в моей жизни такой случай. Это вскоре после того, как я на работу в милицию пришел. Молод я тогда был и не имел опыта... Как-то вызвал меня начальник и говорит: «Поручаю тебе, Астахов, разобраться с одним делом». А дело то, прямо скажу, не

из особо важных. У колхозника кто-то с усадьбы теленка увел. Приехал я, значит, в деревню. Как положено, понятых пригласил, чин по чину, место происхождения начал осматривать. Ходил вдоль берега речки, у границы усадьбы и все, что видел, в протокол записывал. Кажалось, все подметил, ничего не упустил. Записал и в какую сторону речка течет, на глаз ширину ее измерил. Зарисовал, где ходил теленок, даже березкам и ивам на бумаге место нашел. Словом, фотоаппаратом так не заснимешь, как я в протоколе расписал. А то, что было очень нужно, не заметил. Докладываю начальнику — так, мол, и так, на месте все осмотрел, кого нужно, допросил. И выкладываю ему на стол бумаги... Как сейчас помню, начальник внимательно прочитал их и говорит: «Бумаг ты, Астахов, исписал много, а толку мало. Где пропажа? Кто увел теленка?» — А вот это пока не установлено! — ответил я. Потом он мне и говорит: «Дорогой мой Степан Ильич! Человека, которого обидели, писаниной не удовлетворишь. Ему не бумаги твои, а теленок нужен. Ну, а для общего дела, сам понимаешь, нужно воришку поймать да наказать, чтоб впредь не воровал»... Потом принялся критиковать протокол осмотра местности. «Географическое положение, — говорит, — ты описал отлично, спору нет. Но, на мой взгляд, ты упустил кое-какие мелочи!» — А какие? — спрашиваю его. — Вроде записано все, что следовало! «Теленок-то, наверное, к чему-нибудь привязан был?» Я сказал: а какая, собственно, разница: был или не был он привязан! — «Не-

прав ты! — заключил начальник. — Поезжайка, следовательно, снова в деревню и повнимательнее посмотри вокруг. Кроме больших предметов, которые тебе явно на глаза будут попадать, присмотришься и к мелочам». Вернулся я на место, еще раз обошел все и уже ничего не пропустил. Оказалось, привязью служила ременная тесьма. Вор обрезал тесьму чем-то острым, оставив на березе небольшой ее кончик. Он-то, этот кончик, и помог найти виновника.

Признаться, был у меня в соседнем селе один человек на примете. Нигде не работал, чужое прихватить не забывал. И решил я проверить свои подозрения. На второй день приехал к нему, но дома не застал. Уехал куда-то по делам, сказала его жена. Напрасно прошло несколько часов. Ничего существенного по поводу кражи тельника я не установил. Время уже близилось к ночи, когда я ни с чем возвращался домой. А тут, как говорится, на ловца и зверь бежит. Подъезжаю к лесу и вижу: знакомый-то мой напрягается — везет тележку с дровами. Короче говоря, застал я его с поличным на месте преступления: дровишки-то ворованные были. Но главное не в том. Присмотрелся я к тележке с поклажей и прямо-таки обрадовался: мое подозрение подтвердилось. Дрова были увязаны той самой тесемкой, кончик которой лежал у меня в кармане. А вскоре и тельника удалось найти. Вот что такое мелочи! — заключил Астахов.

Волгин внимательно слушал рассказ Астахова. Едва начальник закончил, он спросил:

— Товарищ майор, а не может случиться

так: следователь всю душу вложил в дело, а преступление так и осталось нераскрытым?

Астахов подумал.

— Нет! — уверенно ответил он. И после короткой паузы добавил: — случается, что вначале следователь терпит неудачи. Но они временные. Рано или поздно любое преступление будет раскрыто. Разумеется, если не опускать рук.

Астахов замолчал. Порывшись в карманах шинели, он достал электрический фонарь и осветил наручные часы. Время перевалило за полночь. Поудобнее поставив занемевшие ноги, он предложил:

— Если не надоело, расскажу еще об одном случае!

— Было это года три тому назад в деревне Вихровке, — начал Астахов минутой спустя. — В одну из летних ночей любители полакомиться забрались на пасеку. Пчел повытрясли, медок унесли и на месте следов не оставили. Вдобавок табачку вокруг насыпали. Это, значит, на случай, если милиция собаку-ищейку приведет, так чтобы она по следу не пошла. Словом, как говорят, сработали чисто. Следователь и так, и эдак, а разгадать никак не мог, — кто же те сластены, где их искать? Как всегда, для начала он пасеку осмотрел, табачок на всякий случай подобрал, хозяина пасеки допросил, всю деревню с ее окрестностями обошел. Ничего утешительного не получил. Но следователь не отступился. Через несколько дней он собрал колхозников села, где случилась кража.

— Нехорошо получается, товарищи, — об-

ратился он к ним. — Воришка живет среди вас и вам же пакостит безнаказанно. Неужели не найдем его?

— Найдем, — дружно загудели колхозники. — Не сегодня, так завтра. Обязательно найдем.

Вскоре по одному стали приходить к следователю колхозники. Каждый сообщал, что удалось узнать по поводу кражи, называл людей, которые могли сделать это. Так маленькими уликами помогли следователю раскрыть преступление.

Прикуривая папиросу, Астахов уловил на освещенном лице Волгина сосредоточенное внимание.

— Дошло ли? — улыбнувшись, спросил он.

— Дошло, товарищ майор!

— Вот так-то. Если хочешь успеха в своем деле — учись у людей, опирайся на их помощь, и они лучшим подспорьем будут! От их взгляда ничего утаить нельзя. Их бдительность крепче любого «табака».

В разговоре незаметно прошла ночь. Медленно наступило утро. Утихла осенняя непогода. Все яснее вырисовывался большой деревянный мост через реку, окутанную туманом, высокая насыпь, село Березовка, раскинувшееся по ту сторону реки.

Просыпались прижавшиеся друг к другу ивы. Вправо и влево от моста они тянулись длинными рядами вдоль берега. Осенний ветер срывал с их ветвей кое-где задержавшиеся желтые листья, которые подхватывала вода и медленно уносила вдаль, мимо густых засохших камышей.

На противоположной стороне моста показались двое мужчин. Они шли в сторону машины.

— Пора приниматься за дело. Вот и понятые, кажется, идут. Сколько на ваших? — поинтересовался Степан Ильич у Денисова.

— На моих семь пятнадцать.

— На моих тоже. Пожалуй, начнем.

Натягивая поводок, первой ринулась вперед Альфа. За ней быстрым шагом, едва успевая, Кузоваткин. Несколько раз собака устремлялась то в одну, то в другую сторону, повизгивая, возвращалась к своему проводнику, временами кружила на одном месте, подолгу что-то вынюхивая, но дальше моста не пошла.

По взволнованно-рассеянному поведению

собаки было видно, что ее участие бесполезно.

Волгин под диктовку Астахова последовательно записывал обстановку вокруг моста, подмечая иногда кое-что и сам. Затем принялся диктовать врач. Денисов осмотрел потерпевшего со всех сторон. Им оказался мужчина высокого роста, правильного телосложения. Черные курчавые волосы прикрывали бледное лицо. По внешним признакам ему было не более двадцати пяти лет.

Верхней одежды и каких-либо документов

при потерпевшем не оказалось. Вывернутые за спину руки туго стягивал узкий с резиновой прокладкой ремень. Ноги обвивала изрядно поношенная, засаленная и местами рваная фуфайка, с завязанными рукавами. Развязав рукава, майор тщательно осмотрел фуфайку и на глаз сравнил с широкими плечами мужчины.

— Очень мала, не по его росту, — сказал он и приказал Волгину сохранить ее в качестве вещественного доказательства.

— И ремень взять?

— Да, и ремень, — подтвердил Астахов. — Может, сослужит нам эта «мелочь».

Пока Астахов и его помощники вносили в протокол последние записи, Кузоваткин со своей Альфой вернулся к автомашине.

Шофер насмешливо заметил:

— Что-то, Федя, твой бобик сегодня работал плохо. Знать, ночь не спал и, не выспавшись, нюх потерял?

Кузоваткин сердито ответил:

— Во-первых, не бобик, а Альфа. Во-вторых, она не шофер легковой машины и в длительном сне не нуждается. А в-третьих, если Альфа сегодня не смогла быть полезной, то это не значит, что она не сможет принести пользу завтра.

— Правильно, товарищ Кузоваткин! Твоя Альфа, думаю, еще не раз пригодится, — поддержал проводника подоспевший к их разговору Астахов.

Машина тронулась в обратный путь. Подпрыгивая на ухабах, она медленно приближалась к Гурьевску.

Едва Астахов переступил порог своего кабинета, как раздался телефонный звонок. Говорила жена. Чуть не плача и упрекая мужа, она побранила за то, что он не взял теплой одежды.

— Успокойся, через час приду. Обязательно через час. Не обижайся! — Степан Ильич положил трубку. Его усталое лицо прояснилось улыбкой. — «Жены, жены... Какой они беспокойный народ! — подумал он. — Вот уже вторые сутки на ногах, а сам об этом подчас и не вспомнишь...»

Не на один час, как обещал жене, а гораздо больше задержался Астахов на работе, намечая вместе с Волгиным и Субботиным необходимые меры по расследованию возникшего дела.

Заложив руки за спину, Астахов стоял у окна и смотрел на улицу, но мысли его были заняты другим. «Как опознать труп? Кто они, отнявшие жизнь у человека? Что побудило их совершить такое преступление?» Повернувшись и испытующе взглянув на молодого оперуполномоченного, майор спросил:

— Как вы находите, Виктор Петрович, что здесь могло произойти?

— Я думаю, — сказал Волгин, — здесь, несомненно, имело место насилие! — Выдвинутую версию Виктор Петрович обосновал убедительными аргументами, ссылаясь на состояние и положение трупа. Затем предположил возможные цели убийства и, наконец, пришел к выводу об участии в нем группы лиц.

Майору нравилась сообразительность Волгина. Даже в тех случаях, когда Виктор Петрович допускал некоторые преждевременные утверждения, Астахов, не перебивая, выслушивал его внимательно до конца. И лишь после высказывал свои замечания.

— В основном, лейтенант, я с вами согласен. Но не торопитесь с выводами, во-первых. Во-вторых, больше критической оценки фактов. Перед нами сложная задача.

Наметив первые неотложные меры по делу, Астахов озабоченно посмотрел на Волгина.

— Эх, не вовремя ты уезжаешь на зачетную сессию! Немного позднее бы... Но ничего, дело нужное. Поезжай да быстрее возвращайся! — И, помолчав, перевел взгляд на Субботина: — А расследование поручим Андрею Гавриловичу. Пусть это будет его, как говорят, боевым крещением!

Пока Астахов и Волгин вели разговор, Субботин больше молчал да ревниво и недовольно поглядывал на Волгина.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

1

Откинувшись на спинку кресла, лейтенант Субботин курил. Сизый табачный дымок то облачком кружил над его головой, то рассеиваясь, узкими, ровными полосками уходил под потолок. В безмолвной тишине, царившей в кабинете следователя, было слышно даже

биение его сердца. Наконец Субботин прервал молчание:

— Продолжим, Варвара Павловна? — обратился он к женщине, уже несколько минут сидевшей недвижимо. Услышав его голос, она очнулась и выпрямилась. Слегка дрожащие, покрытые морщинами руки, едва удерживая платок, потянулись к влажным глазам. Глубоко вздохнув, она тихо проговорила:

— Плоха стала, плоха... Горе нежданное совсем меня придавило. Не помню, что делаю, что говорю...

В каждом слове старой женщины слышалась глубокая печаль. Тяжелая скорбь коснулась не только ее души, она оставила и внешние отпечатки: съехавший с головы черный платок открыл отливавшие серебром, гладко причесанные волосы.

— На чем я остановилась?

Андрей Гаврилович взял со стола исписанный лист бумаги и принялся перечитывать незаконченную страницу.

— Остановились на том, как Сергей уехал в Светлогорск.

— Да, правильно. В Светлогорск... — едва выговаривала Варвара Павловна. — В командировку. Обещал через неделю возвратиться...

Горестно покачав головой, она прошептала:

— И возвратился... — Судорожно всхлипнув, Варвара Павловна зарыдала.

Уже более часа Субботин вел беседу с Варварой Павловной, желая получить от нее хотя бы какие-нибудь сведения, касающиеся

смерти Сергея Воронова. Но постоянно занятая домашними делами, она ничего не знала о службе своего сына и, тем более, что и как произошло с ним в дороге. Когда женщина немного успокоилась, Субботин спросил:

— В какую одежду был одет Сергей перед отъездом?

Вместо ответа Варвара Павловна медленно развязала маленький узелок, перетянутый коричневой тесемкой, и, бережно достав из него фотографическую карточку, положила ее на стол.

— Вот Сергей. Одет он был в защитного цвета куртку, в ней он и снят на этой фотографии. Шапка меховая черная,

сапоги кожаные, самые обыкновенные.

— А что еще было при нем?

Варвара Павловна подумала.

— Деньги, — ответила она. Затем вспомнила и рассказала, что Сергей брал в дорогу большой коричневый чемодан. Варвара Павловна обрисовала внешние приметы этого чемодана.

— А что покупать собирался?

— Себе пальто, да мне кое-что обещал.

— Еще один вопрос...

— Пожалуйста!

— Назовите его близких знакомых.

Варвара Павловна, перебрав в памяти

всех, кого знала — близких и далеких — как бы невзначай проронила:

— С плохими Сергей не знался! Самым близким его товарищем был Коробов. Михаилом его зовут. Славный парень. На вагонке работает. — Вагонкой в том городе, где жил Сергей Воронов, называют небольшие мастерские, где производят мелкий ремонт инвентаря, принадлежащего местному участку железной дороги.

После беседы с Варварой Павловной у Субботина не осталось никакого сомнения, что тот, кого нашли мертвым у Березовского моста, был Сергей Воронов.

Проводив Воронову, Субботин предался размышлениям. «Справлюсь ли я со своей задачей? Я должен найти главное звено и ухватиться за него. Теоретических знаний у меня достаточно. Неужели я слабее этого Волгина? Не может быть. Я должен доказать свое превосходство перед ним, и докажу».

Резкий звонок телефона прервал его мысль.

— Нет, не занят. Сейчас иду! — ответил он в трубку, а через несколько минут стоял перед Астаховым в его рабочем кабинете.

Субботин заверил, что личность Сергея Воронова у него не вызывает сомнений и рассказал о некоторых существенных подробностях показаний его матери. Но скудный доклад следователя не удовлетворил Астахова.

— По нашим силам и возможностям этого недостаточно, — заявил Степан Ильич строго. — За две недели коллективу пора знать гораздо больше!

Субботину не оставалось ничего другого,

как согласиться со справедливыми упреками Астахова. И дело было не только в упреках. Астахов как бы намекнул Субботину, что работать надо не в одиночку, а вместе с коллективом. А между тем этой помощи Субботин как раз и не хотел.

— Как и в какой мере выполнен план следования? — спросил Астахов.

— По Светлогорску проверено все. Воронов выехал из него поездом номер сорок один. На нашу станцию он прибыл в двадцать два часа пятнадцать минут. Последний рейс такси по городу был в двадцать два часа.

— Вы не сомневаетесь в точности этих данных?

— Никак нет. Все подтверждено документами! — В доказательство Субботин представил расписание поездов по станции Гурьевской и путевые листы местного таксомоторного парка.

Внезапно скрипнула дверь. Оба посмотрели в сторону. На пороге стоял улыбающийся Волгин.

— О, студент! — воскликнул Астахов, обрадовавшись его приезду. — Проходи, рассказывай!

Подчеркнуто молодцевато Волгин прищелкнул каблуками и отрапортовал о своем возвращении с сессии.

— Хвались, хвались результатами, — продолжал Астахов.

— За второй сдал полностью... — Виктор Петрович заочно учился на втором курсе юридического института.

— А оценки? — лукаво улыбаясь, спросил Астахов.

— Оценки? Не хуже, чем у других! — И вместо ответа достал из бокового кармана кителя небольшую коричневую книжечку и протянул ее Астахову.

Зачетная книжка Волгина удовлетворила дружеское, нетерпеливое любопытство Степана Ильича.

— Ну, брат, ты, как всегда, скромничаешь! Одни пятерки! Очень, очень рад за тебя! — поздравляя, Астахов своими сильными руками крепко и долго пожимал руку отличника учебы, затем изменил тему разговора.

— Приехал ты, Виктор Петрович, прямо сказать, кстати. Очень кстати. У нас что-то не все гладко по делу Воронова получается.

— А что? Убийцы не найдены?

— Какое там найдены! Еле установили, кто потерпевший. Присаживайся, послушаем вместе! — И обратился к Субботину: — Продолжайте, Андрей Гаврилович!

Субботин нахмурился:

— Может быть, потом, когда вы освободитесь, — сказал он, явно не желая продолжать свой доклад в присутствии Волгина.

Волгин почувствовал скрытую недоброежелательность следователя. Он плохо знал личные качества своего сослуживца. Субботин в отделе милиции был человеком новым, и Виктору Петровичу по работе с ним встречаться приходилось редко. С тех пор, как Субботин закончил юридический институт и приехал на работу в Гурьевский отдел милиции, прошло несколько месяцев. В такой короткий срок

совместной работы изучить его Волгин, конечно, не мог. Несколько лучше понимал его Астахов и не одобрял чрезмерного самолюбия молодого следователя.

По настоянию начальника Субботину пришлось продолжать доклад в присутствии Волгина.

— Теперь работы по расследованию поведем в двух направлениях, — распорядился Астахов, выслушав подчиненного. — Вы, товарищ Субботин, займетесь выявлением и допросом людей, которые могут рассказать о местах пребывания Воронова накануне его гибели, а вы, товарищ Волгин, изучением «мелочей»!

Волгин понял, о каких «мелочах» идет речь. «Из мелочей складывается большое» — припоминалось ему сказанное Астаховым ночью около Березовского моста. Его распоряжение означало, что необходимо установить, кому принадлежали прорезиненный ремень и стеганая фуфайка, обнаруженные на месте происшествия.

Прощаясь с ними, Астахов предупредил Субботина:

— Смотри, Андрей Гаврилович! Русскую мудрость не забывай: один в поле не воин. Побольше с товарищами совет держи. Чего сам не знаешь, у них позаимствуй!

2

На другой день Субботин назначил встречу в отделе милиции Михаилу Коробову. Его вызов для следователя оказался весьма удач-

ным. Коробов рассказал о своей последней случайной встрече с Вороновым на железнодорожной станции. Почти дословно он передал свой разговор с ним и все, что припомнил о женщине, которая была с Сергеем на перроне.

— Красивая, высокая, стройная! В белом вязаном платке и светлом осеннем пальто, — с восхищением говорил Коробов о внешности Любы Зубовой, довольно точно описав рост, фигуру и приметы ее одежды. Он даже припомнил отдельные фразы из их разговора.

— Все Сергея к себе звала. Своими ушами слышал: «Пойдем, тебе повезло!» А ему, видно, идти с ней не хотелось. Сначала что-то мялся, потом разошлись.

Субботин с интересом прислушивался к каждому слову свидетеля, задавал ему многочисленные вопросы. Но Коробов на эти вопросы ответить не смог. К тому, о чем Субботину уже было известно, он лишь добавил:

— Уходя от Сергея, она упомянула название какой-то улицы...

— А какой? — вырвалось у Субботина.

Коробов ответил не сразу. Минуту он напрягал память, потом неуверенно сказал:

— Не подвести бы вас... Не то Запрудная, не то Заречная... Помню, название ее начинается будто с приставки «За». Не было необходимости запоминать тогда. Сами понимаете, не думал, что такое произойдет с Сергеем.

Андрей Гаврилович достал из ящика письменного стола справочник города Гурьевска.

— Может быть, номер дома припомните? — перелистывая книгу, спросил Субботин.

Стремясь помочь следователю, Коробов

перебирал в памяти все слова, какие довелось ему услышать из разговора Сергея с Любой, пытаясь вспомнить нужный номер дома. Следовательно не торопил и дал возможность ему хорошо сосредоточиться.

Прошло еще несколько минут, наконец. Коробов огорченно развел руками и, отрицательно покачивая головой, сказал, что не помнит номера дома, который назвала Люба.

Нелегко было найти нужного человека только по внешним приметам, но Субботину это удалось. Через два дня перед ним сидела Люба Зубова.

— Впервые слышу о Воронове! — неестественно удивилась она вопросу следователя. — Даже не нахожу надобности знать его.

Такого ответа Субботин не ожидал.

— Странно! Ведь вы с Вороновым были на вокзале?

Люба виновато опустила глаза.

— Да, на вокзале была. С поезда сошла. В Светлогорск ездила к брату... одна... — отрывисто сообщила она.

— Вы даже свой адрес ему дали! — напоминал следователь.

— И откуда взялось такое предположение? — нервно пожала она плечами.

— Земля слухами полнится! — спокойно ответил Субботин и подумал: «Не скрывается ли за этими вывертами какого-либо умысла?»

Допрос Зубовой не дал ему ничего. Она вела себя нервозно, отрицая буквально все. Это вызвало у Субботина подозрение, что Люба знает лиц, причастных к убийству Сергея, но умышленно умалчивает о них.

Осенний день выдался погожим, редким для здешних мест. Сквозь легкие белые облака виднелось синее небо. Солнце временами посылало на землю свои косые лучи.

Оставив за собой городскую площадь, Зубова пошла вдоль набережной. Бесцельно всматриваясь в заречную даль и перебирая в памяти последние события, она пыталась забыть о новых неприятностях, но разговор со следователем не выходил у нее из головы. В ее сознании боролись две противоположные мысли. Одна требовательно шептала: «Молчи. Не навлекай на себя новых бед. Достаточно натерпелась горя с беспутным мужем!» Другая твердила: «Будь правдива!»

Люба повернулась и зашагала обратно. Через несколько минут она подходила к зданию милиции. Но зайти не решилась и опять медленно пошла к набережной. Спустя час, она снова вернулась и быстро поднялась на второй этаж.

Не застав Субботина, она обратилась к Астахову и рассказала ему все, что знала, без утайки.

Говорила Люба многословно и долго. Степан Ильич терпеливо, не перебивая, выслушал ее внимательно и до конца. А закончив рассказ, она закрыла лицо руками и заплакала. Астахов подошел к столу.

— Успокойтесь. Не надо. Слезами дела не поправишь! — сказал он. — В жизни всякое бывает. Нет худа без добра. Разберемся...

Уже спокойно Зубова отвечала на вопросы Астахова. Уходила она от него почти бодрой.

— А в угадайку со следователем играть нельзя, — сказал ей вслед Астахов. — Не по возрасту вам эта забава. Да и не к месту...

Расставшись с Зубовой, Астахов поспешил на кирпичный завод, где его ждали с докладом рабочие. Не было в городе такого предприятия, куда бы не заглядывал начальник милиции, избранный депутатом горсовета. Он приходил туда как желанный человек. Рассказывая и слушая, отвечая и спрашивая, Степан Ильич интересовался в городе буквально всем. Ничего не проходило мимо его внимания.

4

После обеда Субботин застал в отделе милиции вызванную им Веру Андреевну Высоцкую. Это был как раз тот свидетель, из показаний которого следователь надеялся получить данные о взаимоотношениях Любы, Сергея и Григория.

Едва Андрей Гаврилович успел снять пальто, как, не дожидаясь приглашения, Высоцкая вошла в его рабочий кабинет и удобно уселась в кресло.

Служебная обстановка несколько не смущала ее. Открыв сумку, она достала из нее маленькое зеркало, поправила свои рыжие булки, закурила и, затянувшись табачным дымом, развязно сказала:

— Вы меня вызывали?

— Да. Что вы знаете о Зубовых? — спросил

Субботин и подумал: «Бесцеремонная женщина».

Прежде чем отвечать на вопрос следователя, она, жалуясь на собственную участь, начала пространно рассказывать о своих неуживчивых соседях. Ее многословие и ненужная болтовня вынудили Субботина еще раз повторить вопрос.

— Ах, простите! Немного отвлеклась от главного. Семейю Зубовых я знаю очень давно. Мы никогда не ссорились с ними. Никогда! Правда, один раз как-то на кухне перебросились словечками, но это уже все забыто. Ей-богу, забыто.

— Я не об этом спрашиваю. Расскажите

о взаимоотношениях Любы и Григория Зубовых, что вам известно?

— Да, да, пожалуйста! Не живут они вместе. Вот уже год как не живут. Разошлись. Григорий опустил до неузнаваемости. А вот недавно приходит, значит, этот самый Григорий к нашей дорогой Любочке, на ногах не стоит. Знаете, она очень, очень славная женщина, но несчастная. Просто жаль ее. — И Высоцкая снова завела разговор на другую тему, но, встретив недовольный взгляд Субботина, опомнилась:

— Ох, извините пожалуйста! Опять не то... Так вот. Приходит он, как темная ночь. Целый год в нашем доме его никто не видел. И, представьте себе, такое учинил, ну такое, что даже передать невозможно! И чего только не делал — шумел, ругался, угрожал... А потом на весь дом кричать начал: «Такая-сякая, с чужими мужиками гуляешь, меня погубила...» А уж с кем гуляет и как она его погубила — не знаю, не говорил. Право, не знаю. Потом так и сказал: «Не я буду, если в живых его оставлю». А уж кого это он убить собирался, тоже не знаю... — И не удержавшись, спросила:

— А что это вас так заинтересовало Зубов, если не секрет?

— То, о чем спрашивают свидетеля, для него не может быть секретом, — сухо заметил Субботин и ответил: — По нашим данным, Зубовы имели близкие взаимоотношения с человеком, который недавно убит и причины смерти которого мы выясняем.

— А кого убили? — полюбопытствовала Вера Андреевна.

-- Рабочего рыбпромхоза Воронова.

— Воронова? — с удивлением переспросила Высоцкая. — Не Сергея ли?

— Да, Сергея Борисовича. А вы знаете его?

— Ну, как не знать! Знаю, очень хорошо знаю, еще с мальчишек. До переезда в город я жила в Медвежьем хуторе, рядом с Вороновыми. Ай-ай-ай! Какой славный парень-то был. — Вера Андреевна сочувственно покачала головой и, немного подумав, обратилась к Субботину:

— А когда это случилось?

— В тот вечер, когда Григорий Зубов приходил к своей жене. Нам известно, что в тот же вечер Зубова ехала с Вороновым в одном вагоне, а потом у нее состоялась с ним короткая встреча на вокзале нашей железнодорожной станции.

— О! Теперь мне становится немного понятнее, кому угрожал Григорий. Это неспроста!

— Вы знаете что-нибудь еще о Зубовых?

— Да, знаю. Люба до выхода замуж за Григория имела с Вороновым легкий роман. От людей слыхала, что она бывала с Сергеем в клубе на танцах. А как он провожал ее до дому, своими собственными глазами видела. Это уж я уверяю точно. Но почему-то у них ничего не получилось... Немного позже на Любе женился Зубов, а что произошло с Сергеем, я и по сегодняшний день ничего не знала. Так вот я и думаю: не ревность ли здесь? Не убил ли Сергея под горячую руку Зубов? Не зря же он об этом грозился Любе, я все слышала...

— Как вы об этом узнали? — спросил Субботин.

Этот вопрос несколько смутил Веру Андреевну, но она быстро нашлась: — И у стен уши бывают... Я же соседка!

Субботин задумался. Ему показалось, что показания Высоцкой приблизили его к цели.

«Не случайно Зубова лгала от начала и до конца», — подумал он и с интересом переспросил свидетельницу:

— Неужели все это правда?

— А у вас закралось сомнение? — кокетливо заглянула она Субботину в глаза. — О, я знаю, следовательно всегда недоверчив к свидетелю! Для меня это не ново. Ваша профессия мне известна. Верьте мне. Это истинная правда. Григорий угрожал Любе убийством Сергея. Да, да, я понимаю вас. Человек должен быть правдивым, ничего не скрывать. Даже там, в уголовном кодексе, есть об этом какая-то статья... — засмеялась она.

— Хотя вы и иронизируете, но в данном случае совершенно правы! — прощаясь с ней, заметил Субботин.

Когда за Высоцкой закрылась дверь, Андрей Гаврилович, убрав со стола папки следственного дела, стал собираться на отдых.

НЕИЗВЕСТНОЕ ТАКСИ

1

Сообщенные Любой Зубовой сведения имели большое значение. От них зависело правильное определение дальнейших путей расследования по делу Сергея Воронова.

На следующий день, придя на службу, Степан Ильич намерен был переговорить об этом с Субботиным. Но с утра не успел сделать это: его в приемной ждали посетители. Был здесь и Тихон Иванович Чугунов.

Ходившие по городу слухи о происшествии около Березовского моста дошли и до него. Не предполагая даже, что несчастье случилось с его бывшим спутником по купе, он пришел сюда, чтобы сообщить об одном, показавшемся ему подозрительным случае.

Увлеченный разговором с одним из посетителей Чугунов не заметил вошедшего в приемную немолодого, низкого роста подвижного мужчину. Внешность его, если не считать полноты, не могла привлечь особого внимания. Темная, выгоревшая от солнца и дождя шляпа низко прикрывала лицо, серое демисезонное пальто было небрежно застегнуто только на одну нижнюю пуговицу. Из-под широких

штанин виднелись большие с резиновым ободком боты. Под мышкой торчала набитая бумагами толстая папка. Ступая мелкими и быстрыми шагами, толстяк пересек по диагонали приемную и остановился против Чугунова. Улыбаясь, он протянул старику руку. Тихон Иванович поднял глаза и посмотрел на вошедшего.

— Кого вижу, Дубинин! Лука Корнилович! — отвечая на приветствие, радушно воскликнул тенорком Чугунов: — Сколько лет? Сколько зим?

Торопливо подвинувшись, он освободил место и предложил приятелю сесть. Лука Корнилович опустился на диван и немного отдышался после дороги. Как обычно бывает при случайной встрече знакомых, давно не видевшихся людей, для начала они дружески поговорили о здоровье, о том, о сем...

— Как жизнь молодая? — с иронией спросил Дубинин.

На иронию старик никак не реагировал, лишь безразлично ответил:

— Так себе, по-стариковски! — В голосе его слышалось легкое недовольство.

— Работаешь? — продолжал интересоваться Дубинин.

— Работаю, — тем же недовольным тоном протянул Тихон Иванович и иронически, как и его приятель, добавил: — Ответственным исполнителем личных поручений...

— Это где же? — переспросил Лука Корнилович, остановив на нем удивленный взгляд. — Что-то до сих пор мне не приходилось слышать о такой должности!

— У своей снохи! — засмеялся Чугунов.

— Не понимаю.

— А что непонятного? К сыну на жительство перебрался. Вот и все.

— Давно ли?

— Какое там давно! Без году неделя.—Тон, каким было сделано это сообщение, разъяснил Дубинину многое. Чугунов не замедлил посвятить приятеля в свои неутешительные дела.

Когда тема житейских обид Тихона Изановича была исчерпана и Дубинин узнал, что теперь старик живет почти по соседству с ним на Луговой улице, он хитровато улыбнулся, нарочито принял важный вид, и, показывая на себя, спросил:

— Что же к начальству-то никогда не заглянешь? Чай, не раз мимо проходил!

Старик вначале не понял, о каком начальстве Дубинин ведет речь. Но Лука Корнилович гордо сообщил, что он около года является председателем уличного комитета 3-й Заречной улицы, смежной с Луговой.

За беседой время шло быстро. Старые приятели, не торопясь, вспомнили прошлое, немного заглянули в будущее, обменялись новостями, над чем-то посмеялись, о чем-то поговорили.

На прием к Астахову пригласили очередного посетителя, сидевшего с ними на одном диване. Это на мгновение отвлекло Дубинина от оживленного разговора. Любитель пошутить, он посмотрел уходившему вслед и подтолкнул старика под локоть:

— Посмотри, — подмигнул он ему и кивком головы показал на дверь кабинета начальника

милиции. — А говорят, сюда только одних пьяных водят!

Тихон Иванович тоже посмотрел на дверь, куда вошел их прежний сосед, но на замечание Дубинина ответил не сразу. Его незамысловатая острота все-таки заставила старика несколько призадуматься над ответом. По привычке он пощупал свою седенькую бородку и многозначительно покачал головой.

— Правду говоришь, Корнилыч! Пьяных сюда не только водят, но и возят, — серьезно сказал Чугунов. — Думаешь, только и дела милиции с пьяными возиться? Нет, брат! Дела у ней и поважнее есть. Знаю.

Прислонившись к спинке дивана, Лука Корнилович посмеивался про себя над стариком, принявшим, очевидно, шутку всерьез. Подтрунивая над ним, он спросил:

— Иваныч, да ты никак влюблен в нее?

— В кого? — не сразу сообразил старик.

— В милицию.

Очередная шутка Чугунову совсем не понравилась.

— Влюблен не влюблен, а без нее нам еще не обойтись! — отрезал он.

Продолжать разговор в прежнем тоне Дубинин не решился. Он понял, что Чугунов привык серьезно защищать свое мнение и шуток на эту тему не принимал.

— Ты и вправду меня за несмысленного посчитал? — начал оправдываться Дубинин и подтвердил: — Знаю, друг, знаю. Немало на ее счету всяких дел, нужных народу... — И внезапно спросил: — А ты по каким делам здесь?

Тихон Иванович замялся и вместо ответа пробормотал что-то невнятное. Кстати, подошла и его очередь на прием.

2

Опираясь на толстую еловую сучковатую палку и шаркая по полу тяжелыми сапогами, Чугунов вошел в кабинет Астахова.

Степан Ильич сразу узнал в нем того, с кем в свое время по общественным делам не раз встречался на заводе, где раньше работал старик. Поднявшись из-за стола, он поспешил ему навстречу.

— Кланяюсь и благодарю! — сказал Тихон Иванович, приложив руку к сердцу. Астахов не понял и недоумевающе посмотрел на него.

— Это за что же?

— За внимание к человеку...

Чугунов сообщил о своих неурядицах со снохой, как она после смерти жены с неохотой приняла его в свой дом, а когда он переехал, чинила ему различные неприятности.

— Спасибо участковому уполномоченному Ивану Николаевичу Миронову — он помог сноху уму-разуму научить: на истинный путь наставлял. — В голосе старика чувствовалось уважение к этому человеку.

— Людей в обиду никогда не давали и не дадим! — ответил Астахов. — В этом и состоит наша служба. А за уважение к нам — спасибо!

Астахова ждали дела. На три часа дня им было назначено совещание с сотрудниками

отдела, а в приемной еще сидели посетители. Он посмотрел на часы...

— У меня не все! — заторопился посетитель, поняв, что начальник чем-то обеспокоен. Оглянувшись на входную дверь, как бы боясь, что его кто-нибудь услышит, Тихон Иванович сказал Астахову, что пришел к нему по очень важному делу. Спокойное лицо Степана Ильича по-прежнему было сосредоточенно. Чугунов придвинул ближе стул и грудью налег на край стола. Прямо посмотрев Астахову в глаза, он начал свой рассказ издалека. Поведал о цели своей последней поездки в город Светлогорск и о возвращении. В тот вечер,

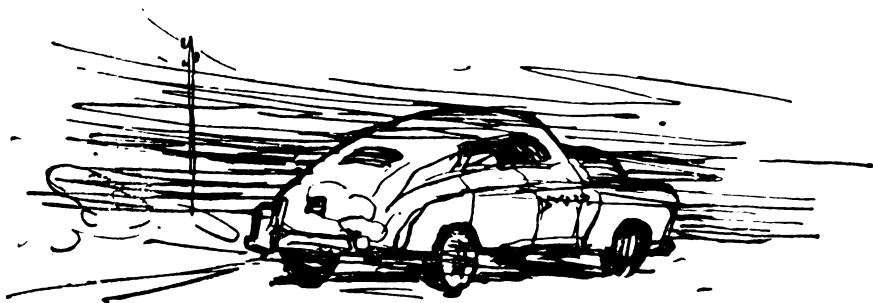
после того как ушла от него с подругой Люба Зубова, он, не дождавшись автотранспорта, добирался от вокзала до своего дома пешком.

По пути с ним произошла небольшая неприятность. Почти у самого порога своего дома Тихон Иванович нечаянно подвернул ногу и упал. Когда же, измазанный грязью, зашел в дом, то там не оказалось воды, чтобы вымыть руки и одежду.

— Взял я ведра и подался на колонку. Она от нашего дома находится недалеко, чуть на-

искосок, по ту сторону дороги. Вдруг со стороны 3-й Заречной улицы слышу автомашину. Р-р-р, — Чугунов изобразил рокот ее мотора. — Слышу, а не вижу! Потом только ж-ж-ж-ух... и пролетела мимо, как ветер! Оглянувшись, а ее и след простыл...

На минуту Чугунов прервал рассказ. Порывшись в карманах брюк, он достал кисет и трубку с большим обгоревшим по краям чубуком, набил ее табаком. Медлительность собеседника беспокоила Астахова. Он еще раз посмотрел на часы.

— И что же дальше? — поторопил он старика, желая поскорее добраться до сути.

Рассказ Чугунова не вызвал у Астахова какого-либо удивления лишь потому, что появление в ночное время автомашины на Луговой улице не было чем-то необычным. Луговой улицей кончалась северная окраина заречной части города, а дальше начинался Березовский тракт с разветвленными в разные стороны дорогами. Днем и ночью по этому тракту проходил не один десяток легковых и грузовых автомашин.

Все так же медленно Чугунов прикурил трубку. Убедившись, что Астахов не придавал значения рассказанному, он повторил:

— Говорю же тебе: слышу машину, а не вижу ее! — И для ясности добавил: — Без света мчалась! Но и это не все. Главное — крик человека в машине подозрительным показался... Вроде кто-то на помощь звал!

Последние слова заинтересовали Астахова.

— Крик в машине? — быстро переспросил он. — Какую машину вы видели?

— Легковую. С шашечками по бокам...

— Такси! В каком часу это происходило?

— Что-нибудь в начале первого.

Ответ старика навел Астахова на новое размышление. Он вспомнил доклад Субботина. «Как же так получается? Легковые такси прекратили движение по городу в двадцать два часа. Откуда же появилась эта машина? Из какого-нибудь соседнего города или из местного таксомоторного парка?..»

Астахов задал Чугунову еще несколько вопросов, но ответы не внесли ясности.

Тихон Иванович в свою очередь несмело поинтересовался:

— А я слышал, будто в ту ночь убили человека. С кем случилось такое несчастье?

Астахов не стал скрывать.

— Убит Сергей Борисович Воронов из рыб-промхоза. Может, вы его знали?

Названную фамилию Чугунов повторил про себя несколько раз... Она показалась ему знакомой. Но сразу вспомнить, где он слышал ее, по забывчивости не мог. И вдруг, минутой спустя, старик отчетливо представил себе:

вагон пассажирского поезда, разговор о богатом улове рыбы, перетянутый багажными ремнями большой коричневый чемодан.

— Уж не знакомый ли Зубовой? — быстро спросил Тихон Иванович.

— Да.

Чугунов печально понурился.

— Желаю удачи! — сказал он от души, когда получил заверение Астахова, что его сообщение очень ценно.

Степан Ильич пожал маленькую и холодную руку старика. Провожая его взглядом до порога, он подумал: — «Вот они, те люди, которым дороги общественные интересы».

3

После коротких встреч еще с несколькими посетителями Степан Ильич принял председателя уличного комитета Дубинина.

Тяжело дыша, Лука Корнилович быстро вошел в кабинет, поздоровался и раскрыл свою толстую папку. Затем достал из нее и разложил на столе большой лист бумаги, испещренный вдоль и поперек жирными линиями.

— Дела коммунальные, товарищ начальник, — подвинул он бумагу ближе к нему. — Жители нашей улицы задумали благоустройством заняться!

Степан Ильич окинул беглым взглядом план 3-й Заречной улицы. Не понимая еще, в чем должно заключаться его участие в задуманном, он поднял глаза и вопросительно посмотрел на председателя уличного комитета.

- Два вопроса.
- Я вас слушаю.

Первый вопрос на самом деле оказался небольшим. Благие намерения жителей 3-й Заречной улицы заключались в разбивке небольшого зеленого сквера. Но прежде чем представить проект в коммунальный отдел, Дубинин пришел посоветоваться с Астаховым, как с депутатом городского Совета и лицом, имеющим непосредственное отношение к регулированию уличного движения. Водя карандашом по бумаге, он показал на границы зеленых насаждений, размеры предполагаемой двухсторонней дороги, глубину обочинных кюветов и ширину тротуаров.

Астахов внимательно рассматривал план.

— Вот здесь считаю нужным внести поправку, — сделал он замечание по поводу будущего сквера, в значительной мере сужавшего проезжую часть дороги. — А в основном возражений не имею.

— Прекрасно! — улыбнулся председатель, одобряя быстрое решение первого вопроса.

По второму вопросу Лука Корнилович заговорил не совсем уверенно.

— Милиционера бы нам на время...

— Куда?

— Да на нашу улицу, для порядка... А вместе с тем и за насаждениями будет присмотр.

— Куда? Куда? — удивленно переспросил Астахов.

Дубинин не находил нужных слов.

— Знаете... Ведь нарушители бывают. Не успеет дерево еще листочки пустить, а его уже с корнем вырывают.

Степан Ильич рассмеелся:

— Не слишком ли размахнулись, дорогой товарищ Дубинин. Поручить охрану насаждений работнику милиции просто неразумно. Ведь к каждому дереву дежурного не поставишь. Надо привлечь жильцов.

Лицо Дубинина стало озабоченным. Такое решение, очевидно, его не устраивало.

Степан Ильич остановил свой взгляд на листке настольного перекидного календаря. Среди других записей на нем были две фамилии — «Завьялова» и «Высоцкая», а дальше адрес: «3-я Заречная, 37». Эти записи напомнили ему о женщине, которая не так давно сделала заявление. Приход Дубинина в милицию оказался весьма кстати. Астахову представился удобный случай выяснить некоторые подробности, касавшиеся этого заявления. Едва Лука Корнилович собрался уходить, Астахов остановил его:

— Вы Высоцкую знаете? — неожиданно спросил он.

— Веру Андреевну?

— Да.

— Ну, как не знать. Давняя знакомая... — иронически улыбнулся Дубинин и коротко рассказал о ней все, что знал сам и что слышал о ней от людей. Частые скандалы, вызываемые ею среди жильцов, и чрезмерное любопытство вскрывали типичное лицо сплетницы.

— Нигде не работает, только и знай — торчит на базаре с разными промтоварами...

Это как раз было то, что Астахову главным образом хотелось выяснить о Высоцкой.

«Правду говорила заявительница Завьялова, — подумал он, — спекулирует».

Тем временем Дубинин продолжал:

— А наш участковый уполномоченный меркней не принимает.

Степан Ильич, улыбнувшись, сказал:

— Участковый не беспокоит Высоцкую, и вы терпите ее?

— Какое терплю? — возразил Дубинин. — Предупреждал я ее не раз. Вроде уймется на время, а там опять за свое...

— Предупреждал! Предупреждал! — шутя передразнил его Астахов. — Ну, прямо как в басне Крылова: «А Васька слушает да ест»... Смешно сказать: со спекулянткой не справиться. Не предупреждать, а к порядку ее давным-давно надо было призвать. Ведь вас же целая улица, а она одна!

Дубинин усмехнулся:

— Законных прав, Степан Ильич, не имеем!

Астахов посмотрел на собеседника таким взглядом, который как бы говорил: «Ох, и беспомощный же ты!» — и ответил:

— На каждый случай жизни писаных законов не наготовишься. Но есть один непреложный, хотя и неписанный закон — уважение нашего общества. Вот этим законом в обуздании таких, как Высоцкая, и руководствуйтесь. А насчет ее нетрудовых доходов придется подумать нам вместе.

Зазвонил телефон.

— Совещание? Да, будет. В пятнадцать. — В распоряжении Астахова оставалось несколько минут. Второпях он задал Дубинину еще один вопрос:

- А Зубову вы знаете?
- Любовь Даниловну, что ли?
- Да, ее.

Дубинин дал Любе и ее матери положительную характеристику.

О П Е Р А Т И В Н О Е   С О В Е Щ А Н И Е

1

Едва председатель уличного комитета Дубинин оставил Астахова, как тут же его кабинет заполнили сотрудники отдела милиции, собравшиеся на совещание.

— Сегодня послушаем товарища Субботина, — сказал Степан Ильич. — Он расскажет нам, как идет расследование по делу убийства Сергея Воронова. А мы разберемся и поможем ему, в чем нужно.

Самолюбивого следователя как кипятком обдало. Он беспокойно заерзал на стуле, будто на иголках. «Совещание? Странно. Ради следственного дела? С какой надобности, — быстро работала его мысль, а в душе нарастало недовольство: — Докладывать?... Кому? Этим людям? Зачем?!»

Хмурым взглядом Андрей Гаврилович повел вдоль стен кабинета, где, кроме оперативных работников, сидело несколько участковых уполномоченных.

— О помощи я, кажется, никого не просил, — сухо бросил он и принужденно улыбнулся. — А что касается доклада, то я мог бы

сделать это и без совещания, просто вам лично, Степан Ильич...

Субботину казалось, что на совещании с подобной повесткой дня участковых уполномоченных быть не должно: «Они всего-навсего работники наружной службы, не имеют юридических знаний, и здесь в них нет никакой надобности». Наконец, Субботин считал, что вообще там, где будет идти речь о мероприятиях следственного характера, участковым уполномоченным делать нечего.

Слова следователя поразили Астахова.

— Как понять вас, Андрей Гаврилович? — спросил он удивленно.

Субботин начал искать отговорки:

— Я... Я... — замялся он: — Следствие еще не закончено! — Но до конца своей мысли не высказал. Внезапно он встретил взгляд Волгина и замолчал.

Всем стало ясно — докладывать ему не хотелось. Но не все знали, что означал его недружелюбный взгляд в сторону оперативного уполномоченного.

За час до начала совещания у него с Волгиным состоялся довольно неприятный разговор.

...Выполняя поручение Астахова относительно владельца ремешка, которым был связан убитый Воронов, Волгин встретился с очень важными обстоятельствами. В связи с этим ему понадобилось ознакомиться с некоторыми документами следственного дела. Субботин отнесся к просьбе Волгина с недоверием и обидой.

— Насколько мне известно, от вас требуют

ответа не о содержании моих документов, собранных мной по следственному делу, а кому принадлежат ремешок и фуфайка! — При чем слова «моих документов» прозвучали у него так, как будто и на самом деле он был единственным их владельцем.

Волгин оторопел.

— Я не ожидал от вас такого, Андрей Гаврилович...

И вот теперь, на совещании, Субботин остался верен себе. Он всецело полагался на собственные силы. Но сказать об этом откровенно не хотел.

— Я к докладу не готов! — попытался он уклониться от разговора по существу.

Астахов гневно прервал следователя.

— Довольно препирательства, товарищ Субботин! Вы должны понимать неуместность такого поведения. Доложите, что от вас требуют! Вам поручено расследование очень важного дела, и вы обязаны быть готовы в любую минуту ответить на любой вопрос по собранным материалам.

Субботин нехотя поднялся со стула. Худощавый, высокий, стройный. Из-под нахмуренных бровей он бросал на собеседников недвольный взгляд.

«Непонятно, — подумал Волгин. — И откуда у него эта нетерпимость, этот апломб и пренебрежительность к сотрудникам! Странно!»

Эту странность можно было объяснить только молодостью. За свои двадцать четыре года Субботин не узнал жизни по-настоящему. Родившись в небольшом приволжском городке, Андрей, простой парень, после десяти классов

средней школы пять лет учился в юридическом институте и несколько месяцев работал следователем городского отдела милиции. Вот, пожалуй, и все.

Не вдаваясь в подробности, Субботин несколько сердито, но самоуверенно сообщал:

— Убийство Воронова — дело рук Григория Васильевича Зубова.

Астахов с трудом скрыл удивление. Он знал, как важно для следователя творческое воображение и смелая мысль. Но в данном случае, находя улики против Зубова скудными и вообще недостаточно ясными, он решил, что выводы Субботина поверхностны и неубедительны.

— Вы твердо уверены, что убийство совершено Зубовым? — испытующе посмотрел на него Степан Ильич.

Сомнение Астахова слегка обидело следователя, и он торопливо подтвердил:

— Уверен. Больше чем уверен! — И, позабыв, как несколько минут тому назад не хотел в присутствии этой аудитории докладывать по делу вообще, стал, обращаясь исключительно к Астахову, горячо защищать свои предположения:

— Если Зубов и не прямой исполнитель преступления, то во всяком случае убийство Воронова не обошлось без его участия.

В подкрепление своих подозрений Субботин начал излагать доводы по поводу виновности Зубова, ссылаясь на показания допрошенных им свидетелей.

— Причиной всему послужила ревность Зубова. Его жена Любовь Зубова в тот вечер,

когда Воронов был убит, имела с ним встречу, а Григорий выследил ее на вокзале. Люба настойчиво звала Воронова к себе на ночь. Наконец, еще одно показание... — И Субботин, назвав фамилию Высоцкой, рассказал о посещении Зубовым квартиры жены.

— Супружеская ревность, скандал... — продолжал следователь, уже ничуть не сомневаясь в достоверности своих доводов и неопровержимости установленных фактов. — Уходя, Зубов бросил жене угрозу: «Не я буду, если в живых его оставлю».

Астахов, до этого не прерывавший Субботина и делавший какие-то пометки в записной книжке, вдруг поднял на него глаза.

— Как фамилия свидетеля? — переспросил он.

— Высоцкая.

— Имя.

— Вера Андреевна.

Субботин продолжал:

— Кстати, очень существенно. Станным и подозрительным является поведение на допросе самой Зубовой. Она категорически отрицает встречу с Вороновым и то, что она приглашала его к себе на ночлег. Даже больше того, она солгала, заявив, что совершенно не знает Сергея Воронова.

Субботин умолк, делая про себя решительный вывод, что изложенные им доказательства убедят присутствующих в виновности Зубова.

Но произошло неожиданное. Участковые уполномоченные заговорили. Одни спрашивали, каким транспортом воспользовался Воро-

нов, чтобы попасть на квартиру Зубовой: других интересовало — где, когда и при каких обстоятельствах произошла встреча Сергея с Григорием; третьи требовали ответить, каким образом Воронов оказался около Березовского моста.

Несомненно, вопросы участковых были уместными и без точного ответа на них едва ли можно доказать виновность Зубова. Но, к сожалению, Субботин ответить на эти вопросы не смог.

— Ясно одно, — утверждал он, — основные нити в моих руках. Теперь их надо только закрепить и разматывать клубок. Конечно, Зубов был не один.

— С Зубовым вы встречались? Разговаривали с ним? — спросил кто-то с задних мест.

— Еще нет, — резко ответил Субботин.

— А почему? — раздался тот же голос.

— Всему свое время. Я собирал против него доказательства, уточнял отдельные обстоятельства...

Астахов слушал молча. Ответы Субботина не удовлетворяли и его, а недовольный тон, каким он говорил, просто раздражал. «Молодой, и делает такие скороспелые выводы».

Степан Ильич грузно поднялся и заговорил как можно спокойнее:

— Доказательств немало! На вашем месте я давно бы приступил к проверке фактов, касающихся Зубова. — И по его лицу скользнула насмешливая улыбка.

Это замечание и улыбка уязвили Субботина, но он не смутился и предложил:

— Зубова нужно арестовать для пользы

дела. Такая мера заставит его понять, что мы располагаем против него неопровержимыми уликами и вызовет его на откровенное признание. А потом будем продолжать расследование, собирать дополнительные доказательства...

Астахов изумленно посмотрел на следователя.

— Мне кажется, вы оговорились.

— Нет, — последовал быстрый ответ.

— Выходит, сначала человека надо арестовать, а затем разбираться в его виновности?

— Совсем не так. Для ареста Зубова, я считаю, вполне достаточно доказательств.

«Удивительно легко и быстро, как по щучьему велению», — слушая Субботина, возмущался Астахов. Ему и раньше бросались в глаза неопытность и легкомысленность молодого следователя.

— Сделать серьезный вывод — не папиросу выкурить, — заметил Степан Ильич. — В решении поспешишь — людей насмешишь. И не только насмешишь, может, и до беды недалеко. А ведь следователь должен быть объективным. Он должен без предвзятости верить в невиновность человека до тех пор, пока не будет полностью установлена его вина. Только тогда решение будет правильным. Вы же, ухватившись за одну единственную версию, увлеклись ею до такой степени, что не замечаете других. Вы видите один повод — ревность Григория Зубова. Должен огорчить вас, кое в чем вы заблуждаетесь! Я не имел возможности передать очень важное сообщение,

полученное вчера вечером от жены Зубова. Нужно сказать: оно в корне меняет все ваши предположения!

Субботин насторожился.

— А почему же она уходила от прямых ответов на мои вопросы? — спросил он. — Почему скрыла свое знакомство с Вороновым? С какой целью приглашала его к себе?

— Скрытность этой женщины объясняется очень просто, — сказал Степан Ильич. — Вот ее показания: — Зачем приглашала Воронова к себе? Хотела помочь ему. Ночь, дождь, у Сергея не было приюта. Не думала, не гадала, что с ним такое может случиться. А почему обо всем этом молчала на допросе у следователя? Стыдно перед людьми, не хотела сплетен. Поймите, не хотела. Суды-пересуды, чего люди не наговорят, как не назовут... — Степан Ильич последовательно объяснил причины, заставившие Зубову утаить от следователя правду. И, обратившись к Субботину, спросил: — Теперь вам понятно, почему так упорно Зубова умалчивала о своем знакомстве с Вороновым?

Сообщение Астахова ошеломило Субботина. От неожиданности он широко раскрыл глаза и смотрел на него, стараясь понять, что же теперь произойдет с собранными им против Григория Зубова доказательствами.

— А что нового по таксомоторному парку! — неожиданно изменил тему Степан Ильич, вспомнив утреннее сообщение Чугунова.

— Там без перемен, — потеряв уверенность, кивнул Субботин. — Я вам докладывал об этом раньше...

Он не подозревал, что собранные им данные

о движении машин такси по городу в ту ночь, когда был убит Воронов, могут быть подвергнуты сомнению или опровергнуты.

— Кому ясно, а мне не совсем. — И Степан Ильич рассказал участникам совещания все услышанное от старика Чугунова. Автомашина, промчавшаяся городом среди ночи с погашенными фарами, крик человека из нее — все это казалось невероятным. Субботин растерялся.

В его смущенных глазах Степан Ильич прочел немой вопрос: «В чем же дело? Официальные документы автотранспортной конторы говорят одно, а Чугунов совершенно другое?» И не совсем еще доверяя сообщению старика, Субботин попробовал было опровергнуть его сообщение и отстоять свое мнение.

— Не ошибается ли старик? Может, и шашек на машине не было? Может, это и не крик был?

— Путевые листы вы проверили хорошо? — снова спросил Астахов.

— Путевые листы вроде не вызывают сомнения, — ответил Субботин, пожав плечами.

— А работников гаража допросили?

— Пока нет. Только изъясл путевки.

— Выходит, больше бумагам верите? — прищурился Астахов.

— Да нет... — неуверенно протянул Субботин.

— Бумагам нужно верить, без них не обойдешься, но над некоторыми и подумать следует! Бывает, за белой бумагой черное дело прячется!.. Простым глазом и не заметишь. Смотри в чьих руках бумага находится. Бумагам

верь, но и живого слова не чуждайся. Оно бывает вернее.

Астахов обратил внимание присутствующих на сообщение Высоцкой. Оно не внушало доверия. Склонность к интригам, сплетням, вздорность ее поступков по отношению к соседям, — все, о чем рассказывал Дубинин, говорило не в ее пользу.

— Вы изучили поведение этой женщины? — поинтересовался Степан Ильич.

Здесь у Субботина оказалось тоже узкое место, но признать упущенное у него уже не хватило мужества. Некоторое время помолчав, он сердито заметил:

— Высоцкая просто свидетель, и я не нахожу нужным интересоваться ее поведением...

— Ого! — удивленно воскликнул майор. — До сих пор вы казались мне иным.

Дать Высоцкой характеристику вызвался участковый уполномоченный Миронов. К тому, что Астахову уже было известно, Миронов прибавил несколько новых фактов, характеризующих ее.

— Имеются данные, что она спекулирует на рынке. Не так ли? — спросил Степан Ильич у Миронова.

— Да, говорят... — потупился тот.

— Говорят!.. И не только о ней говорят! — заметил Астахов, не сводя с него глаз: — О вас говорят, что вы мер к ней не принимаете...

— Учту, — кивнул Миронов.

— Надеюсь, вам понятен моральный облик Высоцкой, — заметил майор, обращаясь к Субботину.

— Да, но все же трудно оспаривать ее по-

казание, поскольку личные проступки свидетеля в данном случае не имеют прямого отношения к делу смерти Воронова.

— Согласен. Не принять во внимание ее показания было бы ошибочным. Но, чтобы верить показаниям свидетеля, нужно проверить, так ли было в действительности. — И, обратившись к Миронову, закончил: — Разобраться в этом мы поручаем вам, Иван Николаевич!

Замечаний Астахова по делу, казалось, было достаточно, чтобы Субботин изменил оценку доказательств вины Зубова. Но он не соглашался с Астаховым и прибег к последней улике, находившейся в его распоряжении.

— Прорезиненный ремень, который найден у Березовского моста, является принадлежностью трактора! — Субботин посмотрел Астахову в лицо, ожидая, какое впечатление произведет на него сказанное.

— Ну и что из этого? — невозмутимо спросил Астахов.

— Судите сами: Зубов работает в Пригородной РТС. На месте происшествия ремень оставить мог он!

Степан Ильич заинтересовался и переспросил:

— Вы говорите: ремень — принадлежность трактора? Очень существенно.

— Да, ремень вентиляторный.

— И это технически подтверждено?

— Пока нет. Предварительная консультация.

Такой ответ вызвал оживление. Кто-то бросил реплику: «Не говори гоп, пока не перескочишь!»

— Позвольте мне, — попросил слово Волгин и быстро поднялся со стула. — Не дело вы докладываете, Андрей Гаврилович, — обратился он к Субботину. — Выдаете желаемое за действительность! — В комнате воцарилась тишина. Все повернулись в его сторону. — Вы допускаете непростительную поспешность! — И, повернувшись к Астахову, продолжал: — Ваше задание, товарищ майор, мною выполнено. Правда, пока не до конца. Вот результаты. — Волгин положил на стол заключение компетентной комиссии, в котором говорилось, что ремень, действительно, вентиляторный, но не от тракторного двигателя, а от мотора легкой автомашины «победа».

Астахов нахмурил брови и строго посмотрел на Волгина.

— Я не понимаю, Виктор Петрович, почему вы не реализуете эти данные в контакте с Субботиным?

— Пытался установить контакт, да не получилось, — признался Волгин и рассказал о своем споре с Субботиным, который произошел два часа тому назад.

Участники совещания были удивлены столь неожиданным поворотом дела.

— Мои предложения оказались для него неприемлемыми, — продолжал Волгин, указав рукой на Субботина. — Он полагает, что знает больше всех и работает лучше всех. Он хочет добиться успеха один. — Затем снова обратился к Субботину: — Много мните, Андрей Гаврилович, о своих способностях! Вы до сих пор не поняли, что есть задачи, которые в одиночку не решишь — требуется помощь коллек-

тива, товарищей! Особенно эта помощь вам нужна сейчас, когда решается вопрос о судьбе человека — о Зубове. Мы все вместе должны тщательно проверить каждую мелочь, каждую деталь, ведь, может быть, он и не виновен. А у вас на первом месте самолюбие, высокомерие, пренебрежение к товарищам, не имеющим пока дипломов. И это мешает нашей совместной работе. Неужели вам это неясно!?

Субботин был раздосадован:

— По-вашему выходит, Виктор Петрович, я бездельник? Или нечестный? — обиженно бросил он.

— Нет, вы не тот и не другой. Вашу честность и заинтересованность в работе мы под сомнение не ставим. Но этого мало. Одних этих качеств для достижения нужной цели недостаточно. Стоит переоценить свои силы или, тем более, пренебречь помощью коллектива, как ваши труды могут пойти насмарку!

Субботин покраснел, опустил глаза, переминался с ноги на ногу и без надобности перелистывал страницы следственного дела. Астахов попробовал вывести его из затруднительного положения:

— Продолжайте доклад,— сказал он. Но Субботин, смущенный и недовольный, коротко бросил:

— У меня все...

Обсуждение доклада шло долго. Выступавшие товарищи не одобряли поведение Субботина. В его адрес сыпались упреки и за кичливость, и за отвергнутую помощь, говорилось и о его ошибках в проведенном расследовании по делу, предлагалось прислушаться к голосу

товарищей. Все были охвачены одной заботой — быстрее установить и разоблачить преступников, убивших Сергея Воронова.

В заключение Астахов обобщил результаты обсуждения.

— Конечно, добытых данных о Зубове пока отвергнуть нельзя, но и признать его виновным в убийстве Воронова тоже пока оснований нет. — И, обратившись к Волгину и Субботину, распорядился: — Тщательно проверьте версию об использовании преступниками такси и проследите путь Воронова от вокзала до места его гибели. Семейей Зубовых займусь сам!

2

...Совещание закончилось. Казалось, Астахов должен быть довольным: намечен неплохой план дальнейшего расследования. Но беспокойный характер заставлял думать и о других делах отдела милиции. Теперь его мысли занимал Субботин. «В чем же дело? Грамотный, работающий, перспективный... А коллектив ценить не научился! Скорее всего, за него по-настоящему никто не брался, не подсказал, не поправил. Помощь ему в этом нужна и немедленная...»

Кабинет опустел. Кроме Астахова и Субботина, остался секретарь партийной организации отдела Павел Павлович Николаев. Разговор продолжался. Но это было не совещание, а простая, дружеская, душевная беседа.

— Ты кандидат в члены партии, — сказал

Николаев Субботину. — Знаешь, в чем сила коммуниста? — Не дождавшись ответа, он продолжал: — Коммунист должен уметь собрать вокруг себя коллектив, опереться на людей. Только с помощью коллектива можно успешно решать дела.

— Понимаю, Павел Павлович, — глухо проговорил Субботин, — понимаю! Да вот характер...

«Вот именно!» — подумал Астахов, вспомнив о характеристике, которую дали Субботину из института. В ней, наряду с положительными личными качествами, откровенно отмечалось: малообщителен, высокого мнения о себе.

— Характер, говоришь? — Николаев подошел к Субботину и положил руку на плечо. — Некоторые считают, что характер — наследственная черта человека. Но это правильно лишь отчасти. Главное — окружающая обстановка, влияние среды. Сколько примеров можно увидеть в жизни, когда сила влияния коллектива и собственная воля помогали людям менять характер, переделывать его. Разумеется, и ты, если захочешь, можешь изменить некоторые черты своего характера. Ведь в целом ты — человек неплохой и стремления твои честные.

Николаев помолчал. Субботин как-то весь подтянулся, и только стиснутые ладони выдавали его внутреннее волнение.

— И вот что хотел я тебе еще сказать, как друг, как старший товарищ. В нашей личной жизни бывает немало ошибок. Но в нашей работе ошибаться нельзя. Не зря говорят:

семь раз отмерь, один отрежь. Ведь, подумай, как это ни за что, ни про что, без достаточной проверки арестовать человека? Если уж сделал негодяй пакость какую — пусть ответит. Не виноват человек — не тронь. Закон — дело святое!

Астахов, до этого сидевший за столом, решительно встал.

— Надо у наших советских людей воспитывать чувство любви и уважения к законам нашей жизни. А нам с тобой, товарищ Субботин, партия поручила блюсти эти законы. Тебя учили этому пять лет в институте, диплом дали. Ты подумай, к чему может привести поспешность, с которой ты, не имея убедительных данных, решил обвинить человека в тяжком преступлении?

Субботин понял, что оправдываться не только бесполезно, но что у него на это просто нет морального права. Он понял, за что товарищи осудили его на совещании, и знал, что будут осуждать и в дальнейшем, если он не переменится.

...Долго не мог уснуть он в эту ночь под впечатлением событий минувшего дня.

В СТАНЦИОННОМ БУФЕТЕ

Ночной приход Зубова к своей жене, с которой он в течение года не встречался, и перебранка между ними на почве ревности, конечно, не могли еще стать основанием для обвинения его в убийстве Воронова. Ни Субботину, ни Волгину пока ничего не было изве-

стно, где и с кем находился Воронov, расставшись со своим другом Михаилом Коробовым. А произошло с ним в тот вечер вот что.

Когда Люба Зубова с подругой Ниной оставили далеко за собой вокзал, Сергей Воронov еще искал себе приюта. Ему не повезло. Транспорта на привокзальной площади не оказалось, комната хранения ручной клади была закрыта на ремонт, ресторан закончил работу около часу тому назад. Открыв стеклянную двухстворчатую дверь, Сергей вошел в небольшой зал, уставленный в одном конце столами, в другом — большими дубовыми диванами. Этот зал служил одновременно местом ожидания для пассажиров и буфетом. Войдя в зал, Сергей поморщился, в лицо ему пахло спертым кислым воздухом. Узлы и чемоданы, в беспорядке уложенные вдоль стен, вокруг столов и диванов, загромождали и без того узкие проходы.

Окинув взглядом помещение, Сергей искал глазами свободное место. «Переполнено! И откуда здесь столько народу? Ни одного стула!» Те, кому повезло, устроились недурно. Они сидели за столами, покрытыми клеенками, и аппетитно ужинали.

«Эх, черт побери с такой удачей! — подумал про себя Сергей. — Куда ни повернись, то ремонт, то дождь, то тесно — ни погреться, ни поесть...» — Им овладела зависть. Посмотрев, как ужинают счастливики, он и сам захотел есть.

Направился в сторону буфета. В это время из-за стола, который стоял около окна справа

от входной двери, поднялась женщина. Сергей поспешил к освободившемуся месту.

— Разрешите присесть? — обратился он к усатому старшине, на туго застегнутом мундире которого красовались погоны артиллериста, а на левом рукаве — чуть повыше локтя — поблескивал золоченый угольник сверхсрочника. Старшина, увлеченный разговором, не обращая внимания на Сергея, размахивал рукой, рассказывая что-то белобрысому парню, сидевшему напротив него.

— Не занято? — еще раз переспросил Сергей. Он боялся, что ему и впрямь откажут воспользоваться незанятым стулом.

На сей раз старшина ответил шуткой:

— Садись, садись! Дорого не взыщем.

Его собеседник, обнажив желтые от табака зубы, утвердительно кивнул головой.

— Надеюсь, договоримся и в цене сойдемся, — в тон ему ответил Воронов.

Руки Сергея связывал большой и тяжелый чемодан. Поставив его на пол около стола, он ногой подтолкнул его к стене, а затем, нагнувшись, задвинул в дальний угол к подоконнику и подозвал высокую стройную девушку в белом переднике.

— Три по сто пятьдесят, три пива, — распорядился он. — И чего-нибудь горяченького!

— Горяченького? — чуть улыбнувшись, переспросила девушка и быстро предложила несколько видов супов и пирожки.

— Ой, избави бог, супов не нужно, — отмахнулся Сергей. — От воды и капусты в животе пусто, — засмеялся он и добавил: — Ты, красавица, попотчуй нас чем-нибудь по-

плотнее. Давай, пожалуй, сойдемся на пирожках, да, кажется, у вас там котлеты есть. Тоже три порции.

Пока Воронов и официантка обсуждали меню ужина, старшина с недоумением смотрел на него, а как только девушка приняла заказ, спросил:

— Ты, вижу, дружище, водку зараз тройной дозой употребляешь?

— Какое там тройной, — ответил Сергей, — я и к одной раз в год прикладываюсь, да и то поневоле. Промок вот малость. Да и уговор с вами дороже денег!

— Что ты, что ты, дружище! Спасибо, — категорически отказался старшина от угощения. — Мы уже поужинали.

Воронов сконфуженно пожал плечами. Заказывая ужин на троих, он не ожидал, что собеседник откажется от приглашения.

— Ну что ж, на нет и суда нет! Как хотите, а я все же немного погреюсь! — И решительно обратился к официантке: — Давай, красавица, заказ уменьшим в три раза.

Когда девушка оставила их, за столом некоторое время никто не проронил ни слова. Старшина и Сергей друг перед другом чувствовали себя как-то неловко. Но молчание продолжалось недолго.

— Вот беда моя! Приехал, а до дому добраться не могу! — поделился Сергей невзгодой.

Старшина, в свою очередь, поинтересовался:

— Далеко ли добираться?

— Порядочно. Около шести километров.

— А на чем ехать-то собираешься?

— Думаю, на такси. Да вот пока ни одной нет. Выходил на площадь — не видать. — И спросил: — А вы не знаете, часто ли они здесь бывают?

— Недавно была одна машина — так прямо нарасхват. И то говорили, что она всего до десяти часов вечера работала.

Сообщение старшины обеспокоило Сергея. Он поднялся из-за стола и быстро вышел в вестибюль. А когда возвратился, с огорчением сказал:

— И здесь не повезло. В справочном бюро сказали, что до утра машин больше не будет. А я только на такси и надеялся: думал, посижу, время пройдет, глядишь, на мое счастье и подвернется!

Огорченному Сергею была одна забота — как добраться домой. В душе он не раз пожалел, что отказался от приглашения Любы...

— Чемоданчик-то твой? — показал старшина взглядом в угол к подоконнику.

— Вся беда в том, что мой! — ответил Сергей и недовольно махнул рукой: — Связала меня по рукам эта бандура!

— Добрый совет тебе дам: сдай эту «малютку» в камеру хранения, а сам пешком. И ему будет хорошо, и тебе неплохо!

— Совет недурный! — поблагодарил с иронией Воронов. — Хотел это сделать, да камера хранения на ремонте. Вот и подумай, что делать теперь.

Официантка подала заказанное. Сергей приступил к ужину. Залпом выпив стопку водки, он крикнул и, поморщившись, потянулся к

закуске. Через несколько минут он попросил официантку повторить заказ, чем подтвердил пословицу: «аппетит приходит во время еды». Сергей снова выпил, снова закусил и почувствовал себя спокойнее. Водка дала знать себя немедленно: по его рукам и ногам разлилась теплота, горело лицо. Промокшая одежда, ранее вызывавшая неприятное ощущение, теперь почти не замечалась.

Прошло еще некоторое время, и сознание Сергея притупилось. Голоса людей, находившихся в зале, звучали для него глуше, а их фигуры как бы плыли в тумане, речь Сергея становилась все путаннее. Ему хотелось много

говорить. И, вероятно, потому, что за столом сидел человек в военной форме, он похвастался.

— Я ведь тоже в армии служил — первым номером пулеметного расчета был. Видишь, на память ношу! — с гордостью показал он на свою куртку защитного цвета.

Старшина посмотрел на него и усмехнулся:

— Вижу, приятель, вижу! Куртка у тебя, действительно, армейская, а закалки армейской не чувствуется. В армии так делать не положено. Там человек всегда должен быть на боевом взводе!

— А я... и так на взводе! — охотно подтвердил Сергей.

Старшина умолк. «Эк его развезло, — подумал он, — мужик, видать, неплохой, а пьяница...»

Но старшина ошибался. Сергей не был пьяницей. Хмель подкосил его потому, что он устал, был голоден, а главное непривычен к таким дозам спиртного.

— Говоришь, в армии служил? А вот не понимаешь, что ты сейчас не боеспособный человек!

Сергей, тугο соображая, хотел было что-то возразить, но старшина нетерпеливо остановил его:

— Подумай, тебе еще около шести километров добираться до дома, а ты уже, действительно, на «взводе».

— Не беспокойся, солдат никогда и нигде не пропадет! А домой доберусь в целости и сохранности!

За окнами по-прежнему шел дождь, дул порывистый холодный ветер.

— Долго ли до беды?! — сказал старшина, обращаясь к своему товарищу.

— Да! — отозвался тот единственным словом за весь вечер и посмотрел на отяжелевшего Сергея.

К столу подошла официантка. Старшина достал из кармана бумажник и, рассчитываясь за свой ужин, подал девушке десятирублевую купюру.

ПРИХОД ВОЛГИНА НА РАБОТУ В МИЛИЦИЮ

Подняв воротник шинели, Волгин шел булыжной мостовой, по сторонам которой, как часовые, стояли высокие ветвистые деревья.

Осенняя ночь выдалась чудесной. Хотя к ногам и липла густая грязь, но над головой плыли редкие серо-пепельные облака, а из-за них временами выглядывала луна. Было поздно. Улицы города погрузились в ночной спокойный сон. Только откуда-то издалека ясно доносился скрип экскаватора, работающего на дальней стройке города; в стороне железной дороги раздавались гудки маневрирующих паровозов. Обманчиво казалось, что все это было где-то совсем близко, почти рядом. Холодный чистый воздух щедро наполнял грудь Виктора Петровича. Дышалось легко и приятно.

Дойдя до переулка, Волгин свернул в него и по отлогому пригорку спустился к реке.

Она медленно несла свои воды, неприветливая, широкая, уходящая на юг. По берегу

громоздились бревна, оставшиеся не убранными после летнего лесосплава. Дальше, влево, не более чем в двухстах метрах от того места, где остановился Волгин, над рекой возвышался длинный мост. По ту сторону реки горели редкие электрические фонари. Окутанная ночным туманом, мирно спала заречная сторона города.

Виктор Петрович, всматриваясь в затуманенную даль, прислушивался к тихому, едва слышному плеску воды, напоминавшему давние эпизоды его солдатской жизни.

...С тех пор минуло много времени, но все пережитое предстало перед ним, как наяву: западный рубеж нашей Родины, боевая застава.

Однажды в такую же осеннюю пору, глубокой ночью, с солдатами своего отделения Волгин преследовал неприятеля, нарушившего границу. В одежде, с оружием и с необходимыми армейскими припасами, почти по шею в холодной воде, бродом переправлялся Виктор через реку. Весь промокший, усталый, он ни на минуту не останавливался. Чутье и долг пограничника подгоняли его. Следуя примеру своего отделенного командира, неотступно шли за ним солдаты... В ту ночь на заставе спать никто и не думал.

— Задание выполнено! — доложил Волгин начальнику заставы почти под самое утро. И лишь после этого в маленьком лесном гарнизоне последовала команда — отбой!.. Виктор почувствовал, как ныли уставшие от длительной ходьбы ноги, как промокшее белье липло к горевшему телу. Он ежился, по телу полза-

ли мурашки. И сейчас, когда он вспомнил это, ему показалось, что на улице стало холоднее.

В дружной солдатской семье срок военной службы для Волгина прошел незаметно. Наконец настало время снять зеленые сержантские погоны и заняться гражданской профессией. Перед самой демобилизацией в один из дней из пограничного отряда на заставу приехал подполковник, вызвал к себе Волгина и сказал:

— Ну вот, товарищ сержант, наступила пора и тебе в долгосрочный отпуск отправляться! — и улыбнулся.

Солдатом овладело двойное чувство — радость, что через несколько дней он будет дома, по которому соскучился, и грусть расставания с родной заставой и друзьями-пограничниками...

— Ты, кажется, на токаря учился?

— Так точно, товарищ подполковник! — ответил сержант.

— Может, на сверхсрочную останешься?

Непредвиденный вопрос застал Волгина врасплох. Подполковник молча ждал ответа.

— Нет, не могу... — решительно отказался Виктор. Необходимость заставляла его спешить домой. Лгать он не умел и сказал подполковнику все откровенно и честно. Дома его ждала усталая больная мать, а подрастающим братьям нужен был глаз старшего. Отца не было. Он погиб в 1945 году.

— Ну что ж! Нет, так нет... — согласился с ним подполковник, — специальность у тебя хорошая, нужная. Поезжай домой! — и протянул ему руку. — Будь здоров! Желаю тебе

самых лучших удач. На заставе тебя хорошо знали, молва ходила неплохая, можно сказать, молодцом слыл. Надеюсь, и на Волге славу пограничника не уронишь.

Виктор Петрович смутился, но, вспомнив солдатский долг, отрывисто отчеканил:

— Служу Советскому Союзу! — и, улыбнувшись, в шутку добавил: — Одна беда, товарищ подполковник, граница от нас будет далековато... На гражданке работа не похожа на здешнюю, сами знаете, мирная. Дела там, как бы вам сказать, боевого не подобрать! А я, признаться, привык вот к такой, пограничной, беспокойной жизни.

Подполковник подошел к Волгину ближе и, посмотрев ему прямо в глаза, похлопал по плечу:

— Да! До некоторой степени ты, Виктор, прав. Государственной границы в ваших краях действительно нет. Но там и без границы дел хоть отбавляй... Работа там кипучая и тоже боевая. Есть участки такие, где беспокойнее, пожалуй, чем у нас на границе.

Через два дня пассажирский поезд увозил Виктора в родные волжские просторы. Так у него закончилась служба на пограничной заставе.

...Время уходило за полночь. Охваченный воспоминаниями Волгин продолжал стоять у воды... Припомнилась ему и волнующая встреча дома. Мать долго не выпускала его из своих объятий, смеясь и плача от радости. Мария Ивановна была горда и счастлива при виде сына. Перед ней стоял не прежний щуплый, худенький и хилый Витька. Теперь ее Виктор

выглядел совсем взрослым, возмужавшим, стройным: лицо, обветренное и имевшее от загара бронзовый оттенок, было мужественным и смелым. Походка уверенная, быстрая.

В тот памятный вечер встречи, встречи радостной и взволнованной, разговорам, казалось, не будет и конца. Виктор много рассказывал о службе на границе, о буднях своих товарищей по оружию, об их славных боевых делах. Заглядывая сыну в глаза, мать несколько раз спрашивала:

— Ну, а ты, сынок? Как ты служил? — Но Виктор шутливо уклонялся от ответа. Говорить о себе он не любил, а тем более хвастаться.

Без дела Волгин сидел недолго. Отдохнув и осмотревшись, через неделю он стоял за токарным станком и на вопросы товарищей, ухмыляясь, отвечал:

— Ничего... Резец идет уверенно! Не забыл. Не подкачаю, ребята!

Прошло три года. На заводе Волгин освоился, и его полюбили. Славный парень, честный, работающий... Активный общественник. Такую рекомендацию давали ему при вступлении кандидатом в члены партии.

В работу Виктор вникал с душою, и не раз за свои успехи был премирован. Дела у него шли хорошо: поправилось здоровье матери, успешно учились братья, появилась и любимая девушка... Казалось, жизнь складывалась удачно. Но что-то его не удовлетворяло, тянуло к какой-то другой жизни. Не раз мысли его возвращались к заставе, и тогда вдруг возникало острое желание опять побывать там,

окупнуться в военную службу, вновь испытать тревоги беспокойных ночей.

«Видно, сказывается привычка военной службы, — отгонял он назойливые мысли, — ничего, пройдет... — Иногда приходили на память слова подполковника, сказанные ему на прощание перед демобилизацией из армии: — Запомни, и в мирных местах есть боевые участки. Захочешь — найдешь применение своим силам и там...»

«Специальность у меня хорошая, а тянет к другой жизни... Но к какой же? К более отважной, боевой, что ли?»

...Одно событие, в котором он оказался действующим лицом, подсказало ему решение.

Однажды осенью, возвращаясь домой с ночной смены, кляня дождь и темень, Волгин в глухом переулке у забора увидел лежащего человека. Думая, что это пьяный, он подошел к нему и тронул за плечо:

— Эй, гражданин, вставай! Здесь не подходящее место для отдыха...

Но человек не шевельнулся, лишь тихо застонал. Волгин повернул мужчину к себе лицом и зажег спичку. Перед ним был полураздетый, босой, и, по-видимому, потерявший сознание старик, с бледным, измученным лицом, с большим кровоподтеком у левого глаза.

Волгин растерялся, не зная, что предпринять. Оставить беспомощного старика нельзя, ему нужна немедленная врачебная помощь, но одному справиться с такой ношей казалось не под силу. Вокруг было пустынно и тихо.

Виктор поднял старика и прислонил его к забору, потом взвалил на плечи и медленно

направился к ближайшей аптеке. Путь был не-далеким, но тяжелым. Волгин с трудом до-брался до места.

Старика сразу увезла машина скорой помо-щи, а Виктору пришлось идти в милицию, куда его попросили зайти. В милиции ночью Вик-тор был впервые и с любопытством и интере-сом смотрел по сторонам, прислушивался к разговорам. Несмотря на глубокую ночь, в дежурной комнате не спали. Иногда звонил телефон, куда-то направлялись работники.

Виктора допросили, поблагодарили за по-мощь, оказанную избитому и ограбленному старику, извинились за беспокойство и отпу-стили. Домой Волгин возвращался утомлен-ный, но возбужденный и задумчивый, полный негодования против тех, кто применил подлое насилие над беспомощным стариком...

Как-то после дневной смены Виктор Петро-вич поднялся на второй этаж здания завод-ского управления и подошел к двери, на кото-рой значилось: «Партийный комитет». На се-кунду он остановился и еще раз подумал над своим решением: «Правильно ли я поступаю?» Сознание решительно подсказывало: «Возвра-та нет».

Переступив порог, Волгин оказался в про-сторной светлой комнате, где на столах лежа-ло множество книг, журналов, газет.

— А, Виктор Петрович! — воскликнул сек-ретарь парткома Самарин, поднявшись из-за стола и протягивая руку. — Садись, садись... Легок ты на помине! Пришел очень кстати.

Волгин присел за стол и достал из кармана вдвое сложенный лист бумаги из ученической

тетради. Самарин не обратил на это внимания.

— Понимаешь, товарищ Волгин, — заговорил он быстро, — на последнем заседании парткома мы обсуждали кандидатуры, кого бы можно было послать учиться в технологический институт. И вот решили в числе других и тебя послать...

Волгин, не задумываясь, ответил:

— Нет, не пойду, товарищ Самарин.

Секретарь парткома поднял брови:

— Вот это новость! Три года в вечернюю школу ходил, десятилетку закончил, аттестат зрелости получил — и вдруг на тебе: не пойду! Ты что же, дальше учиться не желаешь?

Волгин хитровато посмотрел на Самарина и улыбнулся:

— Опоздали... Опоздали с рекомендацией.

— Как? Почему? — оживился секретарь.

— Так. Решил пойти в юридический...

— В юридический? — Самарин произнес это слово подчеркнуто удивленно. — Нешто, кодексами законов фрезерные работы собираешься производить? — пошутил он.

— А почему бы и нет. Без закона и фреза по металлу как нужно не пойдет, — также шутливо ответил Волгин и, развернув свою бумагу, подал ее секретарю:

— Я вот по какому делу к вам... Посоветоваться... — осторожно начал он, как бы боясь, что из его затеи ничего не выйдет.

Самарин быстро прочитал написанное и удивленно пожал плечами. Заметив это, Волгин поспешил объяснить секретарю, что заставило его прийти в партком за советом.

— Так... — протянул Самарин, несколько задумавшись: — значит, на новую работу захотелось? В милицию?

— Так точно, — по-солдатски отчеканил Волгин.

— А ты по-настоящему подумал?

— Много думал, товарищ Самарин.

— И знаешь, какая там ожидает тебя работа?

— Приблизительно знаю...

Условия работы в милиции Волгину и в самом деле несколько были знакомы. После случая с ограблением и спасением им старика Волгиным овладело желание вести борьбу с бесчестными людьми. Он находил в этой работе какое-то сходство с боевой и тревожной жизнью на пограничной заставе.

Расставаться с Волгиным Самарину не хотелось. Хорошие кадры специалистов заводу были очень нужны. Но он считал себя не в праве противиться призванию Волгина.

— Ну, что с тобой поделаешь... Хорошие работники везде нужны, не обойтись без них и милиции... Раз уж надумал — иди! Надеюсь, члены парткома нас с тобой поддержат...

Волгин обрадовался, услышав согласие секретаря парткома. Однако на этом разговор не окончился.

— Только вот что я должен сказать тебе, — Самарин поднял на Волгина глаза. — Работа там сложная, трудоемкая и очень ответственная. Как ты заметил, денно и ночью работают там с людьми и только с людьми. А обходиться с людьми, сам понимаешь, это не гайки сверлить. Хотя и на производстве нужно в

работу душу вкладывать. Бывает, гайку испортишь и за другую возьмешься. Этого подчас никто не заметит, разве только мастер досмотрит да пожурит. А вот человек — дело совсем другое. Чувство к нему нужно иметь особое. Он не безмолвная гайка и слово свое сказать может. Если не по закону, да еще и сознательно — сразу свою цену перед ним потеряешь. Мало — пятно на милицию положить можешь, да еще какое! Иногда смывать годами приходится. Человек не скоро забывает обиду... — Затем, оставив начатую тему, решительно спросил: — Свой уход с завода ты согласовал с дирекцией?

— Нет еще. Завтра пойду.

— Ну, ладно. Ни пуха тебе, ни пера...

И, возвратив заявление, Самарин крепко пожал ему руку.

Весть о том, что Виктор Петрович намерен уйти с завода на работу в милицию, мгновенно облетела не только токарный, где он работал, но и другие цехи завода.

Через день с началом утренней смены, когда Волгин пришел в цех, еще издали увидел, как в его сторону повернулись улыбающиеся лица рабочих:

— Наш милиционер пришел, — крикнул кто-то, когда он проходил между станками.

— Ну теперь, братва, держись! — раздался другой голос. — Дядя Степа!

Среди шума приводов, моторов и скрежета металла разговаривать трудно, да и работа не ждала. К Виктору подошел мастер.

— Ты что это и вправду задумал? — спросил он его.

Волгин кивнул головой.

— Или здесь тебе тесно? — снова спросил тот.

Виктор улыбнулся:

— Простора здесь много, а сердце просит другого!

Мастер нахмурился.

— Не дело делаешь, — оговорил он. — Зря с производства уходишь. Золотую специальность имеешь!

В обеденный час в столовой вокруг будущего милиционера собрались его товарищи. Наперебой спрашивали: — Зачем? Что за нужда? — Шутили. Виктор Петрович едва успевал отвечать. И что бы друзья ни говорили, он твердил свое: — Понравилось, и все. Не беспокойтесь, справлюсь. Чего не знаю — научат...

— А кто заставил тебя пойти туда? — насмешливо спросил один из рабочих и криво улыбнулся: — Уж не по путевке ли парткома?

Вопрос вызвал у Волгина негодование. Он сердито смерил взглядом спросившего, но сдержался.

— Заставили? Меня? Да ты рехнулся. Нет, брат, ошибся. Никто меня не может заставить и не заставлял. В том моя добрая воля. Ну, а если бы путевку от партийной организации и получил — за честь для себя посчитал бы... — И, помедлив, добавил: — Будем считать, что это вы меня послали на работу в милицию! Вам и служить буду. И с общественными беспорядками бороться вместе будем! Неужели вы мне не поможете?

Обеденный перерыв подходил к концу, рабочие стали расходиться по своим местам.

Один из них топтался возле Волгина, желая о чем-то поговорить с ним наедине. Выбрав удобный момент, когда Волгин остался один, он доверительно шепнул:

— Не связывайся с милицией, не советую! — И, пугливо озираясь, добавил: — Кому, кому, а мне хорошо известно, что такое милиция. Тамошние служаки только и способны человеку жизнь испортить.

Волгин оторопел. В глазах собеседника он уловил злобный огонек.

— Это как же, не понимаю?

— А так. Благодаря им я три года в заключении был...

— Из-за милиции? — удивился Виктор Петрович.

— Да, да... Она во всем виновата, ни за что пострадал! — В словах собеседника Волгин слышал обиду. Он говорил о милиции с нескрываемым презрением.

— А за что же она тебя так? — поинтересовался Волгин.

— И дело-то, прямо сказать, пустяковое... ломаного гроша не стоит. Шофером я раньше работал, на грузовой автомашине. Понимаешь, как-то гости у меня были. Выпил малость. Да какое там выпил — считай и не пил почти... Еду. Вдруг откуда ни возьмись старуха какая-то подвернулась... Не в том месте, где надо, дорогу переходила. Так вот случайно я ее и того...

— Убил!? — ахнул Волгин.

— Выходит... — спокойно ответил обиженный шофер. — А милиция тут как тут. Налетели и просто-напросто придрались: дескать,

пил, машина неисправна... Эх! — махнул он рукой: — Слово им больше всех надо!

Волгин не удержался:

— А как же по-твоему? Ты пил? Ты человека загубил? И милиция же виновата! Нет, брат, у меня поддержки в таких случаях не ищи! — оборвал его Волгин и бросил вслед: — Вот так и бывает, набезобразишь, да еще в своих грехах и виноватых ищешь.

Домочадцы и Зина — невеста Виктора — приняли его решение работать в милиции по-разному. Мать, зная решительность сына и то, что он никогда опрометчиво не поступает, поддерживала его.

— Как знаешь, — сказала она. — Тебе работать — и выбор твой. Сам потом не жалея, да чтобы дело не страдало.

Мать, конечно, была права: какая, собственно говоря, разница, где работать? Будь то у станка, на стройке, в колхозе или в милиции? Трудиться нужно везде. И каким бы труд ни был, если он приносит пользу людям, значит, он почетный и благородный. Самый младший брат Колька — школьник — новую работу Волгина принял по-детски, даже обрадовался:

— Вот здорово! Виктор — милиционер. Ну, теперь пусть держатся ребята со двора. Получать потасовки я больше не буду. Ты им покажешь, не правдали? — выразил Колька свой восторг.

— Чудак ты! — от души рассмеялся Волгин. — Только и дела у меня будет твоих драчунов унимать! — Но про себя подумал: — «А впрочем, пожалуй, и им внимание уделять придется!»

Зина огорчилась, хотя еще надеялась отговорить Виктора.

— И вздумалось тебе! Ни днем, ни ночью покоя... — Она знала от Виктора, что сотрудники милиции работу свою не прекращают круглые сутки.

— Зато спокойно трудятся и спокойно отдыхают люди... — возразил он Зине. — Дело почетное и не каждому его можно доверить!

— Почетное-то почетное, но пусть его выполняет кто-нибудь другой, а не ты!

— Почему же кто-нибудь другой? Ты хочешь сказать, что мне нельзя доверить это дело? А ты не подумала, что другие тоже могут сказать такое... Тогда, выходит, и работать некому! — Волгин улыбнулся и ласково обнял ее за плечи.

Спрятав у него на груди опечаленное лицо, Зина, оправдываясь, просила:

— Прости, но там, говорят, опасно... Я за тебя боюсь. Обещай быть осторожным! Обещай, Витя! Обещай домой приходить вовремя!

— Хорошо, обещаю. Ну, а ты дома много бываешь? — спросил он и, улыбаясь, добавил: — Днем занята на работе, ночью за книжками сидишь. Погулять и то не вытащишь!

— Да, ты прав, днем на работе, потом в школе, потом уроки — но ведь мне ничего не угрожает, милый!

Волгин ласково заглянул ей в глаза:

— Дорогая, работа эта пришлась мне по сердцу. Отступать не буду...

...Вот так у Волгина началась служба в Гурьевском городском отделе милиции.

Дни потянулись за днями. Первое время он

работал участковым уполномоченным. Вначале, как обычно, на новом месте не все клеилось. Потом постепенно привык. Работой интересовался и успевал учиться у более опытных. Этим заслужил уважение.

А через год способности молодого работника заметили и назначили оперативным уполномоченным уголовного розыска.

Опасения Зины оказались напрасными. С работы Волгин возвращался вовремя. Правда, иногда он опаздывал, иногда не приходил совсем по два-три дня, но это бывало не так часто.

...Где-то недалеко застучала моторка. Волгин вздрогнул. Оглянувшись, он увидел, что тучи совсем рассеялись, исчез туман, а по холодной, казавшейся неподвижной воде пробежала серебряная дорожка.

Виктор взглянул на часы — было половина второго ночи. «Пора отдыхать». Оставив берег, задумчиво и медленно он возвращался домой.

ПО СЛЕДУ

1

Волгин понимал, что много, очень много усилий, напряжения и труда придется затратить всему коллективу работников отдела милиции и ему, как оперативному уполномоченному, чтобы раскрыть преступление.

Задача предстояла нелегкая. Необходимо найти свидетелей, которые могли бы помочь выяснить, где и с кем был Сергей Воронов пос-

ле того, как расстался с Михаилом Коробовым, каким путем попал к Березовскому мосту.

Волгину пришла интересная мысль: «А что если провести такой эксперимент: выйти на вокзал станции Гурьевск и шаг за шагом проследить все места, где мог быть Воронов».

В двадцать один час сорок пять минут Виктор Петрович был на перроне и, как только поезд остановился возле платформы, он вместе с выходившими из вагонов пассажирами устремился к выходу. Остановился у фонаря, освещавшего главный вход в вокзал.

«Вот здесь Воронов стоял с Любой Зубовой, — вспоминал Волгин показание Коробова. — Вот здесь он расстался со своим другом Михаилом... Потом пошел один...» Волгин открыл дверь в помещение вокзала и, оказавшись в вестибюле, остановился у порога. Внимательно посмотрел по сторонам. «Куда же дальше мог пойти Воронов в такой поздний час, да еще с большим и тяжелым чемоданом?»

Одна дверь вела на привокзальную площадь. «Уехал на такси? — предположил он, но тут же самому себе возразил: — Нет! Все такси, по утверждению Субботина, после двадцати двух часов работу закончили... Но ведь могло же быть и так, что Воронов уехал на машине, подвернувшейся случайно...» — Виктор Петрович с сожалением подумал, что не проверил сам движение легковых такси в ночное время.

Вторая дверь вела в зал ожидания для пассажиров. Волгин вошел в него и, оглядевшись, подумал: «Сергей мог зайти сюда, чтобы ско-

ротать время до утра. В таком случае не исключена возможность, что он побывал в буфете, чтобы подкрепиться с дороги. И если это так, то, несомненно, его могли заприметить работники буфета». — И Виктор Петрович решил на следующий день вызвать работавшую в тот вечер официантку.

Утром, перед началом рабочего дня, просторный и светлый зал, служивший в отделе милиции приемной, заполнили посетители. Среди пришедших выделялась рослая девушка. Теребя пальцами сложенную в несколько раз бумажку, время от времени она то поднималась со стула и подходила к окну, то снова садилась на свое место.

Многие на это не обращали внимания. Пожилой женщине, сидевшей рядом с ней, тревога девушки бросилась в глаза.

— Волнуешься? — полюбопытствовала она.

Девушка развернула бумажку, прочла еще раз и протянула собеседнице.

— Вот. Вызывают...

Это была обыкновенная повестка, которой Ирина Самойлова вызывалась в качестве свидетеля. Ирина и оказалась официанткой станционного буфета, куда заходил Воронов в последний вечер своей жизни. Ее собеседницей была вахтер Гурьевского парка такси Ольга Кузьминична Завьялова.

— Ну и что же тут такого? — сказала Завьялова, прочитав повестку и возвращая ее Ирине. — Значит, по делу нужна.

— По какому делу? — с изумлением переспросила Самойлова.

— Тебе больше знать, раз вызывают...

— Не знаю. Плохого за мной ничего нет...

— А раз нет, чего же бояться?

Женщины разговорились. Ирина откровенно призналась, как опасается предстоящего свидания с работниками милиции. Больше всего страшило ее то, что она не знала, по какому делу ее вызывают.

— С чистой совестью, если приглашают, и в милиции побывать не страшно, — заметила Завьялова. — Немало у нас таких, вроде тебя, что страшатся милиции. А чего ее страшиться? Люди здесь, чай, не из другого теста. Правда, служба у них такая, как бы тебе сказать, не война, а воюют... — Ирина широко раскрыла глаза, а Ольга Кузьминична продолжала: — Да, да, не удивляйся. Самым настоящим образом воюют. Конечно, не с честным народом, а с проходимцами всякими, что за чужим добром руки протягивают да покоя трудовому человеку не дают... Вот таким милиция — гроза. Они пусть и боятся милиции. А нам с тобой, если мы ничего плохого не сделали, бояться ее нечего.

После короткой паузы Завьялова добавила:

— А я заодно с милицией. Заприметила я в паскудных делах одну свою знакомую, — постоянно занимается спекуляцией, даже смотреть тошно. Такая здоровая, а по базарам околачивается. Как-то на днях встретила начальника милиции и рассказала ему о ней. А сейчас вот вызывают, думаю, что по этому делу.

Словоохотливая женщина, наверное, продолжила бы свой рассказ, но ей помешал Волгин. Показавшись из дверей своего кабинета, он пригласил к себе Самойлову.

На первый вопрос Ирина робко ответила:
— Да, в тот вечер, кажется, работала я.

Виктор Петрович положил перед Самойловой фотографическую карточку Сергея Воронова.

— Вы этого клиента не обслуживали?

Девушка внимательно и долго всматривалась в облик мужчины, медля с ответом. Конечно, запомнить каждого посетителя, когда прошло столько времени, Ирина не могла. И только после того, как Волгин напомнил некоторые особые приметы Воронова, постепенно в ее сознании промелькнули — и короткая куртка, и большой коричневый чемодан, задвинутый к подоконнику, и шутливый разговор во время ужина, и почти обрадованно подтвердила:

— Да, я подавала ему водку и, если не ошибаюсь, пирожки.

Виктор Петрович, сдерживая волнение, спросил:

— А кто с ним был?

Девушка, узнав, для какой цели ее вызвали, заговорила смелее и увереннее.

— Военный старшина да какой-то белобрысый парень. — Ирина с трудом припоминала и тот вечер, и лица, которыми интересовался Волгин.

В двадцать три часа тридцать минут, как утверждала Ирина, со стороны перрона донесся шум подходившего пассажирского поезда. Часть пассажиров, сидевших в вокзальном

буфете, поспешно собрала свои вещи и заторопилась к выходу.

— Ну, кажется, и нам пора, — поднявшись со стула, надевая шинель, обратился старшина к своему напарнику. Белобрысый не заставил себя ждать. Подобрал свои легкие пожитки, он, не простившись с Сергеем, торопливо пошел к выходу. Старшина же подошел к Сергею и, слегка коснувшись его плеча, сказал на прощанье:

— Смотри, приятель, больше не пей! Хватит. Впереди ночь, а на улице дождь. Понял. Желаю успеха!

Сергей проводил его за порог полусонным взглядом.

Самойлова помолчала, напрягая мысли, стремясь восстановить в памяти дальнейшие события. Прошла минута, и она вспомнила, что около двенадцати часов вдоль окон буфета со стороны привокзальной площади скользнул свет автомобильных фар. Их яркий луч бегло коснулся диванов, на которых разместились пассажиры.

— Ну, а дальше? — спросил Волгин.

Ирина рассказала, как Сергеем овладела дремота. Его голову ненадежно поддерживали ослабевшие руки, он склонился к столу и уснул...

Внезапно дверь буфета распахнулась. На пороге выросли фигуры молодых людей: один из них был невысокого роста и худ; второй — коренастый; третий — средних лет, высочайший, стройный, красивый.

Тот, что был постарше, окинул взглядом столы.

— Пойдем туда, — сказал он и показал рукой в сторону, где сидел Воронов.

— Здорово, парнище! — усаживаясь за стол напротив Воронова, прокартавил высокий. По его красивому лицу промелькнуло подобие дружеской улыбки.

— Гм... — пробормотал Сергей, не открывая глаз. Затем с трудом открыл их и приподнял голову. Не понимая, кто эти люди и откуда взялись они, Сергей сонным взглядом осмотрел их.

— Здорово, говорю! — повторил красивый тем же добродушным голосом.

— З-д-о-р-о-во... — протянул Сергей.

— Спишь, что ли?

— А что, не видишь?

— Вижу. Раскис...

— Коробочка вот проклятая замучила меня. Не она — давно бы дома спал... — Сергей лениво протянул руку в ту сторону, где стоял чемодан.

— А ведь тебе повезло, друг! — сказал картавый.

Сергей вопросительно посмотрел, еще не понимая смысла слов незнакомца.

— Да, да... Не смотри так! Тебе, действительно, повезло! Здесь с нами машина, не оставим тебя в беде, поможем...

Немного отрезвев, Воронов обрадовался представившейся оказии. Он приободрился и подозвал официантку:

— На дорожку, за знакомство! — поторопил он ее, показывая четыре пальца, что означало заказ на четверых.

— Смотрю, парень, ты на расстоянии способен читать чужие мысли, — проговорил красивый. — Мы как раз и заехали сюда затем, чтобы перекусить малость...

Через несколько минут на столе стояло четыре стакана с водкой и несколько горячих пирожков. Собутельники Сергея быстро выпили. Сергей же пить не стал.

— Тебе далеко? — поинтересовался красивый.

— В Медвежий хутор.

— Ого! — воскликнул коренастый. — Да ты у черта на куличках живешь!

— Не беда, — вмешался старший. — Раз пообещали, значит, нужно человеку помочь! — И, обратившись к Сергею, добавил: — Не беспокойся, друг, довезем! Обязательно довезем!

— Когда я получила расчет, — вспомнила Самойлова, — я услышала, что человек, который заказывал водку, спросил: — А в другое место не свезете?

— Куда? К зазнобе какой, что ли? Не стесняйся, говори прямо...

— Ага! — кивнув головой, промывчал тот, что был в защитной куртке.

— Далеко ли?

Подумав, он ответил:

— Да это рукой подать! На Заречье!

Кто-то из них вытащил чемодан. Минутой спустя, автомашина умчалась в ночную темь.

Прощаясь, Волгин попросил у Самойловой извинения за беспокойство. Она, решив, что допрос не такое, в конце концов, страшное дело, улыбнулась и облегченно вздохнула.

...Оставшись один, Виктор Петрович перечитал протокол допроса Самойловой, подолгу вдумываясь в мельчайшие подробности ее показаний: — «Кто же все-таки виновник смерти Воронова?» — мучительно раздумывал он. Кроме подозрения Григория Зубова, Волгин усматривал и новые версии. Он допускал мысль о возможной причастности к убийству военного старшины и его белобрысого спутника. Но тут же отвергал эту мысль. Более вероятным было другое предположение: «Преступление совершили те, с кем Самойлова видела Воронова в последний раз».

ДОМИК НА УЛИЦЕ ПОЛЯНСКОЙ

1

В течение нескольких дней Волгин встречался со многими людьми — товарищами и знакомыми Воронова, проживавшими в городе

Гурьевске, и получил косвенные данные о возможных причинах его убийства. Но прямых доказательств, указывающих на лиц, совершивших преступление, в его руках пока еще не было.

Однажды утром Виктор Петрович, придя на работу, просматривал поступившую в его адрес почту.

Среди служебных бумаг ему попало довольно пространное письмо, автор которого обстоятельно сообщал о своих наблюдениях за одним из домов, расположенных далеко от центра города.

Речь шла о Полянской улице, которая Волгину была хорошо знакома. Она ничем не отличалась от других улиц на восточной окраине Гурьевска. Полянской ее называли еще тогда, когда впервые здесь начали появляться жилые строения, уютно прятавшиеся в березовой роще. И не только густая зелень деревьев в свое время украшала этот тихий уголок. Была здесь когда-то и огромная поляна, которую покрывали в летнюю пору полевые цветы.

Сейчас на том месте уже не было ни березовой рощи, ни зеленой поляны. Вместо них протянулась Полянская улица. Два порядка однотипных деревянных домиков, казалось, бесконечно тянулись в ту сторону, откуда начиналась бескрайняя равнина. Когда солнце опускалось к горизонту, тени стройных кудрявых берез, оставшихся от бывшей рощи, вытягивались перед домами и ровными рядами ложились поперек пыльной дороги. В это время стены домов меняли свою окраску и становились светло-розовыми. Воздух наполнялся

тонким запахом садовых цветов. Бойкий говор и смех жителей улицы стихал лишь к ночи.

Совсем по-иному выглядела Полянская улица холодной и хмурой осенью. На грустно повисших ветвях берез кое-где сохранялась влажная пожелтевшая листва. Дорогу сплошь перекрывали непересыхающие лужи; домишки, как бы прижавшись друг к другу, казались серыми, мрачными, тоскливыми.

Ничем от других не отличался и одноэтажный домик, покрытый большими квадратными листами белого гофрированного шифера. Его три лицевых окна с выкрашенными в зеленый цвет наличниками да две березы могли обратить на себя внимание случайного прохожего.

Волгин читал письмо с интересом. Перед ним открывалась картина странного образа жизни обитателей этого дома.

Хозяйкой здесь была пожилая женщина Анна Васильевна Кучеренко или, как попросту называли ее соседи, тетя Нюра. Более года тому назад купив дом, она поселилась на этой улице.

Подробностей о ней автор письма, видимо, не знал. Ему было достоверно известно лишь одно: ни тетя Нюра, ни ее взрослая племянница нигде не работали.

Молчаливая, замкнутая и всегда как бы настороженная, Анна Васильевна скрепя сердце принимала у себя соседей, когда те невзначай приходили к ней. Сама же она к ним не ходила и даже избегала встреч.

Узкая калитка из поперечных дощечек

открывалась редко. Бывали дни, когда в нее никто не входил и не выходил. Зато иногда ночной порой тетя Нюра приветливо и с удовольствием принимала, а поздней ночью провожала своих желанных гостей. Кстати, о них жители Полянской улицы тоже ничего не знали. Черные тени их фигур быстро проскальзывали через калитку в глубину темного двора, а там за ними поспешно закрывалась входная дверь. Плотная ткань оконных штор надежно скрывала от посторонних все, что происходило в доме.

Обстановка в тесной комнате была самой заурядной. Единственным украшением ее были многочисленные вышивки, покрывавшие диван, столик из-под цветов, трюмо и даже развешанные на стене. За небольшим круглым столом, на котором размещались водка и закуски, начиналось обычное для этого дома развлечение.

Собралась у тети Нюры веселая компания и в тот вечер, о котором подробно излагалось в письме, заинтересовавшем лейтенанта Волгина.

Под звон заздравных чарок, вялые и скучные вначале, гости постепенно оживлялись, их языки все больше развязывались. Не слушая друг друга, гости говорили наперебей. Пили за успехи в жизни, за девушек, за Анну Васильевну Кучеренко.

Повеселевшая тетя Нюра не скупилась на угощения и щедро благодарила гостей. То и дело она подносила в тарелках съестное и подливала в пустеющие графины вино. По комнате плавали сизые клубы табачного дыма, гус-

то окутывая красный абажур, свисавший с потолка на трех шелковых шнурах.

Часа через два после начала попойки на столе все перемешалось. Серая льняная скатерть во многих местах оказалась залитой вином, огрызки соленых огурцов и рыбы кости очутились в вазе с вишневым вареньем; в тарелках с остатками пищи торчали папиросные окурки.

— А ну-ка, «Пегий», сыграй! Да так, чтобы за душу взяло... — властно проговорил, картавя, кудрявый, с родинкой на левой щеке, красивый мужчина.

К его бледно-розовому лицу шел голубой цвет рубашки с расстегнутым воротом. На открытой груди была наколота змея, обвивающая чашу с ядом. Холодным взглядом покрасневших глаз он остановился на невзрачном курносом парне.

Левый глаз «Пегого» временами нервно подергивался. А по виску, кончаясь где-то под волосами, протянулся еще незажитый порез.

Никого из сидящих за столом не удивило, что его называли «Пегим». Всмотревшись в него, нетрудно было заметить, что такая кличка соответствовала внешности. Из русых волос, стриженных так, что на лоб спускалась косая челка, ближе к теменной части головы заметно выделялась каштановая прядь. Видимо, эта окраска волос и послужила поводом для клички.

В доме тети Ньюры, по-видимому, не находили нужным называть друг друга собственными именами. Долговязого худенького паренька, на вид не более восемнадцати лет, на кого

за весь вечер никто из «солидной» компании не обращал внимания, непочтительно называли «Крякушей». И надо полагать, что такая кличка укрепилась за странный выговор. Если старший собутыльник «Крякуши» букву «р» не выговаривал вовсе, то в его речи она наоборот особенно выделялась. Имени «Рыжий» был удостоен коренастый, среднего роста парень, который пил водку меньше всех и почти не выпускал изо рта папиросу. Его щеки густо усеивали мелкие рыжие веснушки, придававшие лицу какую-то особую симпатию. Мужчина с наколотой на груди змеей по возрасту выглядел не моложе тридцати лет. По всей вероятности, за красивое с правильными чертами лицо величали его «Смазливым».

Особым предпочтением пользовались как сама хозяйка тетя Нюра, так и три девушки. За ними сохранились имена, данные им от рождения.

Довольно привлекательную девушку, лет девятнадцати, которая себя в кругу этих людей держала свободно, называли Еленой. Не стесняясь в выражениях, она принимала участие в разговоре.

Две другие девушки выглядели постарше Елены. Они пили, не отставая от мужчин, и нетрудно было догадаться, что в этом испытывали какое-то удовольствие.

Наступил час, когда попойка достигла высшего предела. Но гости не унимались.

Не сразу выполнив просьбу своего приятеля, «Пегий» пьяной, неуверенной рукой поднял над головой стакан с водкой.

— Что на дикофте сидеть! Давайте, корюша,

еще бусонем! — обратился он к присутствующим, обнажив гнилые зубы. «Рыжий» непонимающе посмотрел на него. Слышать таких слов раньше ему не приходилось. «Смазливый» тоже поднял свой стакан и громко рассмеялся.

— Не понял, — кивнул он на «Рыжего» и, обратившись к нему, добавил: — Ничего, дружок, поживешь с нами — поймешь и научишься. А коль не понял, разъясняю: «Пегий» сказал: довольно без дела сидеть, давайте, друзья, водку пить.

Опорожнив стакан, «Смазливый» повторил свое требование:

— А ну-ка, «Пегий», начинай...

На этот раз «Пегий» повиновался. Взяв гитару, он умело коснулся пальцами струн и тут же в такт звучным аккордам, несколько заплетаясь, но приятным тенорком запел:

Все сметено могучим ураганом,
И нам, мой друг, осталось кочевать.
Уйдем с тобой в шатры к цыганам,
Там не умеют долго горевать...

Вначале песня лилась тихо и медленно, затем громче и быстрее:

Там бубнов звон, гитары стоны,
Там песня воли, воли и полей!
И в той кибитке забудем пытки
Далеких, призрачных страстей!..

Разудалая песня, вероятно, понравилась «Смазливому». Откинувшись на спинку стула, он протянул под стол длинные ноги и фальшиво подпевал. Елена тоже подпевала тонким голоском. Долговязый, опершись локтями на

стол, уткнулся посоловелым взглядом в недопитый стакан. Лениво, не попадая тоже хриповато подтягивал. Скрестив на животе руки, Анна Васильевна плечом упиралась в дверной косяк. Она была довольна вечеринкой, радовавшая ее возможными выгодами. «Рыжий» был мрачен и задумчив. Он увидел на стенке портрет девочки-школьницы и долго не спускал с него глаз.

Мрачное настроение «Рыжего» беспокоило «Смазливого» с самого начала вечера. Он по-

смотрел на него проницательным взглядом и перестал петь.

— Ты что нос повесил? — спросил он, бросив грубое ругательство: — Или с нами веселья тебе мало?! — Его густые черные брови сердито сдвинулись.

Веселье остановилось, гости замолчали.

«Рыжий» растерянно шевельнулся на стуле, виновато улыбнулся и хотел было что-то сказать, однако его перебил «Смазливый».

— Я пью за дружбу, за наших подруг, — сказал он, — за их нежные ласки!.. — И, подмигнув Елене, повел бровью в сторону «Рыжего». Елена без слов все поняла и не заставила себя просить. Поднявшись, она мигом очутилась рядом со скучающим гостем и пропела:

— Брось тоску,
брось печаль...

Обнимая за плечо, она кокетливо заглядывала ему в глаза.

— Выпьем-ка за дружбу и не иначе как на брудершафт! — предложила она и, протянув обе руки, снова обняла его. Противиться у

«Рыжего» смелости не хватило. Когда порядком уставшие гости присели за стол, Елена снова обратилась к «Рыжему».

— Я нравлюсь тебе? — улыбаясь, спросила она и подмигнула «Смазливому». «Рыжий» бросил на нее короткий взгляд и ничего не ответил. Елена могла понравиться, так как была молода и миловидна. Правда, ее лицо несколько портила излишняя косметика, искусственные мушки и какая-то невероятная прическа. Впрочем, ее вьющиеся волосы выглядели хорошо. Красивыми были и большие глаза, и немного суховатый, но тонкий профиль.

Одета Елена была ярко: пестрая шерстяная кофточка плотно облегалась талию, делая несколько неуклюжей ее высокую, но слегка сутулую фигуру.

— Конечно, нравишься! Но сознаться не хочет! — ответил за «Рыжего» «Смазливый», внимательно следивший за их беседой.

...Кончив читать письмо, Волгин положил его на стол и задумался. Все, о чем говорилось в нем, вызвало живой интерес. Единственное, что огорчало, это малая осведомленность автора о лицах, посетивших в тот вечер домик на Полянской улице. Хозяйку квартиры Анну Васильевну и младшую девушку Елену автор называл своими именами и дал им более подробную характеристику. В отношении же остальных лишь скупой были приведены приметы их одежды, примерный возраст, черты лица и особенности разговорной речи. Но в целом заявление было очень важным и кстати.

Волгин снова взял письмо и еще раз перечитал те места, где описывались приметы «Пего-

го», «Смазливого» и «Рыжего». Внимание привлекло совпадение этих примет с приметами людей, которые, по показаниям Ирины Самойловой, увезли Воронова с вокзала.

Волгин мысленно благодарил того, кто прислал в милицию это письмо.

2

...Лишь глубокой ночью в квартире Анны Васильевны стихли голоса. Из дома «Рыжий» вышел один. Сунув руки в карманы короткого пиджака, он медленно шел малоосвещенными улицами. Осенний холодный ветер освежал лицо. В тишине ночи ничто не отвлекало его внимания и в уме одна невеселая дума сменялась другой. Он хотел забыться, но вместо забвения его память вновь и вновь возвращала к событиям, которые совсем недавно ему пришлось пережить. Он испуганно оглядывался по сторонам, поглубже втягивал голову в поднятый воротник пиджака и, стараясь ни о чем не думать, ускорял шаг.

Позади остались несколько кварталов и привокзальная площадь. Оказавшись на заречной стороне города, он в скором времени свернул на свою улицу. Остановившись возле одного из домов, «Рыжий» постучал в дверь. От порога в комнату его проводила женщина с седеющими висками. Каждый из них молча занимался своим делом: он лениво снимал с себя верхнюю одежду, она, постукивая посудой, возилась на кухне.

— Ужинать будешь? — спросила женщина, печально посмотрев в сторону парня.

— Нет, мама! — И снова наступила тишина. Ее нарушало тиканье настенных часов с гирькой, отсчитывавших последние минуты третьего часа ночи.

Женщина подошла ближе к сыну и внимательно, с тревогой посмотрела ему в глаза.

— Саша! Сынок! — почти прошептала она. — Как ты изменился. Что случилось с тобой? — Александр от прямого взгляда уклонился, а мать продолжала: — Еще совсем недавно я знала тебя ласковым, внимательным и послушным. А какой сейчас? Молчаливый, угрюмый, задумчивый...

За последнее время в жизни Александра произошли большие перемены. Он стал часто возвращаться домой поздней ночью и в большинстве случаев пьяным. Все это очень волновало мать. Не тая тревоги, как и сегодня, она умоляюще обращалась к сыну:

— Саша! Успокой мать! Скажи — где и с кем бываешь по ночам? Что с тобой? Зачем начал баловаться вином?

В ответ Александр ничего не говорил и только махал рукой.

— Под скатертью письмо от Светланы! — сказала она, уходя спать.

Это обрадовало Александра и как бы успокоило. Еще не совсем доверяя, он бросил быстрый взгляд на мать, на скатерть и положил на стол руку. Нашупав под пальцами конверт, Александр почувствовал, как возбужденно забилося у него сердце. Ему стало приятно, что именно сейчас, в момент тяжелых душевных переживаний, здесь, под ладонью, лежит письмо от любимого человека. Он осторожно до-

стал конверт, на котором красивым почерком было написано: «Город Гурьевск, Короткая улица, дом № 7, Шашкову Александру Федотовичу». Это было письмо от Светланы, вместе с которой он сидел за одной школьной партой. Закончив техникум, она стала специалистом строительного дела и сейчас работала на одной из вновь строящихся электростанций.

Светлана писала ласково и просто. Она делилась впечатлениями о своей жизни на новом месте, о работе. С благодарностью отзывалась о жителях новостройки, встретивших ее приветливо. На ту же стройку, куда была направлена она, молодых специалистов приехало несколько человек. И каждый из них, как и она, был окружен заботой и вниманием «старожилов», приехавших сюда из разных мест страны несколько раньше.

Читая письмо, Александр подумал: «Вот читаю твое письмо и снова вижу себя, как в детстве, немного неуверенным, нерешительным и даже маленьким пессимистом».

Светлана писала: «Когда-то давно мы по-детски мечтали украсить свою жизнь подвигами... Но мы не понимали тогда, что такое подвиг. Сейчас же мы с тобой знаем, что подвиг— это труд, смелость, решимость, дерзание... И они доступны всем. И мне непонятно, почему ты пишешь, что, закончив техникум, я вышла на широкую дорогу, и теперь ты стал неравным мне лишь потому, что я специалист, а ты человек физического труда; что будто это неравенство рано или поздно приведет к нашей разлуке. Рыженький мой! Ты глубоко ошибаешься,

относительно меня во всяком случае. Каждый из нас, безусловно, сам выбирает себе работу по склонности, по призванию... А для дружбы, для любви — разный уровень образования или неодинаковое служебное положение помехой быть не могут. Мне кажется так. Может быть, я и ошибаюсь? Не знаю. Самое главное — в отношениях людей должно быть уважение, доверие, постоянная поддержка.

А тебе не приходило в голову учиться? Вот тогда ты и не стал бы писать о том, что ты неравен мне — технику...

Я хочу сказать тебе: между нами должна остаться искренняя дружба, какой она была и до сих пор. И я надеюсь, что ты будешь учиться, догонишь и даже перегонишь меня».

Конца письма Александр не дочитал. И хотя от письма веяло теплом и ласковым призывом, душа его была тревожна и мрачна.

Заложив руки в карманы брюк, он несколько раз прошелся по небольшой комнате. Затем остановился у стола и, достав с этажерки чистый лист бумаги, быстро начал писать:

— «Ты приглашаешь меня приехать... Ты пишешь: вашей стройке нужны люди моей квалификации... Но это невозможно... У вас там хорошо... Я знаю... Хорошо и потому, что там живешь ты, моя дорогая, с друзьями, которые приняли тебя с открытой душой...»

Дальше ничего не получалось. Он не знал, о чем писать, да и не мог излить того, что тревожило, что лишало покоя и сна. Александр сердито бросил на стол карандаш и снова заходил по комнате.

— А у меня есть друзья? — задал он себе

вопрос. — Да, есть — «Смазливый», «Пегий»... тетья Нюра, Елена.

Вспомнив о Елене, он мысленно сопоставил ее со Светланой.

«Как далеки друг от друга эти девушки, — подумал он. — Одна — Светлана — умная, скромная и душевная. Она нашла свое место в жизни... Другая — Елена — была постоянно в каком-то угаре».

— Эх, Светлана, Светлана! — вздохнул он. — Ты так уверенно называешь меня другом... Если бы знала, как мне дороги твои слова и как они пугают меня...

Не раздеваясь, он упал на кровать и, уткнувшись лицом в подушку, обеими руками обхватил голову.

ЧЕЛОВЕКУ НУЖНО ВЕРИТЬ

1

Как нет в мире преград для крылатой мысли, так нет силы, способной устоять перед волей коллектива.

Это и произошло с Субботиным. После совещания, состоявшегося у Астахова, его словно подменили. Отказавшись от своего высокомерного пренебрежения к товарищам, он постепенно стал сближаться с ними. Изю дня в день налаживалось сотрудничество Субботина с участковыми уполномоченными и особенно с Волгиным, к мнению которого он стал прислушиваться все больше. Несмотря на разные характеры, в одном Субботин с Волгиным были одинаковы: они были незлопамятны. Забыв о

размолвке, возникшей между ними, они теперь встречались совсем мирно.

Сближению Субботина с Волгиным послужило начало их совместной работы над проверкой тех данных, на основании которых Григорий Зубов подозревался в убийстве Воронова.

Решили начать с допроса самого Зубова, и он состоялся через несколько дней после того, как Волгин имел беседу с Ириной Самойловой.

В отдел милиции Григорий явился к назначенному времени и, ожидая в приемной вызова на допрос, нервничал.

Через несколько минут Зубов уже находился в кабинете следователя. Вначале с ним беседовал один Субботин на общие темы. Уклоняясь от прямого взгляда следователя, Зубов отвечал на его вопросы односложно. О работе в РТС рассказывал скупно, а о своих друзьях-приятелях старался не говорить вовсе.

— Когда вы последний раз были у своей жены? — спросил Андрей Гаврилович.

В первый момент Григорий оторопел от неожиданности, потом покраснел.

— К чему бы вам знать об этом? Мои свидания с женой — мое личное дело...

— Не совсем... — возразил Субботин, — и не всегда...

Оба умолкли. Нервозность допрашиваемого показалась следователю подозрительной. Он что-то записывал на листе бумаги и ждал ответа. Зубов собирался с мыслями.

— Не помню... — сухо обронил он.

— Неужели у вас ничего не сохранилось в памяти от последней встречи с женой на вокзале?

— Я не встречал ее там... — попробовал отрицать Григорий.

— Неправда, Зубов! — настаивал Субботин. Григорий еле заметно смутился. И хотя он солгал, но ясно представил себе ночной перрон и вспомнил пробудившуюся ревность.

— Да, встречал... — подумав, глухо подтвердил Зубов.

Дальнейший допрос дал возможность выяснить весьма важные обстоятельства. Под давлением улик Григорий рассказал, что он встретил Любу на вокзале не случайно. Это было продолжением слежки, которую он установил за ней в последнее время. Гнетущее чувство одиночества и разлука с семьей вызывали в нем горячее желание встретиться с женой и поговорить откровенно. Ему было известно, что Люба находилась в Светлогорске, но, не зная времени ее возвращения, он ежедневно приходил на вокзал к вечернему поезду. То же самое Григорий сделал и в тот вечер, когда Люба приехала. Дождавшись поезда, он вышел на перрон и, увидев свою жену не одну и особенно услышав, как она приглашала к себе на ночлег постороннего мужчину, изменил решение. Незаметно для Любы он ушел в тень густых кустов, скрылся. Через несколько минут, находясь уже на привокзальной площади, он наблюдал, как ее спутник вышел из вестибюля вокзала и направился с чемоданом в камеру хранения ручного багажа.

— А кто был этот мужчина? — спросил следователь.

— Я его не знаю, — неуверенно ответил Зубов.

Андрей Гаврилович бросил на него испытующий взгляд.

— Не может быть, Воронова вы должны знать.

— Какого Воронова? — небрежно спросил Зубов, все еще пытаясь показать, что этот человек ему незнаком.

— Будто и на самом деле не знаете? — улыбнулся следователь и быстро добавил: — Которого убили!.. Почему вы говорите неправду? Ведь мужчина, который был с вашей женой, вам знаком!

Зубов вздрогнул. Услышав об убийстве Сергея Воронова, он понял, что разговор принимает серьезный оборот. Тем не менее он твердо стоял на своем:

— Отроду о таком не слыхал! — категорически отказался он. Встревоженный Григорий, волнуясь, стал рассказывать о некоторых недоразумениях со своей женой, хотя об этом Субботин его еще и не спрашивал. Но в своих объяснениях сумел умолчать о том главном, что интересовало следателя...

— А куда вы ушли с вокзала? — спросил Субботин.

— К себе домой, — солгал Григорий.

— Так ли?.. А нам известно, что вы пошли в дом своей жены... Где же правда?

Зубов понял, что следователю эти обстоятельства известны, и поэтому он решил говорить откровеннее.

— Да, я сказал неправду. Воронова я знаю с тех пор, как познакомился с Любой. Я был осведомлен и о том, что Сергей когда-то ухаживал за ней. — Помолчав минуту, он про-

должал: — После того, когда я увидел их вместе на вокзале, мне пришла в голову мысль пойти к ней на квартиру и поговорить о наших семейных делах. Но пробыл я там очень недолго... — О своей встрече с женой Григорий передал приблизительно то же, что и Люба.

— Договаривайте до конца, — потребовал Субботин, когда Григорий остановил рассказ на том, как покинул ее дом.

— Мне больше нечего сказать...

— Нечестно, Зубов. А упреки? Кому вы угрожали убийством? Договаривайте и об этом.

Зубов опустил голову. Только теперь ему стало вполне ясно, чем вызван допрос, и он заговорил уже по-другому:

— Вы правы. Сначала между нами состоялся просто семейный разговор, затем я упрекал жену в неверности и в конце концов наговорил ей всякой чепухи. Я поступил нехорошо. Но... — Григорий поднял голову и тревожно посмотрел на Субботина. — Но я никому не угрожал... Это вымысел и ложь...

— В котором часу вы ушли от жены? — спросил следователь.

— Точно сказать не могу, но приблизительно это было после двенадцати ночи...

Следователь сопоставил время ухода Григория от жены со временем появления на 3-й Заречной улице такси, о котором сообщил старик Чугунов.

«Удивительное совпадение», — подумал он и, усмотрев в этом некую связь, поинтересовался:

— А кто в тот вечер подъезжал к дому вашей жены на такси?

Пожав плечами, Григорий сказал, что об этом ничего не знает.

— Я только помню, — сообщил он, — что после ссоры с женой я выбежал из ее квартиры. В это же время мимо ворот, где я стоял, проехала какая-то легковая машина. Фары были притушены... Но номера машины я не разглядел.

В комнату вошел Волгин. Он поинтересовался причинами, послужившими разрыву Григория с женой.

Зубов настороженно обдумывал каждый свой ответ. Несмотря на осторожность Зубова, Волгину и Субботину удалось узнать, когда и почему от него ушла Люба и какова причина этого.

— Значит, водочка... дружки помогли? — укорил его Виктор Петрович.

— Да! — сказал Григорий, махнув рукой.

— А много ли у вас таких беспутных дружков?

О своих связях Зубов рассказывал нехотя. Вначале он назвал несколько человек своих давних приятелей, а затем упомянул и о новых, с которыми познакомился совсем недавно.

— 'Произошло' это в городской пивной, — продолжал он. — Зайдя как-то туда, я подсел к незнакомым людям. Соседи по столу оказались весьма гостеприимными. Заказав пива, они вытащили из карманов «четверки» и предложили мне примкнуть к их компании. Затем мы разговорились.

— При каких обстоятельствах состоялась ваша вторая встреча? — на всякий случай

спросил Волгин, хотя об этом ничего не знал.

— Да тоже случайно... В пивной... — неохотно ответил Зубов.

Его попросили все изложить по порядку. Эта встреча, как рассказал он, состоялась несколько дней спустя.

— Пили мы, сколько примет душа, и потеряли счет времени и выпитому.

То, что происходило потом, Зубов помнил смутно... Попойка закончилась под утро в его квартире, куда после пивной вместе с ним пришли и его два новых друга.

— Где мы были еще, с кем — не знаю, я очень опьянел. Когда и как эти люди ушли от меня, тоже не могу припомнить. Но с тех пор я ни разу с ними больше не встречался.

Если следователям удалось со слов Григория кое-что понять об обстоятельствах этого случайного знакомства, то совершенно не представлялось возможным узнать, кто такие эти новые знакомые. Не то вправду по пьяной забывчивости, не то умышленно Григорий не назвал ни их фамилий, ни местожительства. Несмотря на скудность добытых сведений, Волгину показалось какое-то сходство между

знакомцами Зубова и людьми, поехавшими на машине с Сергеем Вороновым, о которых рассказывала официантка Ирина Самойлова. Это сходство Волгин находил, главным образом, в описании их внешних черт, хотя окончательно в этом не был убежден. Заинтересовавшись, он попробовал еще выяснить и другие приметы новых друзей Зубова.

— В чем они были одеты? — спросил он.

Григорий ответил немногословно и по существу ничего нового не добавил:

— Меньшой, кажется, был в фуфайке, — сказал он. — В чем был одет второй, не приметил.

Волгин открыл железный сундук, достал из него объемистый сверток, упакованный в газеты, и развернул его на столе.

— Не эта ли одежда была на вашем знакомом? — показал он Зубову фуфайку, найденную на месте происшествия около моста. — Ее подобрали там, где был обнаружен убитый человек!

Григорий, поднявшись со стула, подошел к столу и взял в руки предъявленную ему вещь. Медленно и внимательно рассмотрев ее со всех сторон, он молча отошел назад и сел на свое место.

— Я... не... — растерянно пробормотал Зубов. В горле у него пересохло, лоб стал влажный, машинально он вытер его шапкой. Виктор Петрович с любопытством наблюдал за ним. И, убедившись в том, что волнение Зубова не прекращалось, заботливо сказал:

— Не волнуйтесь! Успокойтесь. Давайте перекурим... — И поднес ему портсигар. Не под-

нимая глаз, Григорий протянул руку за папирсой, прикурил ее и, сделав несколько глубоких затяжек, глухо обронил:

— Это моя фуфайка...

Неожиданное признание Зубова обрадовало молчавшего до этого Субботина. По его лицу скользнула довольная улыбка. «Кажется, я все-таки был прав!». Волгин сосредоточенно думал свое: «Вот до чего доводит пьянство!»

Лицо Зубова стало бледным. Папироса дрожала в руке. Он понял, что в данный момент все говорило против него. Ссылаясь на свидетелей, он горячо доказывал, что никого не убивал и не может себе представить, как могла фуфайка попасть на место убийства.

— Никого я не убивал! Поверьте... — со страхом и тоской вновь вырвалось у него под конец.

2

Результаты допроса Волгин и Субботин доложили майору Астахову. И сейчас, как несколько дней назад во время оперативного совещания, хотя и не в такой резкой форме, столкнулись две противоположные точки зрения о виновности Зубова.

— Мои предположения об участии Зубова в убийстве Воронова подтверждаются, — улыбнулся Субботин.

Степан Ильич немного подумал и заметил:

— Я готов поддержать вас, Андрей Гаврилович, конечно, если все будет обосновано и подтверждено.

— На мой взгляд, товарищ майор, — продолжал Субботин, — если несколько дней тому назад я собрал против Зубова недостаточно доказательств, то сегодня к ним прибавились такие факты, которые уже позволяют сделать определенные выводы...

Следователь начал подсчитывать улики против Зубова и горячо доказывать:

— Во-первых, Зубов выследил встречу своей жены с Вороновым на вокзале. Во-вторых, он подслушал их разговор и, видимо, сделал из него свои выводы. О чем все это говорит? Разве неясно, что у Григория вспыхнула ревность? А раз так, значит, с недобрыми целями он отправился к жене, с которой целый год не встречался. Нет, что ни говорите, а все же такое стечение обстоятельств случайным признать нельзя. Дальше: в квартире жены Зубов устроил скандал? Устроил! Угрожал? Угрожал! А разве подобное совпадение можно считать случайным? Безусловно, нет! Наконец, фуфайка. Теперь вопрос о ней ясен. Это не просто догадки. Сам Зубов признал, что она принадлежит ему. И то, что ее обнаружили на месте происшествия, говорит о многом.

— А я все еще не верю в виновность Зубова, — перебил Волгин. — Только на основании того, что Зубов поскандалил с женой и фуфайка принадлежит ему — нельзя утверждать, что он совершил преступление.

— Тогда, скажите, каким же образом фуфайка Зубова могла оказаться около убитого?

— Это нам пока неизвестно. Но такое могло произойти по многим причинам. Возможно,

его фуфайку использовали преступники. Неужели, Андрей Гаврилович, вы не обратили внимание на весь склад мышления Зубова, на его открытое, добродушное лицо?

— Но одних этих признаков недостаточно для того, чтобы верить в невинность Зубова. Согласитесь, Виктор Петрович! Необязательно, чтобы преступник выглядел непременно злодеем. Он может надеть любую маску, чтобы спасти свою шкуру...

— Я не все сказал, — оговорился Волгин. — Нам, прежде чем делать окончательный вывод, надо проверить многое. Мы не установили автомашину, подъезжавшую к вокзалу ночью. Нам неизвестны владельцы этой машины и их связь с Зубовым. Согласитесь, Андрей Гаврилович, обвинять его в убийстве Воронова при отсутствии более полных и точных данных было бы крайне поверхностным. И еще одна существенная деталь, которую вы не учитываете. Когда Григорий пришел к жене? Около двенадцати ночи! А в котором часу Сергей уехал с вокзала? Тоже в это время! Вот отсюда и делайте вывод. Надеюсь, вы поняли меня? Помоему, Зубов оказался подставной фигурой в руках действительных преступников. А впрочем, время покажет...

— Вот именно... — сказал Степан Ильич. — Не спешите, друзья, все проверьте, хорошенько проверьте! Внимательно прислушайтесь и к самозащите Зубова. Никуда он от вас не уйдет, а уйдет — найдем хоть на краю света, как бы это ни было сложно... — И, обратившись к Волгину, добавил: — Не забудьте посмотреть за его дальнейшим поведением.

Пока Волгин и Субботин находились у Астахова, Зубов, волнуясь, ходил по приемной. Подойдя к окну и прислонившись горячим лбом к холодному стеклу, он тревожно и мучительно думал о случившемся, перебирая в памяти все свои поступки. Он задумался так, что даже не слышал, как сзади к нему подошел Волгин.

— Зубов! — окликнул его Виктор Петрович.

Григорий, вздрогнув, быстро повернулся и испуганным взглядом как бы спросил: «В какую дверь идти? На выходили?..» Он ждал решения, почти не сомневаясь в роковом для себя исходе...

— Вот, возьмите! — Волгин протянул ему паспорт. Григорий неуверенно взял его и растерянно посмотрел на оперативного уполномоченного: «Неужели поверили?»

— Идите! — кивком головы указал Виктор Петрович на лестницу. — Мы еще, возможно, встретимся и поговорим дополнительно.

Тяжелой походкой Зубов вышел на улицу и вытер вспотевший лоб.

НИКЕЛИРОВАННЫЙ ПОРТСИГАР

1

Расследование шло по намеченному плану. В одну из ночей Волгин и Субботин отправились на Угольную улицу, где размещался Гурь-

евский таксомоторный парк. Они хотели осмотреть легковые такси до начала выхода их на линию.

Захватив с собой понятого, они прошли большим двором, обнесенным тесовым забором, подошли к длинному серому одноэтажному зданию, открыли дверь и увидели шесть стоявших автомашин «победа».

С низкого потолка тускло светила электрическая лампочка. Пахло машинным маслом и бензином.

Для вахтера гаража Завьяловой, спокойно читавшей книжку, приход посторонних был неожиданным.

— Ой! — как-то странно вскрикнула она, увидев у порога неизвестных ей мужчин, одетых в гражданские пальто.

Оперативный уполномоченный отрекомендовался:

— Волгин, — и предъявил свое удостоверение личности. — Пришли взглянуть на ваше помещение. Нас интересует, как тут у вас на счет противопожарных мероприятий. — Он подошел к висевшему на стене огнетушителю, деловито осмотрел его со всех сторон.

К его словам Завьялова отнеслась с недоверием.

— Знать, дня вам мало... Проверяли бы поутру. Начальство придет на работу, у него и спрашивайте. А с вахтера какой спрос? Я не могу позволить вам проводить проверку беззаведующего. Мне запрещено инструкцией пускать в гараж посторонних лиц, да еще среди ночи...

Волгину понравился ответ Завьяловой.

— Правильно, Ольга Кузьминична. Но мы вам нисколько не помешаем.

— А меня-то вы откуда знаете? — спросила она.

— Мы все знаем! — пошутил Волгин.

— Как бы не так... — заметила острая на язык Завьялова, но уже совсем другим, примирительным тоном. — Знаете, только далеко не все! Вот, говорят, недавно человека какого-то убили, а кто это сделал и не знаете, — проворчала она.

Раньше Волгину не приходилось встречаться с Завьяловой, но он слышал о ней как об активной общественнице, не терпящей беспорядков. Осторожно и немногословно Волгин сказал ей о цели прихода в гараж.

— Теперь вы поняли, что нам нужно? — заключил он. — И вы нам...

Не дослушав Волгина до конца, Завьялова быстро заговорила:

— Что вы, что вы! Вроде у нас все ребята, как на подбор. Не могу поверить, чтобы среди них были способные на преступление...

Завязалась беседа. Волгин расспрашивал о машинах, о водителях, о порядке работы гаража. Его особенно заинтересовало одно показавшееся подозрительным обстоятельство. Несмотря на то, что обычно такси работали до двадцати двух часов, бывали случаи, когда кое-кто из водителей возвращался с линии и позднее. Происходило это главным образом тогда, когда рейсы совершались куда-нибудь далеко за городскую черту.

— Не припомните ли вы, какая из машин за

последнее время возвращалась в гараж после урочных часов? — спросил Волгин.

— Вон та, крайняя... — Завьялова показала рукой на «победу», стоявшую почти у самой стенки гаража.

— Вы хорошо помните? Не ошибаетесь? — переспросил Виктор Петрович.

— За десять лет работы в гараже все повадки наших шоферов я изучила. По свежей обмывке догадалась! Пришла на смену что-нибудь около половины четвертого ночи, гляжу, все машины вымытые и сухие, а с этой вода еще капает...

— А шофер кто на ней?

— Шашков Сашка... А просто «Рыжиком» зовут. Он у нас веснушчатый такой...

— «Рыжик»? — обрадованно вырвалось у Волгина, но он тут же взял себя в руки и вопросительно посмотрел на Субботина. Следователь понял, о чем подумал товарищ, но ничего не сказал. В его памяти тоже возникли строчки из письма неизвестного автора о таинственном домике на Полянской, посещаемом «Смазливый», «Пегим» и «Рыжим».

Волгин и Субботин подошли к «победе», о которой говорила Завьялова, и решили осмотреть ее.

Открыв дверку, что справа от рулевого управления, они вытаскивали различные мелкие вещи, вроде обтирочных концов, кусков тонкой медной проволоки, гаек и прочего. Субботин просматривал все самым тщательным образом. Вдруг в его руках заблестел никелированный портсигар. Внимательно рассмотрев его со

всех сторон, следовательно заметил грубо нацарапанную монограмму.

— Смотри! — дернул он Волгина за рукав и передал ему находку. На верхней крышке портсигара в правом углу внутренней стороны были небрежно вырезаны чем-то острым две буквы «С. В.».

— Сергей Воронов! — прошептал Волгин и поднял глаза на следователя. — Неужели? — Субботин молча кивнул головой.

Завьялова, хотя любопытство и донимало ее, в разговор следователей не вмешивалась. До самого конца их работы она не проронила ни слова. И только после того, как поставила свою подпись рядом с подписью другого понятого под протоколом осмотра машины, горестно вздохнула:

— Ах, господи! Не знала, не гадала! И кто бы только мог подумать? Теперь мне все понятно...

Волгин предупреждающе поднял руку.

— Подождите, Ольга Кузьминична, не спешите. Пока ничего ясного еще нет.

2

Был выходной день. Субботин в отдел пришел не к девяти часам утра, как он делал в обычные дни, а к двенадцати. Вторая половина дня у него с Волгиным была рассчитана до минуты. Субботину нужно было поработать в отделе, а Волгину предстояло побывать в нескольких местах.

Ожидая вызванных для допроса людей, Ан-

дрей Гаврилович увидел через окно, как к порогу здания неуверенным шагом подошел веснушчатый парень в черном коротком пиджаке, темно-синей кепке и высоких сапогах с галошами. Подойдя ближе к входной двери, парень несколько раз настороженно оглянулся по сторонам, всматриваясь в каждого прохожего. Это был Александр Шашков — шофер автомашины «победа».

Андрей Гаврилович незаметно, но очень внимательно следил за каждым словом и движением собеседника, стараясь уловить в нем беспокойство, тревогу, настороженность. Но Шашков казался совершенно спокойным. На вопросы следователя отвечал четко, не показывая ни малейших признаков нервозности. Его как будто и не интересовало, для какой цели он приглашен в отдел милиции.

Наконец Андрей Гаврилович перешел к выяснению главного вопроса. Он вынул из стола портсигар и положил его перед Шашковым.

— Эта вещь, — сказал он, — найдена в вашей машине при ее осмотре. Кому она принадлежит?

— Если можно, разрешите взглянуть, — смело полюбопытствовал Шашков. И, раскрыв крышку портсигара, улыбаясь, пожал плечами. — А я-то его ищу! Чудеса! И невдомек, что он в милиции!

— Это ваш портсигар? — удивился Андрей Гаврилович.

— Да, — невозмутимо ответил шофер.

— И монограмму сами выцарапали?

— Да, и это моя работа. От нечего делать...

— А чьи инициалы, не секрет?

— Нет, какой же секрет. Дивчина у меня одна есть... — и Шашков рассказал, где и кем работает Светлана.

— Она и портсигар мне подарила год тому назад в день моего рождения.

Александр хотел еще что-то сказать, но, захлопнув крышку портсигара, положил его на стол.

Тайна двух букв «С. В.», беспокоившая Волгина и Субботина в течение двух дней, была раскрыта. По утверждению Шашкова, это были инициалы его девушки Светланы Васильевой.

Закончив разговор о портсигаре, Андрей Гаврилович задал шоферу вопрос о времени его работы на закрепленной автомашине в тот вечер, когда был убит Сергей Воронов. Шашков заметно насторожился. Если на предыдущие вопросы он отвечал уверенно и даже временами улыбался, то сейчас его глаза испуганно забегали. Говорил он быстро, отрывисто.

— Я не помню за последнее время такого случая, когда бы мне приходилось работать на линии позднее десяти часов вечера.

Слушая объяснение шофера, Субботин старался понять: где правда, а где ложь? У него не было оснований не доверять свидетельству Завьяловой о том, что машина Шашкова в ночь убийства Воронова вернулась в гараж почти под утро, но вместе с тем возникло сомнение: «Может, его машину использовал кто-нибудь другой?»

Положив перед Шашковым путевой лист, он спросил:

— Нам известно, что ваша машина возвра-

тилась в гараж около трех часов ночи, а вот здесь значится в двадцать два часа. Как это понимать, разъясните?

Шашков подумал и медленно, будто подбирая слова, сказал:

— Извиняюсь, совсем запамятовал. Действительно, такой случай имел место. Брат у меня заболел, в деревне Рубцовке проживает. Мать просила навеститься к нему. Так вот, закончив работу в десять вечера, я и подался к нему...

— Почему же этот рейс и время возвращения из него не отмечены в путевом листе? — Следователь пристально посмотрел на Шашкова.

— За пробег машины нужно платить... А денег получаю немного... Ну, сами догадывайтесь... — смущенно, заикаясь, ответил он.

— А разве счетчик не работает?

Шашков не отступал от своих показаний.

— Работает, но я умышленно отметил в путевом листе неправильное время своего возвращения в гараж, надеясь, что этого никто не заметит и не узнает.

В заключение Андрей Гаврилович поинтересовался:

— Не слышно ли среди шоферов каких-либо разговоров об убийстве человека, которого нашли около Березовского моста?

Шашков насупился, опустил глаза, но тут же поднял голову и прямо посмотрел Субботину в лицо.

— Нет, ничего не слышал. У нас в гараже на этот счет не было никаких разговоров.

Следователь понимал, что принять на веру

заявление Шашкова трудно, но и позднее возвращение машины в гараж еще не означало участия Шашкова в убийстве Воронова. Не успокаивало Субботина и признание Шашковым портсигара.

Примерно через час после ухода Шашкова дежурный отдела милиции позвонил Субботину и сообщил, что его ожидает внизу приехавшая по вызову Воронова, мать убитого Сергея.

Варвара Павловна не спеша вертела в руках блестящую вещь, внимательно всматриваясь то в рельефную выпуклость крышки, изображавшую двух борзых собак, то в выцарапанные на ее оборотной стороне две буквы «С. В.».

Андрей Гаврилович смотрел на свою собеседницу и, волнуясь, с нетерпением ждал тех слов, которые внесут ясность, помогут повести дальнейшее расследование в нужном направлении. Он ждал, что она назовет имя настоящего владельца портсигара и тем самым поможет открыть еще одну страницу на пути установления истины.

— Нет. Не знаю... — сказала Варвара Павловна и положила портсигар на стол. — Не курил Сергей. Года три не видела, чтобы табак у него водился.

Свидетельство Вороновой окончательно спутало все карты следователя. Портсигар, на который он возлагал большие надежды, не помог найти нужную нить, за которую можно было бы ухватиться.

Чтобы окончательно убедиться в правдоподобности показаний Шашкова, Субботину недоставало еще одного очень существенного подтверждения.

Проводив Варвару Павловну домой на дежурной автомашине, он немедленно отправился в дом Васильевых, который находился на расстоянии трех кварталов от городского отдела милиции. Там ему подтвердили, что Светлана действительно год тому назад подарила Шашкову в день рождения металлический портсигар. И когда Андрей Гаврилович показал его — они в один голос заявили, что это тот самый подарок.

«Вот теперь, кажется, мои предположения о ценности найденного доказательства разлетелись окончательно в пух и прах», — недовольно подумал Субботин, возвращаясь обратно к себе на работу.

Следователь был прав. Портсигар, найденный в машине Шашкова, теперь не представлял для расследования никакой ценности.

Однако Андрей Гаврилович не потерял интереса к личности Шашкова. Необходимо было еще выяснить обстоятельства поездки Шашкова в деревню Рубцовку к больному брату.

АСТАХОВ ПОСЕЩАЕТ ЗУБОВЫХ

1

Часы пробили восемь вечера. Медный самовар, начищенный до блеска, напевал свою несложную песенку. Возвратившаяся с работы Люба Зубова накрыла стол к ужину, а Полина Ивановна все еще занималась стряпней. Маленькая Ларочка, дочь Любы, сидя на полу,

перебирала в большой картонной коробке разноцветные лоскутки, старательно примеривая их к большой кукле. Раздавшийся в прихожей звонок нарушил тишину. Люба поспешно вышла в коридор, открыла дверь и всплеснула руками.

— Ой, кого я вижу! Какими судьбами? — воскликнула она, еще не веря глазам и не скрывая удивления.

На площадке лестничной клетки в темносиней форменной шинели перед ней стоял Степан Ильич Астахов. Ей и в голову не приходило, что он может посетить ее квартиру.

— Добрый вечер! — улыбнулся майор.

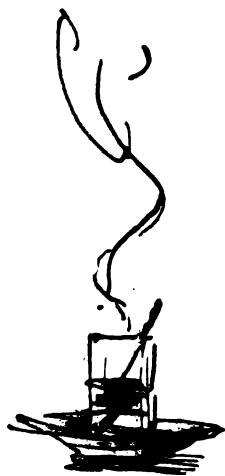
Зубова встретила начальника милиции приветливо, но сердце почему-то тревожно замерло от ожидания беды... «Зачем он пришел? Что ему надо? Что еще случилось?» — подумала она, протягивая руку.

— Через порог не здороваются, говорят, счастья не будет, — пошутил Астахов и, войдя в прихожую, приветствовал хозяйку крепким рукопожатием.

Пропустив Астахова вперед, Люба закрыла за ним входную дверь. Степан Ильич заметил волнение женщины и, чтобы успокоить ее, поспешил напомнить об их прежнем уговоре:

— Ну вот, видите, ваше желание сбылось! Вы приглашали — я выполнил обещанное и пришел...

Пока Астахов раздевался в

прихожей и приводил в порядок прическу, Люба успела предупредить мать о его приходе.

Именно в это время произошло маленькое и совсем незначительное событие. Со стороны кухни показалась высокая, худощавая женщина, одетая в длинный цветной халат. Степан Ильич раньше никогда не встречал ее, но почему-то инстинктивно определил в ней Высоцкую, известную ему по рассказам. Это как раз и была она.

Вера Андреевна, поразнявшись с Астаховым, лукаво улыбнулась.

— К Любочке, товарищ Астахов? — многозначительно посмотрела она на него.

— Да, к Любове Даниловне Зубовой, — сдержанно ответил он. Из комнаты быстро вышла Люба. Высоцкая, сердито махнув полами халата, с усмешкой пошла прочь.

— Проходите, товарищ майор, — пригласила Люба.

— Благодарю вас, — ответил Астахов и прошел вслед за Любой в комнату.

Стол был готов к вечернему чаю. Едва Степан Ильич успел переступить порог и поздороваться с Полиной Ивановной, как она тут же проявила свое гостеприимство.

— Пожалуйста, прошу к столу, чем богаты, тем и рады, — пригласила она. Астахов тщетно пытался отказаться, Полина Ивановна оказалась неумолимой. Чтобы не обидеть хозяек, он присел за стол.

Через несколько минут Степан Ильич и Полина Ивановна уже беседовали, как давние знакомые. Он расспрашивал, она рассказывала то об одном, то о другом. Временами в их разговор вмешивалась и Люба. Одним словом, никто принужденно себя не чувствовал.

Прошло немало времени, а Астахов все еще не находил удачного предлога, чтобы начать тот разговор, ради которого пришел. Но вскоре предлог представился. С интересом рассматривая уютную комнату и ее скромное убранство, Степан Ильич одним неосторожным движением отвалил вертикальную планку стула. Гость и Люба смутились.

— Виноват... — и Астахов принялся вставлять планку на место.

Люба покраснела.

— Мужчин-то у нас нет, выходит, и отремонтировать некому... — поспешила оправдаться она.

Степан Ильич, используя этот случай, спросил:

— А Григорий как? Все еще не вернулся домой?

— Нет... Видно, судьба моя такая, чтобы жить в одиночестве, — вяло ответила Люба.

Для Полины Ивановны было достаточно этих слов, чтобы тоже вступить в разговор.

— Как видите! Вот так всегда! Судьба, судьба! — обращаясь к Астахову, сердито передразнила она дочь. — Нечто нанялась, одна да одна. И сколько раз втолковывала ей: сходи куда надо, расскажи все свое горе, спроси, посоветуйся... Ведь есть же, наверно, какая-нибудь сила, которая могла бы Григория на ноги поставить?

— И что ты говоришь, мама, — безнадежно махнула рукой Люба. — Ну, какая сила найдется против водки! Разве только поместить Гришу в больницу и лечить...

Астахов вопросительно посмотрел на собеседницу.

— Неужели вы полагаете, что пьяницу можно лечить только медикаментами?

— Мне кажется, это последний способ. Все другое, что было возможно с моей стороны, я предпринимала.

— Но не забывайте, что в таком деле одна вы — не все. Для спасения человека от пьянства есть сила более могучая, чем вы, — это воля людей, воля коллектива!

— Ах, перестаньте! Был бы Гриша порядочным человеком, он давно бы образумился сам.

— А с чего у вас начались неполадки в семье? — спросил Степан Ильич. Такой вопрос он задал не ради простого любопытства.

Это как раз и было то, что он намеревался выяснить. Правда, после того как Люба побывала у него в отделе милиции, он уже кое-что знал о Григории. Но скудные сведения о нем не давали возможности представить себе более полную картину образа жизни этого опустившегося человека, не позволяли правильно определить, что можно предпринять к нему в дальнейшем, в случае, если его виновность в убийстве Воронова не будет доказана.

Люба задумчиво смотрела на стакан с недопитым чаем, медленно передвигая его с места на место.

— Вы спрашиваете, с чего у нас начались семейные скандалы? — она подняла голову и посмотрела на Астахова. — Григорий постепенно стал отбиваться от рук. Началось, можно сказать, с мелочей. Первый раз он где-то «обмывал» свою зарплату и привезли его домой еле живым. Проснувшись, он клялся мне, что водку больше не будет брать и в рот. Но слово не сдержал. Через несколько дней повторилась все та же история. Нашлась у него и на сей раз причина — ради знакомства с новыми друзьями. Потом это стало учащаться. Я просила его, уговаривала: брось дурное, не балуй, делаешь недоброе. Но он не слушал. Еще позднее его собутыльники запросто и без стеснения начали приходить к нам и распивать с ним водку в нашей квартире. Спустя два месяца, он уже приходил домой пьяным почти каждую ночь... А вскоре... — Люба горько усмехнулась. — Вскоре я оставила Григория... Вот так было начало, вот так наступил и конец... — Люба не поднимала глаз. И хотя

Степан Ильич не видел их, чувствовал, что они были полны слез.

— А как Григорий ведет себя на работе?

Немного помолчав, Люба продолжала рассказ, из которого Степан Ильич узнал, что в РТС ее мужа ценят за трудолюбие и за деловые способности.

— Но мне почему-то хочется верить, что Григорий еще будет с вами, — высказал предположение Астахов. — Сердцем чую — вернется.

В голосе Любы по-прежнему зазвучала безнадежность:

— Нет, Степан Ильич, мне думается, из него ничего путного не выйдет. Не вернется он к семье. К такому выводу я пришла после недавнего разговора с ним в нашей квартире. До этого еще немного надеялась...

— Кстати, что у вас произошло с Григорием при этой последней встрече?

— Ничего особого. Он пришел пьяный, и мы с ним снова поссорились. Я вам уже рассказывала об этом.

— Рассказывали, но не все. Вы упустили одну очень важную деталь. Кому он угрожал убийством?

Люба вопросительно посмотрела на Астахова.

— Угрожал убийством? — удивленно переспросила она. — С чего вы это взяли? Между нами произошел обыкновенный спор. Григорий видел нас с Вороновым на вокзале и просто, упрекая меня, незаслуженно оскорбил.

— И только?

— Да, и только! Григорий заподозрил меня в неблагоприятных делах.

— А разве он не говорил, что отомстит Воронову за вашу встречу с ним?

— Помилуйте, Степан Ильич! Григорий, действительно, в тот вечер был очень зол, полагая, что у меня с Вороновым установились какие-то близкие отношения. Но он никому не угрожал, а только сказал: «Со мной жить не будешь и с ним счастья не увидишь».

Астахов сопоставил это с показаниями Высоцкой. «Ничего общего», — подумал он и еще раз убедился, что Субботин, взяв эти показания за основу, ошибся в своих выводах о причастности Зубова к убийству Воронова.

Люба с тревогой смотрела на Астахова.

— Я прошу вас, Степан Ильич, не думайте о Григории плохо. Мне не верится, что он способен на преступление.

— Успокойтесь, Любовь Даниловна, я совершенно далек от такой мысли. Просто к слову пришлось. Ведь у меня профессия такая — любознательность! — засмеялся Астахов.

— Я знаю, Григорий — опустившийся человек, — продолжала Люба, — плохой семьянин, плохой отец, плохой муж... Но...

— А я нахожу, Любовь Даниловна, плохих людей быть не должно, — перебил ее Астахов. — Видимо, мы с вами оказались очень слабыми, раз не сумели Григория вовремя в руки взять да на ноги поставить!

Новые сведения о Зубове давали возможность Астахову быстрее подойти к осуществлению замысла, который он вынашивал рань-

ше. Теперь, когда многое было выяснено, Степан Ильич намеревался со всей решительностью вмешаться в его незадачливую жизнь. Ему хотелось сделать все возможное, чтобы Григорий и его семья стали по-прежнему счастливыми, жизнерадостными.

Простившись с хозяйками, Астахов вышел в прихожую. В тот же миг открылась дверь соседней комнаты и перед ним снова появилась Высоцкая. Казалось, она нарочно подкарауливала его. С кастрюлей в руках, странно улыбаясь, Вера Андреевна прошаркала ночными туфлями по полу и скрылась в кухне...

2

Случайная, на первый взгляд, безобидная встреча Астахова с Высоцкой не прошла бесследно.

Однажды Степан Ильич возвратился домой со службы поздним вечером и застал жену не такой, как обычно. Утром, уходя на работу, он расстался с ней дружески и ласково, а она встретила его отчужденно. Перемену настроения жены он почувствовал еще за несколько минут до выхода из отдела милиции. Позвонив, как всегда, по телефону домой и услышав голос жены, он сразу уловил в нем нежелательную нотку, но не придал этому значения. И только придя домой, понял, что произошла какая-то неприятность.

Надежда Леонидовна, не глядя на него, подала ужин.

— Что случилось? — спросил Астахов. — Ты не заболела?

Она тихонько всхлипнула, пожала плечами и отвернулась. Оставив ужин нетронутым, взволнованный Степан Ильич подошел к жене

— Надюша, скажи, в чем дело? Что произошло? Я ничего не понимаю.

Надежда Леонидовна вытерла носовым платком влажные глаза и, сдерживая волнение, сказала с дрожью в голосе:

— Степан! Я всегда так надеялась на твою порядочность. Верила тебе... Мне казалось, что в нашей с тобой жизни нет и никогда не будет места обману, измене... — И снова заплакала.

Степан Ильич заволновался больше прежнего. Он любил жену, дорожил их дружескими отношениями, знал ее выдержанный характер, проверенный долгими годами совместной жизни.

— Ради бога, не тяни... Какой обман? Какая измена? Чья? Кому? О чем ты говоришь?

Надежда Леонидовна подошла к серванту, взяла лежавший на нем конверт и подала его мужу. Он вынул из него небольшую записку, небрежно написанную на клочке бумаги, и быстро пробежал глазами по строкам: — «Уважаемая Надежда Леонидовна, — сообщалось в ней, — считаю своим долгом оказать вам дружескую услугу. Вы слепо верите мужу, а он растоптал ваши чувства и изменяет вам... Я в этом убедился. Используя свое служебное положение, он связался с женщиной, муж которой состоит под следствием за убийство, и проводит с ней весело время в ее квартире. Ваш друг».

Записка, разумеется, была без подписи. Астахов гневно швырнул ее на стол и негодуя заговорил:

— Какая наглость! Кому это нужно? Зачем? — старался он разгадать автора бессостыжной клеветы. В его памяти замелькали лица, порядочность которых не внушала доверия. Степан Ильич снова взял записку, еще раз прочел ее и остановил свое внимание на словах: «Я в этом убедился».

— Значит, пишет мужчина, — подумал он, но вдруг вспомнил свою встречу с Высоцкой. Будто наяву он видел перед собой ее назойливое лицо, двусмысленный взгляд, кривую усмешку, несдержанное любопытство.

— Вот что, Надюша, — Степан Ильич подошел к жене, положил ей на плечи руку и прямо заглянул в глаза: — Мы знаем друг друга давно. Никогда я тебе не лгал, никогда не давал повода подозревать себя. Мы вырастили с тобой детей, прошли большую дорогу жизни, так неужели сейчас, когда наша молодость осталась позади, могло случиться то позорное, о чем тебе сообщили?

Надежда Леонидовна прильнула к груди мужа. Степан Ильич прижал ее к себе и, приглаживая мягкие волосы, рассказал о Любе, о Григории, о своем стремлении помочь этим людям, у которых так неудачно сложилась жизнь.

— Мне очень жаль их, — не поднимая головы, виновато проговорила Надежда Леонидовна.

— А вот это, — Астахов с пренебрежением, кивком головы показал на записку, — самая отвратительная, подлая клевета.

— Извини меня, Степа. Я не знала... — тихо проговорила Надежда Леонидовна и, подняв голову, ласково улыбнулась. В ее глазах блеснули слезы, но это были слезы не печали, а радости.

ЗУБОВ ЗАДУМЫВАЕТСЯ НАД СВОЕЙ СУДЬБОЙ

1

Несмотря на неотложные служебные дела, Астахов не забыл заняться Зубовым. Активно участвуя в расследовании убийства Воронова, он не только собирал сведения о Григории, но и доказательства его непричастности к делу.

Он узнал, что на допросе Зубов не солгал, в ту ночь, когда было совершено преступление, он из Гурьевска никуда не отлучался, а после ухода из квартиры своей жены ни с кем не встречался и всю ночь провел в своей комнате.

Невыясненным оставалось лишь одно обстоятельство: каким образом на месте убийства оказалась его фуфайка.

Возникало несколько предположений, но самым близким к истине было то, что эту фуфайку у Зубова могли взять его новые друзья в тот вечер, когда они были у него на квартире и вместе с ним распивали водку.

После беседы, состоявшейся в городском отделе милиции, Зубов взволновался не на шутку, потерял покой и заболел. Мысль о том, что он заподозрен в убийстве Воронова, повергла его в ужас. В течение двух дней он никуда не выходил из своей комнаты, мучитель-

но страдая от стыда и опасаясь за свое будущее.

На третий день его болезни в его комнату, постучав, вошел незнакомый человек.

Зубов лежал на кровати в одежде и сапогах. Вокруг валялись папиросные окурки, пепел и обгоревшие спички.

— Здравствуйте! — раздался громкий голос у порога.

Григорий встретил вошедшего неприветливо:

— Здравствуйте... — сухо ответил он, безразлично уставившись на незнакомца.

— Я майор Астахов.

Григория бросило в жар.

— Что вам нужно от меня?

Астахов слегка улыбнулся. Не дожидаясь приглашения, он придвинул ближе к столу табуретку и сел.

— Мне надо поговорить с вами, Григорий Васильевич.

Зубов давно не слышал, когда бы его в домашней обстановке называли по отчеству. За последний год он привык слышать от собутыльников только свое имя и то часто в грубой непочтительной форме. А сейчас такое обращение удивило и насторожило его. «Зачем он пришел? Что ему еще нужно от меня?»

— Все, что интересовало следователей, я рассказал. Мне не о чем больше говорить, — грубо бросил он.

Степан Ильич добродушно посмотрел на него и вместе с табуреткой придвинулся ближе к кровати.

— Я не о том... Про дочку твою рассказать хочу, ведь ты же ее любишь?

Зубов недоверчиво посмотрел на Астахова.

— С ней что-нибудь случилось?

— Нет, все в порядке.

— Так в чем же дело? — нетерпеливо вырвалось у Григория.

— Не волнуйся. Был я у нее, привет просила передать.

Трудно начиналась беседа с Григорием, не желавшим вначале отвечать на вопросы Астахова. Но вскоре он стал более разговорчивым и даже откровенным, поняв, что неожиданный гость пришел к нему с добрыми намерениями. Весь вечер Степан Ильич внушал Зубову, чем для него может закончиться его пьянство и к чему приведет разрыв с женой, которая до сих пор тяжело переживает ссору.

— Да, о Любе и я вспоминаю очень часто, — печально сказал Григорий, — а Лариска постоянно стоит перед глазами...

Степан Ильич понял: разлука с семьей тяготит его.

— А ты возьми себя в руки, простись с собутыльниками навсегда.

— Иной раз идти с друзьями в пивную и не хочется, если поверите, самому противно, — после долгого раздумья ответил Григорий, медленно растягивая слова. — А вот навсегда отойти от них воли не хватает. Знаю, что не дело делаю, порой перед самим собой стыдно становится: сколько раз себе слово давал. Но, к сожалению, ни разу сдержать его не смог.

Григорий вздохнул и умолк. Астахов с сожалением посмотрел на него.

— А как у тебя на работе?

— На производстве меня никто не видел

пьяным. Да, пожалуй, и не увидят. Порядок на работе знаю...

— Выходит, ты человек в маске, — засмеялся Астахов, — маска белая, а под ней чернота. Человек всюду должен быть одинаковым — и на работе и дома. Какую бы ты маску ни надел, а наступит время — и откроется твое подлинное лицо...

Минуту в комнате стояла тишина, собеседники закурили.

— Кстати, ты помнишь своего отца? — прервав молчание, спросил Астахов. — Хороший был человек, во всей округе его почитали. Больше полвека провел на здешних реках в честном труде, без пьянства, без ссор и скандалов в семье. Потомственный сплавщик, кремневой породы. Правда, кое-кто говорит, будто тяга к вину — вещь врожденная. А я не верю! Какой там черт врожденная! Это просто глупое безволие человека. Взять хотя бы вот тебя. Разве от такого отца, как твой, мог родиться пьяница?

— Вижу, вы всю мою родословную перебрали, — улыбнувшись, покачал головой Зубов. — И когда только успели?

Слова Астахова до боли проникли в сознание Григория. В его памяти воскресли дни ничем не запятнанной юности, первые годы дружной семейной жизни.

— Что заставило вас идти сюда? — едва сдерживая волнение, спросил Григорий. — Сожаление?

— Нет. Меня привел к тебе долг и вера в человека.

Все, что за долгое время накопилось у

Григория на сердце, прорвалось в один миг.

— Да, да, мне смертельно надоела эта убогая одинокая жизнь, — страстно заговорил он, — жизнь без настоящих друзей, без семьи... без уважения...

...Когда Астахов собрался уходить, Григорий подошел к нему и, прощаясь, нерешительно спросил:

— А как с моим делом?

Улыбаясь, Степан Ильич успокаивающе хлопал его по плечу.

— Если чувствуешь себя невиновным, беспокоиться нечего. Скорее выздоравливай и иди на работу.

Зубов не спал всю ночь. Тревожные, а вместе с тем радостные мысли сверлили голову и наполняли сознание ожиданием перемены жизни. Под самое утро, засыпая, он увидел во сне, что его комната стала чистой и уютной, в ней хлопочет по хозяйству веселая Люба, а где-то рядом слышится радостный лепет Лариски...

2

Через несколько дней на усадьбе РТС остановилась с красными полосками по бокам автомашина, из которой вышел Астахов. Хлюпая сапогами по грязи, направился он в сторону мастерских. Первым, кто при входе в помещение попался ему навстречу, был Григорий Зубов. Не останавливаясь, он улыбнулся ему и, поздоровавшись, спросил:

— Мастер на месте?

— На месте, — тоже улыбнувшись, рукой указал Григорий на диспетчерскую.

В мастерских шла обычная работа по ремонту машин. Астахов через цех прошел в указанную Зубовым комнату, где застал мастера Соболева и двух незнакомых рабочих.

— А, Степан Ильич! Давненько мы не видели вас у себя. Каким ветром? — протягивая руку, приветствовал его седоусый старик.

— Да, в ваши края я давно не заглядывал, — засмеялся Степан Ильич. — А каким ветром? Скажу. Дело у меня небольшое к тебе, Николай Федорович!

— Чай, что-нибудь с машиной неладное, — подмигнул мастер. — Знаю, к нам иногда и по таким делам обращаются. Наверно, ремонтишко какой? Рад помочь, чем смогу.

— Да, ремонт, — подчеркнул Астахов, — но не машины.

— Не машины? — Соболев недоумевающе посмотрел на собеседника поверх очков и пошутил снова: — Может, трактором обзавелся, так мы сумеем подлатать и его.

— Нет, не в тракторе дело. Одного рабочего вашего подремонтировать нужно...

— Нашего рабочего? — переглянулся мастер со своими товарищами. — Это кого же?

— Слесаря Зубова, — ответил Степан Ильич.

Соболев не спеша достал из-под стола табуретку, вытер ее рукавом комбинезона, хотя на ней ничего не было, и, подвинув ближе к Астахову, пригласил сесть.

— А ну выкладывай: что там случилось у Григория? Какой беды натворил? — присаживаясь на край скамейки, спросил старик.

Беседа была оживленной.

— Как ведет себя Григорий дома, нам о том неизвестно, а вот что касается работы — могу сказать одно: мужик он дельный. План выполняет...

— И это, конечно, вас вполне удовлетворяет? — иронически спросил Астахов.

— А как же нас не может удовлетворить выполнение плана?

— Мало ли какой человек с семьей не в ладах, ведь это дело житейское, — сказал один из присутствующих.

— А вы знаете, почему не в ладах? — спросил Степан Ильич.

— Говорят, жена у него не совсем порядочная. Жить с ним не захотела. Барахлишко под мышку и хвост дудкой, — засмеялся тот же.

— И это все, что известно о Зубове?

— А кто их знает, что там у них творится, за каждым не уследишь, — ответил второй рабочий, которого поддержал и Соболев:

— Чужие дела, Степан Ильич, — темный лес.

Астахов бросил на мастера укоризненный взгляд.

— И это говоришь ты, Николай Федорович, человек, убеленный сединой, поучавший уму-разуму не одного юношу. Чужие дела, мой дорогой, не темный лес. Ты лучше скажи, предпринимал ли ты какие-нибудь меры, чтобы Зубова на ноги поставить. Он же работает под твоим началом.

Упрек Астахова мастер принял с обидой.

— Мне кажется, Григорий уже вырос из детского возраста и сам должен знать, где и

как вести себя. А что касается работы, то я тебе уже сказал — нас пока он удовлетворяет.

— Вот именно пока. Но вы, видимо, о ценности человека судите только по его производственным показателям? А дома, значит, можно вести себя как хочешь — пить, избивать жену, разрушать семью? Так, что ли?

Николай Федорович смутился.

— Я хотел сказать не это, — оправдывался он. — Григорий в мастерских не пьет, а что делает вечерами, это нам неизвестно... Откуда же нам знать, что с ним происходит в неурочные часы. Кому-то в это время нужно присмотреть за ним?

— А как ты думаешь? Кому?

Соболев не нашел прямого ответа на вопрос Астахова и беспомощно развел руками.

— Вот что, старина, — сказал Степан Ильич, — вы должны видеть в Григории не одни качества слесаря, вы должны знать, чем он живет и чем дышит.

Соболеву было над чем подумать.

«Разве мы не знали еще год тому назад, что он пьет, что от него ушла жена? — рассуждал он про себя. — Прав Астахов: какую же мы оказали ему помощь?»

О том, что начальник милиции приехал в РТС и по какой-то причине интересуется Зубовым, через полчаса стало известно многим.

3

Оставив мастерские, Степан Ильич отправился в контору.

Председатель рабочего комитета Коротков,

как показалось Астахову, встретил его холодно, хотя друг друга они знали давно.

— Ты что же это, Степан Ильич, сначала обошел всю РТС, а потом уже ко мне, — не то в шутку, не то с обидой сказал он.

Астахов снял шапку, без приглашения сел за приставной стол и, улыбаясь, заметил:

— Прошу прощения, я не знал твоих особых порядков. Думаю, что побеседовать с рабочими я мог и без особого разрешения.

Коротков немного смутился за свое не совсем обдуманное замечание.

— Я приехал поговорить с тобой о Зубове.

— Он что-нибудь натворил? — удивленно спросил Коротков.

— Да, натворил... И еще может натворить, если не взяться за него по-настоящему.

— Любопытно, но не понимаю, в чем дело?

Степан Ильич обстоятельно рассказал о личной жизни Григория, так, как рассказывал о ней Соболеву.

Вертя в руках карандаш, Коротков спокойно выслушал майора.

— А я думал, ты пришел с чем-нибудь новым, — все так же спокойно заметил Коротков.

— Выходит, для тебя это не новость?

— Нисколько.

— А раз так, то позволительно спросить: что же ты сделал, чтобы остановить пьянство Зубова.

— Во-первых, я не обязан перед тобой отчитываться. А во-вторых, если тебя это так интересует, могу сказать... Я несколько раз беседовал с Григорием, и он давал мне слово не пить.

— И ты, конечно, убежден, что твои беседы возымели на него магическое действие, — заметил Астахов.

— Может, и не такое магическое, как бы тебе хотелось, но во всяком случае в РТС Зубова пьяным никто не видел.

Беседа с каждой минутой обострялась.

— Я не нахожу нужным заниматься домашними неурядицами Зубова, — невозмутимо спокойно высказывал свою точку зрения Коротков. — Хотя бы потому, что его жена никогда не жаловалась. А семейные дела, сам знаешь, — сугубо личные, можно сказать, щепетильные. Ведь муж и жена — люди особых отношений: сегодня поссорятся, завтра помирятся.

Астахов удивленно посмотрел и укоризненно покачал головой.

— На ваших глазах разрушается семья, а вы ждете, пока вам жалобу пришлют об этом.

— Собственно говоря, почему ты находишь, что именно я должен заниматься семейными делами Зубова, а не кто-нибудь другой? — уже нервозно спросил Коротков. — Ведь по работе у нас к нему особых претензий нет, а... впрочем, насколько понимаю я: милиции вмешиваться в это дело по штату не положено.

Идя в рабочий комитет, Степан Ильич, конечно, не был намерен ссориться с Коротковым, но беседа сложилась не так, как он ожидал. Это вынудило его проявить настойчивость.

— А все же, Петр Матвеевич, что вы принимали к Зубову, кроме бесед с ним?

— Я считаю этого достаточно.

— На мой взгляд, мало вызвать человека и побеседовать с ним. Нужно быть уверенным, что такие беседы хотя чем-нибудь да помогут человеку исправиться. А с Григорием этого как раз и не случилось.

— А что вы рекомендуете делать?

— На большинстве предприятий быт рабочих давным-давно уже стал не менее важным, чем производственные дела. И там, где правильно понимают, что от здорового быта зависит рост производительности труда, там пьянство рабочего стали считать чрезвычайным происшествием.

— Выходит, мне нужно переходить на положение няньки, — насмешливо проговорил Коротков.

Ни о чем не договорившись, Астахов ушел, пообещав Короткову еще встретиться.

КОРИЧНЕВЫЙ ЧЕМОДАН

1

Среди других неисследованных объектов по делу об убийстве Сергея Воронова был дом на улице Полянской и его обитатели.

Волгин и Субботин еще и еще раз перечитывали письмо, где сообщалось об Анне Васильевне Кучеренко и ночных посетителях ее квартиры. Как поступить дальше?

Облик Кучеренко выяснился в ходе дальнейшего расследования. Анна Васильевна на протяжении нескольких лет нигде не работала, в ее биографии обнаружились и другие темные пятна. Было установлено, что ранее она про-

живала в другом городе, занимаясь скупкой и перепродажей различных вещей, в том числе ворованных. И лишь случайные обстоятельства помогли ей уйти от ответственности. Переехав в Гурьевск, она купила дом и поселилась в нем вместе со своей племянницей.

Их странный образ жизни, частые пьяные вечеринки и сведения о приемке краденых вещей давали основание сделать вывод, что «тетя Нюра» имеет связи с темными людьми. И если несколькими днями раньше Волгин и Субботин не решались идти к ней, то после получения таких сведений их решение утвердилось окончательно.

В один из вечеров в доме на Полянской улице готовились к встрече постоянных его посетителей. По-праздничному наряженная, Анна Васильевна накрыла стол на четверых, обильно уставив его различными закусками и спиртными напитками. Одним словом, в доме все было готово для встречи желанных гостей, но в условленное время никто не пришел.

Анна Васильевна встревожилась: «В чем же дело? Почему их нет?» И на всякий случай, не показывая перед племянницей своего волнения, она поднялась на чердак и спрятала в укромном местечке некоторые вещи, полученные ею от своего квартиранта.

Когда стрелки настенных часов сошлись на девяти, донесся чуть слышный скрип калитки. По железному листу подоконника тихо постукали.

— Наконец! — облегченно произнесла Анна Васильевна и, поспешно выбежав в сени, не спрашивая, кто пришел, сбросила дверной

крючок. В распахнувшейся двери в форме лейтенанта милиции стоял Волгин.

— Добрый вечер! Разрешите побеспокоить. За ним возвышалась рослая фигура Субботина. Пришли и двое понятых — соседи Кучеренко.

От неожиданности у нее задрожали руки и ноги, а язык прилип к гортани. Широко раскрыв глаза, она попятилась. Освещая перед собой дорогу электрическим фонариком, Виктор Петрович вошел в дом, за ним последовали остальные.

— О, мы, кажется, пришли не ко времени, — улыбнулся Волгин, обратив внимание на накрытый стол, и, кивнув нарядной Елене, добавил: — Прошу извинить, что помешали вашему торжеству.

— Торжество? — смутилась Елена. На лице ее был испуг. Не зная, как лучше ответить, она вопросительно посмотрела на тетку.

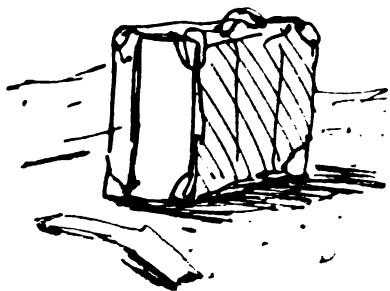
Взяв себя в руки, Анна Васильевна ответила:

— День рождения у меня. Поджидаем гостей...

— Не рановато ли собрались отмечать свое пятидесятилетие? — лукаво заметил Виктор Петрович. — Если не ошибаюсь, день вашего рождения в марте будущего года, а сейчас, кажется, только ноябрь.

Пойманная на лжи «тетя Нюра» не смутилась. Она отрубил грубо:

— Ну, допустим, про-

сто ждем гостей. Какая разница? И, в конце концов, вас это никак не должно интересовать!

— Не совсем правильно. Между именинами и обычной вечеринкой есть некоторая разница. Не так ли? — спросил Волгин.

Уклоняясь от прямого взгляда, старуха что-то недовольно пробормотала.

— А впрочем, — продолжал оперативный уполномоченный, — в данное время это действительно не имеет никакого значения.

Вручая Анне Васильевне отпечатанный на пишущей машинке документ за двумя подписями и круглой печатью, Волгин решительно спросил:

— Насколько мне известно, хозяйкой дома являетесь вы?

Анна Васильевна взяла бумагу. Это было постановление на право обыска в ее квартире.

На некоторое время в комнате воцарилось молчание. Виктор Петрович отодвинул тарелки, раскрыл свой планшет и, сев за стол, начал писать. Субботин, сопровождаемый понятыми, приступил к обыску. С тайным ужасом Анна Васильевна следила за каждым их движением, а Елена с тревогой поглядывала то на мертвенно-бледное лицо тетки, то на незнакомых людей.

Андрей Гаврилович вместе с понятыми тщательно осмотрел помещение и, возвратившись в комнату, дал знать Волгину, что обыск не принес положительных результатов. Поняв это, Анна Васильевна с облегчением вздохнула и принялась возмущаться.

— Просто какое-то недоразумение! И кто бы это нам гадость такую подложить мог? Обыск! Позор! Подумайте только!

Старуха притворно всплакнула и вытерла передником глаза. Ничего не ответив на причитания хозяйки, Волгин обратился к Субботину.

— Осмотрите чердак.

Через десяток минут Андрей Гаврилович с понятыми вошел в комнату и внес большой коричневый чемодан. По торжествующей улыбке следователя нетрудно было догадаться, что на этот раз его усилия не были напрасными.

У Кучеренко беспокойно забегали глаза. Не дожидаясь вопросов, она торопливо сообщила,

что чемодан этот в их доме находится уже давно.

Елена хотела было продолжить объяснение тетки и рассказать, каким образом он оказался в их квартире.

— Эти вещи...—начала было она, но Анна Васильевна резко перебила:

— Да, да, эту вещь покупал еще мой муж.

— Давно ли? — проницательно посмотрел на нее Андрей Гаврилович.

— Года три тому назад, — растерянно и неуверенно ответила Анна Васильевна.

Поставив чемодан на стул, Субботин открыл его. Там лежали небрежно свернутые отрезы разных тканей.

— А это приданое, — быстро сообразила старуха. — Для нее, — и кивнула на племянницу.

Волгин сделал вид, что принимает объяснение, и спросил:

— А где покупалась эта вещичка?

— Сейчас хорошо не помню. Кажется, в каком-то магазине. Не здесь. Еще когда был жив муж.

Волгин не спеша вывернул наизнанку фабричной работы карман, пришитый с внутренней стороны крышки чемодана. На светло-голубой ткани ясно читались слова, написанные чернильным карандашом: «Сергей Николаевич Воронов». Ниже этой подписи следовала какая-то дата.

— Вот это тоже куплено? — строго бросил он, повернув чемодан так, что внутренняя сторона крышки пришлась перед ее глазами. — Такой надписи не продашь и не купишь.

Расписался здесь кто-то другой, а вы плохо смотрели и плохо придумали.

Анна Васильевна замолчала и нервно задвигалась на стуле.

Виктор Петрович принялся быстро писать. Через полчаса автомашина с улицы Полянской доставила в городской отдел милиции оперативных работников, «тетю Нюру» и большой коричневый чемодан.

2

Чемодан, изъятый в квартире Кучеренко, принадлежал Сергею Воронову. В этом никто из работников милиции не сомневался.

Но неоспоримой истины не хотела признать лишь Кучеренко. На второй день, придумывая различные уловки, она увиливала от прямых вопросов Субботина и выдвигала то одни, то другие доводы своей непричастности к преступлению. Каждый раз, когда она объясняла то или иное обстоятельство не так, как оно выглядело в действительности, Субботин находил в материалах расследования доказательства, которые опровергали и разоблачали ее. Наконец, запутавшись в своих показаниях, Кучеренко заговорила несколько по-иному.

— Да, чемодан и находившиеся в нем вещи мне дали для продажи. Только я совершенно не знала, что он приобретен преступным путем, — сделала она последнюю попытку смягчить свою вину.

Она призналась, что чемодан принес ее временный квартирант Вадим Осокин и его

приятель Николай Бурлак. По времени, названному Анной Васильевной, это совпадало с ночью, когда погиб Сергей Воронов.

— Какие вещи находились в чемодане? — спросил Субботин.

— Мужское демисезонное пальто и отрезы ткани, которые находятся в нем сейчас.

— А где пальто?

— По просьбе Осокина я продала его.

— А кто такой Осокин?

О своем временном постояльце Анна Васильевна рассказала очень скупо.

— Он говорил, что где-то занимается заготовкой леса, а так ли это — не знаю. Вы спрашиваете о его заработках: о них я тоже ничего не знаю. Могу сказать одно: видно, человек он при деньгах, потому что к нам в дом никогда не приезжал без подарков.

— За его же счет устраивали и вечеринки? — вставил свое Андрей Гаврилович и легкой улыбкой подтвердил достоверную ооветомленность в этом.

«Тетя Нюра» удивленно посмотрела на следователя, не понимая, откуда ему стало известно о вечеринках, так тщательно маскируемых в ее доме, и попробовала было отпереться.

— А Елена знала о ваших с Осокиным делах и о чемодане?

— Нет, ее в наши дела я не посвящала. А Вадим тоже ничего не говорил.

Кучеренко подняла голову и хотела что-то сказать, но не сказала. Уставившись в одну точку, она смотрела куда-то за окно и, нервно перебирая в пальцах бахрому белого вязаного платка, думала о своей судьбе.

ВЫСОЦКАЯ ДЕРЖИТ ОТВЕТ

1

Участковый уполномоченный Миронов поступил так, как советовал Астахов. Вместе с Дубининым и членами уличного комитета 3-й Заречной они в течение недели изучали образ жизни Высоцкой.

Вера Андреевна, несмотря на свои сорок пять лет, старалась выглядеть моложавой. Одежду она носила яркую и тем самым выделялась среди женщин своего возраста. Она имела множество платьев, несколько пальто и подбирала к ним в тон обувь. Вдобавок ко всему Высоцкая носила не в меру большие, свисающие серьги, а ее пальцы украшало несколько колец.

Вера Андреевна часто пренебрежительно отзывалась о морально неустойчивых людях, хотя сама от таких людей мало чем отличалась.

Несколько последних лет Высоцкая нигде не работала, но жила лучше многих, имеющих приличный заработок. Она неплохо содержала стол, у нее не переводилось вино, часто бывали гости. Жила она в свое удовольствие. «Откуда? На какие средства?» — удивлялись соседи, не знавшие источников ее доходов, и только догадывались, что в этом отношении не все было чисто.

Миронову и Дубинину удалось выяснить, что ее доходы создавались за счет мелкой спекуляции промышленными товарами. В одном месте купит, в другом перепродает, смотришь — и с барышом.

В один из дней в кабинете Астахова происходил жаркий спор. Предметом спора была Вера Андреевна Высоцкая.

— Мое мнение, — сердито убеждал Лука Корнилович Дубинин, — отдать ее под суд и не иначе. Да разве можно дальше терпеть? Судить, чтоб неповадно ей было жить, как трутню. Надоела она всей нашей улице.

Другую точку зрения имел Миронов. Возражая председателю уличного комитета, он предложил:

— Давайте передадим материал в городской Совет и накажем ее в административном порядке.

— Выдумал! — недовольно бросил Дубинин. — Думаешь, это ее проймет?

— Согласись, Лука Корнилович, — отстаивал свое мнение Миронов, — ведь крупных-то фактов преступлений мы за ней не установили и никогда раньше не предупреждали ее за мелкую спекуляцию. Так разве можно человека сразу сажать в тюрьму, не испробовав всех средств, не заставив отказаться от дурных привычек?

Степан Ильич внимательно слушал спорящих и думал: «Судить человека проще пареной репы, штрафовать тоже. А что можно сделать, чтобы направить человека на верный путь и обойтись без судебных мер? Это дело куда сложнее». Прежде чем высказать свое мнение, он спросил у Дубинина:

— Вы пытались когда-нибудь вовлечь Высоцкую в общественную работу?

— Да что вы, Степан Ильич! — и Лука Корнилович, засмеявшись, замахал руками. — Не

пытался и не думаю. С ее характером — нет смысла, бесполезно...

— А почему бы не сделать это?

— Человек она особого склада, общественных мероприятий чуждается...

— А на собраниях когда-нибудь говорили о ней?

— Заочно вспоминали много раз, а официально не приглашали.

Астахов молча что-то прикинул в уме и решительно предложил:

— Тогда вот что: давайте отдадим ее под суд...

— Вот это дело, — поторопился Лука Корнилович, не дослушав Астахова до конца, — от нее надо избавиться на несколько годков. Не женщина, а гремучая змея, ни с кем ужиться не может в доме.

Многозначительно покачав головой, Степан Ильич перебил старика.

— Судить Высоцкую действительно нужно, только не тем судом, на который рассчитываете вы. Пусть вначале ее осудит общественность.

Вынув из кармана носовой платок, Дубинин вытер вспотевшую лысину и едко бросил:

— О, великое и мудрое решение! Уморил, Степан Ильич, ну, просто уморил. Общественный суд для этой базарной бабы, что комариный укус. Ей только этого и надобно!

— Ошибаешься, Лука Корнилович, общественный суд не комариный укус, это великая сила. И устоять одному против всех трудно, невозможно.

Предложение Астахова передать дело Вы-

соцкой на рассмотрение общественности 3-й Заречной улицы Дубинина не удовлетворило, и он ушел из отдела милиции недовольным.

Миронов снова вернулся к разговору о Высоцкой.

— Вы только подумайте, — несмело начал он, — кроме спекуляции, она еще и...

— Скажешь сплетница, интриганка, язык как помело, нос сует куда не следует? — перебил Степан Ильич, — но я думаю, и в этом люди поправят ее. И придет такое время, когда она вам скажет: спасибо за все доброе.

Но участковый топтался на месте.

— Вы хотели еще что-то сказать?

Миронов положил на стол написанное на листе бумаги заявление одного из жильцов дома № 37 по 3-й Заречной улице.

— Высоцкая и до вас добралась, — смущенно сказал он. — Среди людей слух распустила, будто вы к Любе Зубовой по ночам захаживаете. — И, подвинув бумагу ближе к нему, добавил: — Вот здесь написано... читайте!

Слова участкового Астахов воспринял внешне спокойно. Никогда в жизни ему не приходилось выслушивать подобные обвинения, и сейчас, когда об этом говорил подчиненный, он чувствовал себя неловко.

— Нет ли у вас рукописного текста Высоцкой? — спросил он.

Порывшись в портфеле, Миронов нашел среди бумаг лично написанное ею объяснение по поводу спекуляции и подал Астахову.

«Обычный способ лжи», — подумал Степан Ильич, всматриваясь в знакомый почерк. И, достав из кармана кителя анонимную записку,

сравнил с подлинным текстом руки Веры Андреевны. Почерк был один и тот же. И если раньше он мог догадываться, чьему перу принадлежит эта записка, то теперь был уверен, что написана она никем иным, как Высоцкой.

2

Через два дня всем жильцам 3-й Заречной улицы было объявлено, что на общем собрании в клубе кирпичного завода будут обсуждать Высоцкую.

В назначенное время, в заполненном людьми зале на председательском месте сидел Лука Корнилович, а на трибуне докладывал Мионов. Стараясь быть немногословным и объективным, он рассказал все, что касалось поведения Высоцкой. Едва дождавшись конца его выступления, она истошно запротестовала:

— Это неправда, вранье! Это оскорбление, нарушение прав личности! Как вы смеее?

В то время, когда Вера Андреевна негодовала, в зал вошли Астахов и Субботин и, чтобы не помешать другим, осторожно пробрались в задние ряды.

Степан Ильич подтолкнул следователя под бок:

— Слышишь, как вопит, — шепнул он ему на ухо. — Знает кошка, чье сало съела. Будь внимателен, это тебе полезно.

Лука Корнилович строго посмотрел на Высоцкую и предупредил:

— Спокойнее, гражданочка, спокойнее.

Вера Андреевна, не обращая на это внимания, продолжала возмущаться:

— Что за вздор? К чему такая комедия? Если вам захотелось получить с меня штраф — я могу уплатить его, только оставьте меня в покое.

— А что нам от вашего штрафа? — оборвал ее Лука Корнилович. — Сначала как следует разберемся, а потом и подумаем штраф ли с вас брать или...

Неуважение Высоцкой к собранию вызвало возмущение. В рядах зашевелились, загудели.

— Бессовестная ты, — раздался возмущенный голос мужчины. Все повернулись в его сторону. Это был бывший сосед Веры Андреевны. — Дайте-ка несколько слов мне. — И, поднявшись, рассказал историю, от которой в свое время ему пришлось немало пережить:

— Жил я с женой и ребенком тихо и смирно, — начал он, — домой возвращался по ночам — работа у меня уж такая. Что же до правил общежития, правду скажу, соблюдал их не хуже других. Кашлянуть лишний раз воздерживался. Пришел я как-то раз по обыкновению ночью. Тихонько в комнату вошел, разделся, на условленном месте чашку с молоком нашел. И нужно же было такому случиться: только взял чашку, а она, проклятая, возьми да и выскользни из рук. Брякнулась об пол. Ну, понятно, разбилась. Что-то невнятно пробормотала во сне жена, заплакал и стих ребенок, да кто-то прошаркал по коридору, словно в домашних туфлях прошел. Я и внимания на это не обратил. А на второй день вижу: соседи поглядывают на меня косо. Буд-

то что обо мне нехорошее знают. Тревожно у меня стало на душе, а не понимаю, в чем дело. Затем меня вдруг к управдому позвали с объяснением и прямо-таки огорошили. Общественный порядок, говорят, нарушаешь! По ночам дебоши устраиваешь, посуду бьешь, над женой и ребенком измываешься. «И откуда такое на мою голову взялось», — подумал я и вспомнил о шагах в коридоре. Выходит, уважаемой Вере Андреевне любопытство спать не давало. Подслушать подслушала и, не разобравшись, все наизнанку вывернула. Поверили ей вначале. Потом я рассказал все по порядку, жена остальное рассеяла. Пристыдили Высоцкую за то, что по чужим квартирам в замочные скважины подсматривает. Вот тогда кто-то и назвал ее «ключницей».

Это выступление вызвало у присутствующих веселый смех. И хотя это была сущая правда, Вера Андреевна не соглашалась. Выискивая всякие отговорки, со слезами, она любой ценой стремилась опорочить бывшего соседа и во всем оправдать себя. Она не признавала за собой ни клеветы, ни спекуляции. Но ей не удалось оправдаться. На трибуну поднимались люди и прямо, резко, но справедливо критиковали ее.

Высоцкая все ниже опускала голову, а затем вовсе замолчала. Очутившись под перекрестным огнем выступлений жителей своей улицы, она почувствовала, что ей не устоять перед всеми.

Окончательно нанесла ей поражение Люба Зубова. Говорила она недолго, но метко, припоминая все, что знала и, главным образом,

сплетню, которую Высоцкая сочинила про Астахова.

— Меня просто не поняли, — виновато сказала Высоцкая.

— Нет, вас поняли очень хорошо! — поднялся на трибуну Астахов.

Вера Андреевна опешила. Встретив прямой взгляд Астахова, она догадалась, о чем он будет говорить, и опустила глаза.

— Вот они — плоды вашего поведения, — продолжал Степан Ильич. И, подняв над головой анонимную записку, рассказал ее содержание, как она появилась и какую неприятность причинила его семье.

Когда в зале наступила тишина, Степан Ильич начал снова:

— Я сказал не все. Могу сообщить вам, что Вера Андреевна не упустила случая, чтобы напакостить Григорию Зубову. Она дала следователю ложные показания, обвинив Зубова в угрозе убийством одному человеку, чего в действительности не было.

Долго не утихало возмущение присутствующих. Когда наступила пора принимать решение, некоторые предлагали судить Высоцкую, другие требовали более снисходительной меры. Собрание нашло возможным не предавать ее суду и предложить немедленно устроиться на работу, установить с окружающими жителями добрососедские отношения, прекратить спекуляцию и сплетни.

Собрание предупредило Высоцкую, что, в случае малейшего неуважения к правилам социалистического общежития, она будет привлечена к строгой ответственности.

В первый раз за осень землю чуть-чуть сковал легкий морозец.

С собрания Астахов и Субботин шли молча, каждый думая о своем. Под ногами похрустывал молодой тонкий ледок. Дул холодный северный ветер. Молчание нарушил Степан Ильич.

— Понял ли ты, Андрей Гаврилович, какой «ценный» свидетель помогал тебе раскрывать убийство Воронова?

— И не говорите! Поверь такому человеку и попадешь, чего доброго, как кур во щи, — сокрушенно покачал головой Субботин и спросил: — А как вы думаете, она все же образумится?

— Думаю — образумится. Ты слышал, как люди предъявляли счет Высоцкой?

— Здорово! — с восхищением ответил Субботин.

— Вот это и есть сила, которая может воспитать таких людей, как она.

Оставив позади Заречье, они достигли центра города и медленно пошли вдоль набережной. Астахов вспомнил, как в годы своей молодости, еще будучи кузнецом, уходил он по комсомольской путевке на борьбу с кулачеством.

— Да, когда люди наступают против какого-нибудь зла единым фронтом, они — великая сила, — проговорил он снова после недолгого молчания. — Вспоминаю я начало тридцатых годов, как будто это было вчера. Тебя еще и в помине не было, а я уже в комсомоле состо-

ял и вместе с коммунистами боролся против озверелого кулачества. Да, было дело.

И Астахов увлеченно рассказал Субботину о тех незабываемых им днях.

— Ну, вот мы и дома. — Астахов остановился на отлогом берегу, закурил и минуту смотрел в непроницаемую даль. — Да, Андрей Гаврилович, живем мы с тобой в прекрасное время. Разве теперешний какой-нибудь преступник чета матерому кулаку? Никакого сравнения нет. Что сейчас представляет из себя преступник? Это просто жалкий отброс, и жить ему осталось считанные дни. А почему? Да потому, что у нас для него нет подходящей почвы. Понимаешь? Народ наш нынче промеж себя не терпит пустоцветов. Скоро у нас совсем не будет преступников. Против них встает весь народ. А уж когда такая сила пойдет стеной, считай — конец всякой погани.

4

Высоцкая остро переживала все происшедшее на собрании. Бывали дни, когда, одиноко замкнувшись в квартире, она подолгу сидела задумавшись или, не находя места, шагами меряла из угла в угол свою комнату. Одна мысль сменяла другую. Иногда она успокаивала себя тем, что ее образ жизни никого не касается, и это на время придавало ей бодрости и даже будило желание отомстить обидчикам. Но стоило трезво вдуматься в собственные поступки — в то, что говорили о ней люди

на собрании, как в сознании наступал перелом. Тогда, несмотря на прежние свои легкомысленные взгляды, ею овладевало чувство раскаяния, а пробудившаяся совесть заставляла понять свою неправоту.

Вера Андреевна признавала, что, вынося приговор, жители 3-й Заречной улицы предложили ей на выбор немного, но разумное: или подчиняться правилам уважения человека, или идти своей прежней дорогой, оставаясь одинокой и чувствуя всеобщее презрение людей. Конечно, Высоцкой было трудно отречься от многолетних привычек. Но трудно было и идти наперекор большинству. Она понимала, что потеря уважения людей — это не шутка и что на поле битвы, где против нее восстала сила коллектива, она останется одна, бессильна и жалка.

Вера Андреевна, встречая укоризненные и осуждающие взгляды соседей, пришла на прием к Астахову.

— Как глупо и нелепо я поступала, — сказала она, извинившись за причиненные неприятности. — Ах, если бы можно было уничтожить и бросить навсегда мои прошлые проступки! Как стыдно смотреть людям в глаза.

Астахов, открыв ящик стола, достал сочиненную Высоцкой анонимку и положил перед ней.

— Вот, возьмите.

— Я не об этом, — и, не взяв письма, продолжала: — Мне хотелось сказать о другом. Как бы очистить свою совесть перед людьми, как уйти от позора...

Забыв обиду, Степан Ильич добродушно улыбнулся:

— Самый лучший способ вернуть свое достоинство — честно работать и уважать людей. Остальное приложится само.

Вера Андреевна попросила Астахова помочь ей устроиться на работу по своей давнишней специальности — бухгалтером. Астахов обещал помочь.

СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

1

Напрасно Волгин подумал нехорошо о старшине и его белобрысом приятеле, в чьем обществе Сергей Воронов провел время в буфете. Их встреча была чистой случайностью, и они к убийству Воронова не имели никакого отношения. Наиболее вероятным убийцей мог быть только Осокин. И такой вывод стал возможным не без оснований. Это, в первую очередь, подтвердилось чемоданом, изъятым в квартире Кучеренко, и сообщенными ею приметами своего квартиранта, которые совпадали с показаниями официантки Самойловой.

Однако перед следователями стояли новые нерешенные задачи.

Невыясненной оставалась личность Осокина, поиски которого на первых порах не увенчались успехом. В Гурьевске он не был прописан. Не знала места его пребывания и Анна Кучеренко. Это заставило бросить на розыск все силы отдела милиции.

Второй задачей было установить такси, на котором с вокзала был увезен Воронов. Правда, эта задача, в связи с подозрением на Александра Шашкова, в какой-то мере была близка к разрешению. Чтобы решить ее до конца, Субботин выехал в село Рубцовку.

..Дорогу подморозило основательно. Ранним утром милицейский газик легко мчался по Березовскому тракту и через полчаса остановился у Рубцовского сельсовета. Андрей Гаврилович вошел в жарко натопленное помещение и обратился к девушке, что-то писавшей за столом.

— Как мне увидеть Владимира Шашкова?

— Кажется, сию минуту он находился у председателя, — любезно ответила она и, быстро поднявшись, заглянула в одну из соседних комнат, но там Шашкова не оказалось.

— Наверно, ушел в правление колхоза. Он в колхозе счетоводом. Сейчас разыщем. Присьдете. — И она указала на стул.

Субботин ждал встречи с Владимиром Шашковым, надеясь получить от него ценные сведения. Он почему-то был уверен, что этот человек не подтвердит показания Александра Шашкова о причине позднего возвращения его в гараж. — «И если мои догадки верны, — мысленно рассуждал следовательно, — если на предыдущем допросе Александр сказал неправду, тогда, уличенный, он назовет и место, где в действительности находилась машина, и причины, заставившие его солгать».

Через несколько минут в отдельной комнате сельсовета состоялась их продолжительная беседа.

— Да, Сашка ко мне приезжал, — отвечал Владимир Шашков на вопросы Субботина. — Болен я был в то время, а он по-родственному и наведалься.

С каждой минутой следовательно мрачнел, терял уверенность.

— Разговор у нас был короткий, так как Сашка очень торопился, боясь задержать надолго машину. А когда я спросил: «Что ж наспех, да еще ночью приехал», он ответил: «Смена-то моя кончилась, а такси — дело денежное». — Не пытаюсь что-либо скрыть, Владимир рассказывал о последнем свидании с братом точь-в-точь, как говорил об этом Александр.

— Вот так поговорили несколько минут, спросил о моем здоровье, на том и расстались, — закончил он.

— А может, с Александром еще кто был? — спросил Субботин. Шашков пожал плечами.

— В дом Саша заходил один, я с постели не поднимался, а машина стояла где-то на улице. — Точное время встречи с братом Владимир назвать не мог, сославшись, что не смотрел на часы, но указал: — Происходило это приблизительно после часа ночи.

Субботин возвратился из села Рубцовки к полудню. Волгин находился в отделе милиции. Андрей Гаврилович рассказал ему о своей неудаче. Неоправдавшаяся надежда получить от Владимира Шашкова подтверждение своих предположений привела следователя в удрученное настроение, и он почти был готов отказаться подозревать Александра Шашкова в причастности к убийству Воронова.

— Постой, постой! — сказал Волгин. — Не торопись. Когда ты, наконец, отучишься от окороспелых выводов? То ты берешь через край там, где необходимо воздержаться, то преждевременно отступаешь, где этого делать не следует.

Волгин достал из своего планшета несколько листов бумаги, исписанных чернилами, подошел к Субботину.

— Так вот, читай и не хмурься.

Оказывается, в то время, когда Андрей Гаврилович находился в Рубцовке, Волгин, воспользовавшись тем, что у Александра Шашкова был выходной день, повторно, с участием специалистов автомобильного дела провел квалифицированный технический осмотр его машины и установил, что прорезиненный ремень, туго стягивавший руки Сергея Воронова, был от вентилятора автомашины, закрепленной за Шашковым.

Прочитав акт экспертизы, Андрей Гаврилович повеселел и с волнением быстро заговорил:

— Мне так и думалось, что Шашков вводит нас в заблуждение. Его показания не внушали доверия еще при первом допросе!

— А как же теперь понимать показания его брата — Владимира? — испытующе спросил Волгин. Минуту Субботин о чем-то думал, а затем сказал:

— Я догадываюсь — это просто хитрость и уловка. Скорее всего, Александр умышленно заехал к брату по дороге от Березовского моста после совершенного убийства, чтобы замести следы. Да, да, несомненно, это так и

было, — воскликнул Субботин и предложил немедленно приступить к повторному допросу Александра Шашкова.

— По всей вероятности, Шашков поступил именно так, как вы догадываетесь, — подтвердил Волгин. — Но повторный его допрос в данный момент нам ничего хорошего не даст. Шашков может не признать своего участия в убийстве Воронова с таким же успехом, как сделал это на первом допросе, если не убедится, что мы располагаем изобличающими его фактами. Прежде чем приступить к его повторному допросу, необходимо убедиться, так ли он на самом деле спокоен и уверен в себе, как пытался показать это на первом допросе.

Субботину понравился замысел Волгина. Когда они доложили свой план Астахову, тот одобрил его и назначил следственный эксперимент на следующий день.

2

Улицы города окутал вечерний туман. На привокзальной площади Гурьевска у остановки легковых такси среди других людей, поджидавших машин, стояли трое мужчин.

Одна из машин, сделав, видимо, короткий рейс в город, возвратилась к вокзалу. Согласно очереди машину должны были занять эти трое, но, уступив ее двум парням и девушке, они уехали только тогда, когда к остановке подкатила другая машина. Едва шофер успел включить счетчик, как севший впереди пассажир распорядился:

— На Заречье.

— А куда точнее? — спросил водитель.

— На Луговую.

На этот раз Александру Шашкову попались необычные пассажиры. За весь день он перевозил их немало, но никто не вел себя так, как эти. Едва автомашина вышла на главную улицу, ведущую к центру города, тот, что сидел рядом с шофером, потребовал:

— А ну-ка, водитель, прибавь газку да провези нас так, чтобы ветерок вслед свистел.

Шашков на мгновение отвлекся от наблюдения за дорогой, быстро повернулся в сторону седока и бросил неодобрительный взгляд.

— Что вы! — возразил он. — Я скорость и так уже превышаю. А по городу ехать быстрее сорока километров не разрешается.

— А может, все-таки попробуем? — лукаво улыбнулся все тот же пассажир. Шофер покачал головой и строго ответил:

— И не просите. Не могу. Не позволяют правила уличного движения. Наше дело шоферское — знай порядок, а не то в ГАИ.

— Вы всегда так аккуратно придерживаетесь этих правил?

Шашков опять взглянул на пассажира настороженно. В его словах он уловил какой-то намек, но, не обратив на него особого внимания, вел «победу» по-прежнему, не превышая сорока километров в час.

Пока между ними шел разговор о скорости, машина успела достичь поворота на Луговую улицу, и тут Шашков услышал новую непонятную ему просьбу:

— Везите нас через 3-ю Заречную.

— Зачем? — удивился он. — Ведь на Луговую здесь самый короткий путь, а через Заречную надо сделать большой круг.

— Ваше дело везти — мое заказывать, — резко потребовал странный пассажир и многозначительно добавил: — Или вы этой дороги избегаете?

— Дорога как дорога — обыкновенная. Я не раз ездил по ней, — сдержанно ответил Шашков, а у самого мысли начали работать тревожно: «Не ослышался ли я? Кажется, второй намек! В чем дело?» — И, опасаясь продолжать начатый разговор, замолчал. Но беспокойный пассажир снова предъявил Шашкову странное требование:

— Угасите фары!

Это требование последовало после того, как машина, миновав дом, где жила Зубова, достигла конца Заречной и подошла к повороту, ведущему на Луговую улицу.

Стараясь быть спокойным, Шашков категорически заявил:

— Ехать в темноте, без огня? Да вы что? Я на работе и рисковать своими правами не хочу. Дальше не поеду.

— Когда вам было нужно — вы ночью ездили и без огня, — сказал пассажир, насмешливо заметив: — а работаете до сих пор и водительских прав не потеряли?

У Шашкова застучало в висках: «Что ему надо? Что он знает обо мне? Кто такой этот человек?» А пассажир, как бы читая его мысли, продолжал:

— Теперь давайте знакомиться. Моя фамилия Волгин — оперативный уполномоченный

уголовного розыска, — и, указав кивком на сидевших сзади, добавил:

— А это сотрудники Гурьевского отдела милиции.

«Милиция... Уголовный розыск... Неужели...» — молнией пронеслось в сознании шофера. Молча он прибавил газу и выключил свет уже в то время, когда машина вышла на Березовский тракт.

Впереди, кроме осенней темноты, ничего не было. По полю стлался густой туман. Его седые волны, низко прижимаясь к земле, колыхались над дорогой и словно стеною преграждали путь. Ехать дальше с погашенными фарами становилось невозможно.

Не спрашивая у Волгина разрешения, лишь с опаской посмотрев на него, Шашков остановил машину и включил свет. Туман, освещенный лучами фар, застлал дорогу еще гуще.

— Куда ехать дальше? — еле подал голос шофер.

— К Березовскому мосту, — ответил Виктор Петрович, искоса наблюдая, что будет дальше.

Шашков вздрогнул. Теперь ему окончательно стало понятно, с какой целью они наняли его машину и почему предложили ехать на Луговую по 3-й Заречной улице и потребовали угасить фары. Все завертелось у него перед глазами, пальцы судорожно вцепились в рулевую баранку.

— Не могу дальше ехать, товарищ начальник, — задрожал его голос, во рту пересохло.

— Почему? — хладнокровно спросил Волгин.

— Сами видите, дорога какая. Больше пяти

километров в час через такой туман не пробы-
ешься, — объяснил Александр.

— Ничего... Попробуем, — так же спокойно
потребовал Виктор Петрович.

Лицо водителя становилось все мрачнее.
Путь от вокзала до Березовского тракта на-
помнил ему многое из недавнего прошлого.

Взяв себя в руки, Шашков попробовал еще
раз казаться уравновешенным и спокойным.
Он неуверенно выжал сцепление и включил
передачу, но, отъехав не более трех километ-
ров, дальше вести машину не мог. Место, куда
было приказано ехать, пугало его, нервы не
выдерживали, страх оказался сильнее воли.
Шашков бросил руль и беспомощно привалил-
ся спиной к сидению.

— Все! Больше не могу. Везите меня в го-
род. Я расскажу все, что знаю.

Волгин почти предвидел такой исход дела.
Поменявшись местами с шофером, Виктор
Петрович сел за руль, завел автомашину и в
скором времени остановил ее около здания
городского отдела милиции.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ

1

Впервые за долгое время Елена Кучеренко
осталась одна в своей квартире. Тревожные
думы не давали ей покоя. Стоило лишь сом-
кнуть усталые веки, как представлялись про-
шедшие события. То она видела перед собой
Волгина с острым проницательным взглядом,

то Субботина с большим коричневым чемоданом, а чаще всего Анну Васильевну. Бледная, испуганная ее тетя оправдывалась перед работниками милиции. Елене жаль было ее. Ей не хотелось верить, что она замешана в какой-то грязной истории: «Но почему она оправдывалась, — с тревогой спрашивала себя Елена, — за какую провинность забрали ее?» И как только возникал этот вопрос, Елена начинала думать о другом: «Зачем работникам милиции понадобился чемодан? Кто оставил на нем непонятную надпись? Почему Анна Васильевна не позволила мне сказать о нем правду? Ведь он же принадлежит Вадиму».

Достаточно было вспомнить имя Осокина, как мысли устремились к нему: «А такой ли Вадим на самом деле, каким я знаю его? Может быть, чемодан, изъятый милицией, и не его? Неужели Вадим нечестный, подлый, лживый?»

Лежа в постели, Елена прислушивалась к ночным шорохам и поскрипыванию калитки. Ей казалось, что около дома ходит Вадим и даже временами отчетливо слышала его шаги. Тогда она соскакивала с кровати, не зажигая света, быстро проходила босыми ногами по комнате и заглядывала в окно. Убедившись в ложности своей тревоги, возвращалась,

Ночь прошла без сна. Наступило утро. Прижавшись спиной к коврику, Елена сидела на кровати. Обхватив руками ноги и положив на колени подбородок, она смотрела на стол, где никем не тронутые стояли бутылки с водой и тарелки с закусками: «На какие средства все это покупается? Я никогда не спрашивала ни себя, ни тетю, откуда у нас такие доходы? Ведь ни она, ни я не работаем. Может быть, мы живем на средства Вадима?»

Разобраться во всем ей было не так легко. Поднявшись с постели, она кое-как оделась и, выйдя из дому, направилась к центру города. Никогда еще она не испытывала такого чувства смятения при встрече с людьми, как сейчас. Ей казалось, что все смотрят на нее с недоверием. Ускорив шаги, Елена пересекла город-

скую площадь и, пройдя быстро по набережной, зашла в двухэтажный дом.

В скором времени дежурный по отделу милиции провел Елену к Волгину. Едва переступив порог его кабинета, она с нескрываемым волнением спросила:

— В чем виновата моя тетя?

— А разве вы не знаете сами? — отозвался Виктор Петрович.

— Я ничего не знаю.

— Странно. И даже не знаете, на какие средства вы жили?

— Мне известно только то, что Анна Васильевна по поручению своих знакомых продавала на рынке разные вещи и за это получала вознаграждение.

— И больше ничего? — Волгин пристально посмотрел на девушку, еще не веря ее словам. — А кто продавал ворованные вещи?

— Ворованные вещи? — удивленно переспросила Елена. — Видимо, произошло какое-то недоразумение. Мне не верится, чтобы Анна Васильевна могла заниматься такими грязными делами.

— Могу сообщить и большее. В вашей квартире было предоставлено убежище очень опасному человеку. От него ваша тетя принимала и продавала на рынке вещи, добываемые преступным путем.

Елена насторожилась. Неужели он имеет в виду Вадима?

— А кто этот человек? — спросила она.

— Пожалуйста. Вадим Осокин.

Голос Елены дрогнул:

— А что Осокин сделал плохого?

— Он грабитель и убийца.

Девушка растерянно смотрела на Волгина. Ее глаза наполнились слезами. Не удержавшись, она закрыла руками лицо и горько заплакала. Когда она немного пришла в себя, Виктор Петрович спросил:

— Почему вы с таким беспокойством спросили об Осокине? Может быть, он ваш родственник?

— Нет... Да... — замялась и покраснела Елена, не находя нужных слов. Минутой спустя она продолжала: — я его люблю, он мне как муж... — И, смутившись, замолчала снова. Ей по-девичьи было стыдно признаться в своих близких отношениях с Осокиным. Волгин понял все, о чем она не договорила.

— Сколько вам лет? — поинтересовался он.

— Девятнадцать.

Волгин как-то машинально несколько раз начертил цифру «19» на листе бумаги, лежавшем перед чернильным прибором.

«Какой прекрасный возраст, — подумал он. — В эти годы человек только вступает в жизнь. Но если в такие годы не сможешь найти в жизни свое место, он может оступиться».

Волгин поднял глаза и с сожалением посмотрел на Елену.

— Что заставило вас так необдуманно решиться на такой серьезный шаг?

— Я полюбила Вадима, — просто ответила она. — Мне думалось — он честный, хороший... А вышло...

— Вышло опрометчиво, — дополнил Волгин. Елена задумчиво покачала головой.

— Да, получилось опрометчиво...

— Русская мудрость говорит: «Выйти замуж на скорую руку — быть может, на долгую муку», — заметил Волгин. — Прежде чем человеку найти себе друга, нужно хорошенько разобраться, с кем жизнь придется прожить. — И, желая знать отношение Анны Васильевны к поведению своей племянницы, спросил: — А как смотрела на это ваша тетя?

— Никак... Считала, что я замужем.

Из беседы Волгин узнал многое об Елене. Закончив девять классов средней школы и не желая учиться дальше, она бросила учебу и годом спустя поступила работать на лесопильный завод. Но через три месяца работу бросила и снова сидела дома без дела. Анна Васильевна не возражала. О неблагоприятных делах своей тетки Елена ничего не знала. И когда Виктор Петрович спросил: «Кем и где приобретен чемодан, обнаруженный в вашем доме», — Елена, не скрывая, ответила:

— Чемодан принадлежит Вадиму Осокину. Но где он приобрел его и что в нем находилось — не знаю. Поверьте мне, я говорю откровенно, меня никогда не интересовали дела Вадима. Я люблю его, верила и даже не задумывалась над тем, на какие средства он делал мне подарки, собирал своих друзей. Я верила, что Вадим любит меня. Но, видимо, это была не настоящая любовь. Теперь я поняла, как была слепа и доверчива.

— Почему же вы умолчали об этом вчера вечером?

— Извините меня. Просто не разобралась, в чем дело. Да и тетя сбила меня с толку своим взглядом. Доверилась ее честности...

- Как часто посещал ваш дом Шашков?
- Шашков? — Елена вопросительно посмотрела на Волгина.
- Сашка, рыжий, — подсказал он.
- Ах, вот о ком вы спрашиваете. В нашем доме я видела его всего один раз. Он был у нас как-то на вечеринке. Вадим назвал его своим помощником по заготовке леса. Кто он на самом деле, мне неизвестно.
- А кто такой «Пегий»?
- «Пегий» — это Бурлак. Он приходил к нам часто и был известен мне как лучший друг Осокина.

2

Несколько дней подряд Елена ненадолго заходила к Волгину, чтобы справиться о здоровье и судьбе Анны Васильевны.

Каждый раз Виктор Петрович пытался разгадать характер молодой девушки. За эти дни Елена отчасти смирилась со своим положением и даже успела освоиться с Волгиным, показавшимся ей внимательным и добрым. Она видела в нем не только следователя, но и человека, сочувствующего ее несчастью. Волгин тоже понял: девушка ищет в нем помощи. Правда, мысль о том, чтобы помочь Елене, у него созрела еще в день ее первого прихода к нему. Но сделать какое-либо предложение, которое помогло бы ей найти свое место в жизни, все еще не решался. Присмотревшись к ней, он как-то спросил:

— Что вы намерены делать дальше?

— Сама не знаю, — грустно улыбнулась она. — Подумать как следует еще не успела.

— Времени для этого было достаточно, — заметил Волгин. — Хотите, я помогу вам?

Елена молча смотрела на Волгина. Такое предложение ее почти обескуражило. Ей не совсем верилось, что он действительно захочет принять участие в устройстве жизни человека, который еще вчера был связан с преступниками.

Волгин набрал номер телефона районного комитета комсомола. Ему ответили: «Секретаря на месте нет и будет только завтра».

Положив телефонную трубку и подумав, Виктор Петрович обратился к Елене:

— Давайте условимся: завтра в десять утра у меня будет свободное время. Приходите ко мне, и мы сходим в райком комсомола. Там обо всем и поговорим.

Еще не осмыслив сказанного, Елена удивленно спросила:

— Зачем я туда пойду?

— Поговорим насчет работы.

— Но ведь я не комсомолка.

— Пусть это вас не смущает. В райком комсомола всегда открыта дверь не только комсомольцу, но и любому молодому человеку, если ему нужна помощь.

— Трудно мне будет. Не приучена я к работе. — По выражению лица Елены можно было догадаться: предложение Волгина заинтересовало ее, но вместе с тем внесло и смятение.

В просторной комнате райкома комсомола было шумно. Несколько ребят толпились у большой развешанной на стене географической карты и отыскивали на ней какие-то населенные пункты. И как только кто-нибудь находил то, что было нужно, с задором восклицал:

— Вот мой, посмотрите. — Но тут же другой возражал: — Что твой — мой куда больше!

— А мой ближе, — перебивал третий.

— Ну и что же, что твой ближе, зато мой богаче, — снова вступал в спор первый.

Две девушки-шатенки с длинными косами и дюжий паренек молча заполняли анкеты. За другим столом сидел круглолицый с голубыми веселыми глазами юноша. Как раз в тот момент, когда он закончил разговор по телефону об отправке первой группы молодежи на работу в целинные совхозы, вошли Волгин и Елена Кучеренко.

— Здравствуй, товарищ Гришин! — сделав несколько шагов от порога, Виктор Петрович протянул ему руку.

К столу несмело подошла и Елена. Поздоровавшись с Волгиным, секретарь подал руку и ей.

— Елена, — смущенно отрекомендовалась она.

— Анатолий, — ответил юноша и предложил стул.

— Мы к тебе, товарищ Гришин, ненадолго. Посоветоваться надо по одному делу, — начал

Волгин, присаживаясь напротив Елены, а, кивнув головой в ее сторону, продолжал: — В помощи девушка нуждается. Вот мы и решили с ней — пойдем в райком комсомола, там и посоветуют и помогут.

— Плату за совет не берем, — пошутил Гришин. — Чем сможем, обязательно поможем.

— Дело у нас не очень сложное, — стал объяснять Волгин. — Понимаешь, с девушкой произошла в жизни неприятность...

Елена забеспокоилась. Ей ужасно неприятно было слышать о своей печальной истории, тем более в присутствии молодых людей.

Виктор Петрович понял причину ее волнения и сразу приступил к главному.

— Девушка не имеет родителей, не учится, не работает — принимай и помогай.

Елена быстро посмотрела на Волгина и улыбнулась.

— Ну что ж, добро пожаловать, — сказал Гришин. — Только не знаю, куда бы это тебя определить. — Подумав, он решительно спросил: — На целинные земли поедешь?

Елена растерялась.

— А что я там буду делать?

Гришин засмеялся.

— Ну и вопрос! Будешь делать то же, что и они, — и показал на юношей, беседовавших у географической карты. — Вместе с ними будешь строить совхозы, пахать, сеять, убирать. Одним словом, стране хлеб будешь давать.

— Но... Но я же ничего не умею делать, — смутившись, сказала Елена. Гришин снова кивнул на ребят и продолжал:

— Они тоже не все еще умеют делать. Но не боги горшки обжигают. Сегодня не умеют — завтра будут уметь. Научатся. Было бы желание. Так вот, решай. Подумай хорошенько. Надумаешь — приходи к нам, и мы поможем.

4

...Через неделю Елена была готова в дорогу. Закончив последние приготовления, она перед отъездом забежала в городской отдел милиции поблагодарить Волгина.

Виктор Петрович крепко пожал девушке руку.

— До свидания. Желаю вам самых лучших удач в вашей жизни.

Простившись, Елена не уходила. Минуту она стояла молча и видно было, что хотела что-то сказать, но не решалась. Затем, набравшись смелости, заговорила:

— Я понимаю, Анна Васильевна виновата в своем преступлении, как и виновата передо мной. У меня к вам будет последняя просьба: передайте ей, что если она поймет все — мы встретимся с ней снова. И еще прошу передать о моем отъезде на целинные земли.

Елена повернулась и быстро пошла к выходу. Когда она уже была почти за порогом, Волгин окликнул ее:

— Елена, подождите, — он торопливо выдвинул ящик стола, достал книгу и наспех сделал на ней какую-то надпись.

— Возьмите на память.

Елена изумленно посмотрела на книгу. У нее признательно забилося сердце.

...Прижавшись щекой к стеклу вагонного окна, Елена смотрела вдаль. Мимо проплывали перелески, мелькали зеленые ели, телеграфные столбы. Через час пути среди полей, слегка запорошенных снегом, отсвечивая голубизной, показалась широкая лента реки.

— Волга! — Елена не отрывала глаз от живописной картины. Кое-где круто поднимались берега, покрытые густым лесом. Иногда открывалась бескрайняя равнина, уходящая далеко-далеко к затянутому серыми тучами горизонту. А поезд неумоимо бежал на восток, унося ее за тысячи километров, в Казахстан.

«Что меня там ждет? — с волнением думала Елена. — Как построю свою жизнь? С чего начинать?» — Неизвестность и пугала ее и в то же время манила. Ей хотелось увидеть свое будущее прекрасным.

...Спустя несколько месяцев Волгин получил письмо. От него веяло правдой, уверенностью. «Ну, вот я и на целине, — сообщалось в нем. — Живу, как и остальные приехавшие со мной, пока в общежитии. Мне даже не думалось, что я смогу так быстро привыкнуть и найти настоящих хороших друзей. Моими лучшими друзьями стали жители нашего совхоза, комсомолы. Они приходят на помощь, когда мне бывает тяжело. Я очень благодарна им, они научили меня трудиться.

Несколько дней я работала на строительстве жилых домов, перелопачивала зерно. Делаю все, на что способна. Ребята советуют мне

вступить в комсомол, но я пока не решаюсь, боюсь рассказать о своем прошлом. Даю вам, Виктор Петрович, честное слово — за поручительство вам краснеть не придется».

СОБРАНИЕ РАБОЧИХ В РТС

1

В скором времени после посещения Астаховым РТС председателя рабочего комитета Короткова пригласили в райком партии. Вначале он не знал, с чем связан этот вызов. Но, увидев в приемной Астахова, догадался: «Наверно, опять разговор о Зубове. Обещал же он продолжить его». Коротков подчеркнуто недовольно кивнул головой. Степан Ильич молча ответил тем же.

Ждать долго не заставили. Не прошло и пяти минут, как их пригласили к секретарю.

Маленький, полный, уже немолодой, но подвижный и всегда жизнерадостный, секретарь райкома вышел из-за стола навстречу Астахову и Короткову. В кабинете все выглядело скромно. Во всю длину комнаты стоял стол, покрытый зеленым сукном, а вокруг него десятка два стульев. Небогатую обстановку дополняли старинные часы в дубовом футляре, стоявшие в левом углу от двери.

— Извините, товарищи, через полчаса у меня заседание бюро, — быстро заговорил секретарь и, улыбнувшись, добавил: — Прошу покороче да поконкретнее. Как говорят: меньше слов — больше дела.

Первым начал Астахов. Как и ожидал Коротков, речь пошла о Зубове. В нескольких словах Степан Ильич изложил причины, которые заставили его прийти в райком партии.

— Мы с Коротковым не могли договориться. Год тому назад рабочий РТС Зубов на почве пьянства оставил семью, а товарищ Коротков не считает нужным вмешаться.

Коротков терпеливо выслушивал. А когда Астахов закончил, скрепя сердце признал:

— Да, мы знаем, что Зубов пьет. Ему несомненно нужна помощь. Но мне непонятно одно: почему борьбу с пьянством, которое происходит за пределами РТС, должен вести рабочий комитет. Ведь Зубов пьет не на производстве и пьяным бывает не на работе. Чем же тогда будет заниматься наша милиция? До сих пор мне казалось, что она и существует только для наведения порядка и борьбы с пьяницами. И непонятно, почему кто-то должен исполнять ее функции.

— По-моему, не так важно, кто и какими функциями наделен, — сказал секретарь. — Важно человека из пьянства вырвать, не дать ему погибнуть. Будем говорить, к примеру, о Зубове. Сегодня по деловым качествам он считается средним рабочим. Но насколько мне удалось понять из вашего разговора, годом раньше он был отличником производства. Стало быть, человек покати́лся по наклонной вниз. Разве не водка этому причина? А есть ли у вас, товарищ Коротков, гарантия, что он и на будущее останется средним рабочим? Конечно, нет. И если не взяться за него всем коллективом, он несомненно может опуститься

и стать вовсе не способным к труду. А может быть, скатится и к более неприятным последствиям. Правда?..

— Совершенно верно, — подтвердил Степан Ильич и, обратившись к Короткову, добавил: — Должен сообщить вам, что Зубов уже стоял на грани пропасти. Случайно встретившись по пьяной неразборчивости с уголовными преступниками, он чуть было не попал к ним на удочку.

Секретарь райкома посмотрел на Короткова и укоризненно покачал головой.

— Вот видите! А вы ищите каких-то разграничений функций. Не этим, дорогой мой, нужно заниматься, когда человек гибнет. Спасать его нужно. Спасать всеми силами. Понимаете?

— Понимаю, — улыбнулся Коротков.

— Вот и хорошо. А как поступить с Зубовым, подскажу. Начинайте с рабочих РТС. Они, если захотят, могут взять его на поруки и сделать из него настоящего человека. У рабочих хватит сил заставить Зубова уважать коллектив, семью и себя.

2

Несколькими днями позже в Пригородной РТС состоялось не совсем обычное собрание. Председательствовал на нем старый мастер Николай Федорович Соболев. Заняв место в президиуме, старик сиплым баском сообщил:

— Товарищи, сегодня нам нужно поговорить о Григории Зубове, — и рукой показал на

передний ряд, где сидел виновник. Григорий выглядел каким-то жалким, виноватым.

В зале раздался шумок. С волнением смотрели на Григория Астахов и Коротков.

Соболев продолжал:

— Так вот, товарищи! Случилась беда — пьет человек. С толку сбился. Семьи у него не стало. Жена ушла...

— Да что ты, Николай Федорович, за него отчитываешься, — выкрикнул кто-то с места: — Сам пусть расскажет!..

Григорий молчал. Похоже было на то, будто у него отнялась речь. Сгорбившись и еще ниже опустив голову, он застыл. Ему было стыдно участвовать в таком собрании.

Все ждали, но Григорий, казалось, и не думал говорить.

— Я все расскажу, — внезапно поднялся он с места и, задыхаясь от волнения, медленно прошел на клубную сцену.

Говорил Григорий о себе горячо, искренне, не защищаясь. Он не плакал и ничего не просил. Он только надеялся, что товарищи поймут и отнесутся к его словам сочувственно.

Когда Григорий Зубов кончил, в зале некоторое время стояла тишина. Председательствующий спросил:

— Кто желает выступить?

Рабочие молчали. Наконец из средних рядов поднял руку высокий парень.

— Дай-ка, Федорыч, я скажу пару слов.

Он вразвалку подошел к подмостку, не спеша поднялся на трибуну, глухо заговорил:

— Непонятно мне, к чему нам много толковать о Зубове. Разве мы не знаем его? Мужик

он что надо: работает не покладая рук, план выполняет... А что касается его семейных неполадок, то, мне думается, и вступать в них нет надобности. Пусть сам разберется. Мало ли у кого из нас не случилось что-либо в семье. Так стоит ли обращать внимание на всякие мелочи. Вот будь бы Зубов лодырь на производстве, тогда совсем другое дело. Тут-то поругать его нужно было бы обязательно. А уж коль с женой лад его не берет, так невелика в том беда. Поругаются — помирятся. А не помирятся — их дело, мы им не судьи. Или будем говорить о пьянстве Григория. Кто его видел когда-нибудь нетрезвым в РТС? Никто. Выходит, парень умеет держать дисциплину. Значит, знает, где можно, а где нельзя пить водку. А кто может человеку запретить выпить после работы, если ему захочется? Да никто. Нет такого постановления. Пьет он на свои деньги, заработанные... В чужой карман не лазил за ними... Не хулиганил, в милицию не попадал. Тогда спрашивается: какое нам дело до того, когда, где и сколько выпил Зубов?

В зале зашумели. В его адрес понеслись реплики:

— Ишь куда загнул! На свой аршин меряешь! Человек гибнет, семья распадается, а, по-твоему, это не наше дело. Шутишь, браток!

Возгласы не унимались. Парень пожал плечами и сошел с трибуны.

Следующим выступал широкоплечий, средних лет токарь, работающий с Зубовым.

— Кто не знает, почему ты так говоришь? — обратился он к выступавшему до него парню. — Ведь у самого же рыльце в пушку.

И от Зубова ушел ты совсем недалеко: пьешь беспробудно и производственный план еле-еле тянешь. Вот потому и заступаешься... А теперь скажу про Зубова. Вот что, Григорий. Зашел ты в своем поведении далеко, очень далеко. Разве раньше ты был таким, каким стал сейчас? Вспомни! Раньше в РТС ты во всем был первым. Кто у тебя отнял силу? Водка! Или посмотрим на твои семейные дела. Почему от тебя ушла жена? Кто виноват?

Григорий, не поднимая головы, нервно теребил в руках засаленную шапку.

— А можем ли мы после всего спокойно смотреть на такую жизнь Зубова? — обратился токарь к собранию. — Нет! Мы не имеем права стоять в стороне, быть безразличными и безучастными к его судьбе. Среди нас таких, как он, быть не должно. Мы не должны допустить, чтобы на наших глазах разрушалась семья Григория. Мы обязаны помочь своему товарищу. Я предлагаю присмотреться к Зубову и серьезно предупредить его: остепенишься, поймешь нас, слушаешь нашего совета — будешь с нами, а нет — потеряешь ты наше уважение.

Один за другим на трибуну поднимались люди и осуждали Зубова. В конце собрания Григорий снова попросил слово.

— Если вы мне поверите и простите, — сказал он, — я больше никогда не подведу, не опозорю коллектива. Даю вам честное слово...

Председатель рабочкома Коротков остался доволен собранием. Он не ожидал, что рабочее РТС так активно и резко будут осуждать Зубова за его поступки.

Из РТС после собрания Зубов возвращался поздним вечером. В голове роились мысли. «Теперь все позади», — облегченно подумал он.

Впервые за многие месяцы Зубов свернул не на дорогу, которая вела в пивную, а на 3-ю Заречную.

Было поздно. Григорий по знакомым ступенькам поднялся на второй этаж, немного постоял на площадке и нерешительно нажал на кнопку звонка. Как радостно забилося у него сердце, когда он услышал в прихожей мелкие шаги и знакомый женский голос: «Кто там?»

— Это я, Григорий...

Люба открыла дверь. Минуту они стояли друг против друга, не находя слов для объяснения. Люба уступила дорогу, и Григорий вошел в комнату.

...Усталый, но довольный возвращался из РТС и Астахов. Откинувшись на спинку переднего сиденья автомашины, дремля, он только слышал мерный стук мотора.

Астахов закрыл глаза и представил себе Зубова. Теперь он несомненно выйдет на твердую почву. Астахову стало радостно, что среди многих доброжелательных рук, протянувшихся к Зубову, была и его рука. Задумавшись, он не заметил, как машина въехала в город.

— Куда? — спросил водитель.

— В отдел.

Астахов поднялся в кабинет и зажег свет.

Узнав о его приезде, почти следом за ним вошел дежуривший по отделу Субботин.

— Вас спрашивал секретарь райкома, — доложил он.

— Беспокойный человек, — улыбнулся Степан Ильич. — Наверное, хотел узнать, как прошло собрание.

Астахов набрал номер телефона. Секретаря на месте не оказалось. Кто-то ответил, что он уехал в колхоз. Астахов включил зеленый абак и начал бегло перечитывать служебную почту. Субботин смотрел на его усталое лицо и думал: «Бывают ли у этого человека часы отдыха?»

— Смотрю я на вас, Степан Ильич, и удивляюсь, — нерешительно спросил он: — сколько времени вы потратили на улаживание семейных дел Зубова? Или вам своей работы недостаточно?

Астахов оторвался от бумаг.

— А как вы понимаете «свою» и «не свою» работу?

— Я понимаю так, — продолжал Андрей Гаврилович: — у каждого человека есть своя специальность, например инженер-строитель здание какое-нибудь сооружает, бухгалтер хозяйственные расчеты ведет... А нам, работникам милиции, законом положено вести борьбу с преступниками. Вот так каждому свое место и своя работа. А что касается семейных споров, то не дело милиции в них разбираться. На это есть народный суд.

Степан Ильич поднялся и прошел в угол кабинета к небольшому книжному шкафу. Открыв стеклянную дверь и взяв с верхней полки

томик Ленина, он быстро перелистал его, нашел нужную страницу и показал пальцем.

— На, читай! Вот здесь, где подчеркнуто.

Субботин прочитал несколько строк и молча возвратил книгу. Астахов поставил ее на прежнее место.

— Как видишь, Владимир Ильич при всей своей занятости уделял внимание и вопросам семейного быта. Быт не частное дело. Неполноценности одной семьи затрагивают интересы всего общества. Теперь ты понял, почему так много времени я уделил семье Зубовых?

— Вполне, — улыбнулся в ответ Субботин.

ПРИЗНАНИЕ ШАШКОВА

Часто посматривая на часы, Субботин с нетерпением ждал возвращения Волгина. Только в одиннадцатом вечера за окнами послышался мерный рокот автомобильного мотора. Андрей Гаврилович быстро посмотрел на улицу. Крыльцо главного входа осветили фары «победы». Александр Шашков вышел из автомашины и в сопровождении Волгина прошел сперва в дежурную комнату, а затем поднялся на второй этаж. Переступив порог кабинета, он бессильно опустился на указанный Волгиным стул.

Шашков выглядел совсем не таким, каким Субботин видел его впервые несколько дней тому назад. Сейчас он был скучным и угрюмым. Куда девалась былая выправка, веселая улыбка и бойкий тон речи. Исчезла и самоуве-

ренность. Он как-то сразу весь опустился и раскис. Шея глубоко втянулась в плечи, спина сгорбилась, руки, словно плети, свисали, чуть не касаясь пола.

Не дожидаясь вопросов, он рассказывал обо всем подробно сам. Было похоже, что в его душе что-то прорвалось. Он говорил не умолкая, как бы старался поскорее освободиться от груза, тяготившего душу. Лишь временами делал он небольшие паузы, когда вспоминал о каких-нибудь забытых обстоятельствах. С каждой новой фразой Волгину и Субботину становилось яснее, как Шашков оказался соучастником преступления.

— За две недели до того, как произошло убийство, у меня состоялось знакомство с двумя парнями, — рассказывал он. — Один из них, прилично одетый, на вид довольно симпатичный, высокий, стройный. Как позднее я узнал, это был Вадим Осокин, а по кличке называли его «Смазливый». Второй невзрачный такой — маленький, курносый, с перевязанной бинтом головой. Это был Бурлак — товарищ Осокина. Кличку ему кто-то дал вроде лошадиной — «Пегий». Знакомство наше состоялось в машине. В тот день я работал с утра. Незадолго перед концом смены, когда я остановился на привокзальной площади, эти двое наняли мою машину и велели отвезти их в город к центральной сберегательной кассе. Из разговора я догадался, что вроде хотят они деньги снять с аккредитива. Мне их дела были ни к чему. Мало ли кого доводилось перевозить в машине. Даже не обратил на них внимания. Отвез по назначению, немного подождал, потом

еще кое-куда их свозил, а потом доставил обратно к вокзалу.

Шашков показал, что на сей раз пассажиры оказались необычно обходительными. Находясь в машине, они всю дорогу шутили, смеялись, угощали его папиросами и конфетами. Особенно проявлял к нему внимание Осокин. Одним словом, как отозвался о них Шашков: «Люди попались что надо — простые, душевные». А когда расставались, Осокин по-приятельски предложил ему встретиться после работы в городской пивной.

— Я принял предложение, — тяжело вздохнул Шашков. — Никогда не подозревал, что буду так хитро втянутым в грязную историю... Эх-х, и зачем понадобилась мне эта встреча?! — Обеими руками он ухватился за голову и лихорадочно потряс ею. Затем моментально опомнился, поднял на Волгина глаза и быстро перевел взгляд в угол комнаты, где на маленьком столике стоял графин. Виктор Петрович понял его желание, налил воды в стакан и поставил перед ним. Шашков несколькими большими глотками выпил воду, немного успокоился и продолжал:

— В тот же день состоялась моя встреча с ними. Угощали они меня, откровенно скажу, богато, не скупилась. Одним пивом дело, конечно, не обошлось. Ну, а после всего и до дома проводили меня. Расстались мы чин по чину, как будто давние приятели. Двумя днями позже там же мы встретились снова. Вот так мы и стали вроде друзьями...

Случайные люди, в которых Шашков не видел ничего плохого, основательно вошли в его

жизнь. Встречи между ними становились более частыми, теснее были их отношения. Слепо доверившись, Шашков ни разу не поинтересовался, кто они такие. Однажды в пивной при расчете за ужин он признался, что у него нет денег. Друзья не поскупились. Осокин, расплатившись с официанткой, сунул ему в карман две десятирублевые бумажки, Шашков не отказался. А вскоре наступил час, когда нужно было возвращать долг...

— Тогда я понял, почему они так щедро угощали меня, зачем я им понадобился, — нахмурился Шашков.

Он не мог назвать имени мужчины, которого убили и ограбили его друзья. Он не знал этого человека.

— Случилось все как и в первый день нашего знакомства, перед концом моей вечерней смены, — продолжал Александр. — Друзья незадолго до десяти часов остановили меня у городского кинотеатра и попросили отвезти их на Овсов разъезд. Шел проливной дождь и, откровенно говоря, исполнять их желание мне не хотелось. Но пришлось повиноваться, ведь я же был у них в долгу. И поехал. Не подозревал я ничего плохого, клянусь, не подозревал. — Голос Шашкова задрожал и на время умолк.

— А по какой надобности ездили вы к Овсову разъезду? — спросил Виктор Петрович.

— Встречали с поезда какого-то мужчину. Кто он, не знаю, — ответил Шашков и снова продолжал историю своих походов в тот вечер. — Возвратившись с Овсова разъезда и высадив неизвестного, мы поехали к вокзалу.

Осокину и Бурлаку захотелось перекусить, и они ушли в буфет. А потом...

Шашков приблизился к наиболее тяжелой части воспоминаний. Как наяву, он увидел здание железнодорожной станции, освещенный ночными фонарями безлюдный бульвар, политую обильным дождем привокзальную площадь. Вспомнилось ему, как автомашина, обогнув сквер, вышла на главную улицу, набрав скорость, какую только можно было развить на булыжной мостовой. Разбрызгивая по сторонам жидкую грязь, «победа» мчалась на полном газу. С притушенными фарами машина не снижала скорости даже при крутых поворотах, отчего задние колеса заносило почти до самой обочины придорожного кювета. Шашкову казалось, будто он и сейчас находится в той самой машине, которая мчалась тогда по Заречной, потом по Луговой. Особенно в его памяти запечатлелись: угрожающий взгляд Вадима Осокина; яростное сопротивление пьяного мужчины, севшего с ними в машину с большим чемоданом, его крик о помощи.

Нервная дрожь пробежала по всему телу Шашкова. Чувствуя прилив крови к голове, он на мгновение умолк. Волгин и Субботин не торопили его. Они дали полную возможность все обдумать самому.

Помедлив, Шашков продолжал о том, как Осокин и Бурлак учинили расправу над своей жертвой, и закончил тем, в котором часу ночи они добрались до Березовского моста и в каком месте сбросили труп в реку.

Многое из того, о чем на протяжении целого часа рассказывал Шашков, следователям было

известно. Шашков лишь уточнял и дополнял подробности, давшие возможность Волгину и Субботину представить себе более полную картину преступления.

Когда Шашков рассказал все, что знал о преступлении, он облегченно вздохнул и коротко заключил:

— Теперь делайте со мной, что хотите.

Только после этого Волгин начал задавать ему вопросы.

— Из вашего объяснения можно понять, будто вы к убийству Воронова не причастны?

Шашков медленно поднял голову и безразличным взглядом посмотрел на оперативного уполномоченного. Настольная лампа осветила его бледное измученное лицо, покрытое мелкими рыжими веснушками.

— Оправдываться больше нет смысла, да я и не стану, — ответил он. — Преступление не обходилось без моего участия. Я гнал машину, сколько было возможно, без света, по топкой, заболоченной дороге. В одном месте сидел в луже и еле выбрался, но поехал... Делал все, что приказывали...

— Приказывали! — иронически улыбнулся Субботин.

— Да, приказывали, и не просто приказывали, а угрожали...

— Но почему же вы умолчали об этом на первом допросе? Ведь у следователя, кажется, вам никто не угрожал? — спросил Волгин. Шашков виновато посмотрел на Субботина.

— Вряд ли вы захотите поверить, какая причина заставила меня промолчать. Страх перед

расправой за донос, которой мне не раз угрожал Осокин. Не подумайте, что я просто хочу оправдаться, спасти себя. Нет. Но мне хочется сказать вам правду: мой страх оказался сильнее моей воли. Хотя вы и не поверите...

— Напрасно вы так думаете: искренность от лжи всегда отличить можно, — возразил Субботин.

— Мне давно хотелось избавиться от этой грязной компании.

— Хотелось! — сердито заметил Виктор Петрович. — Хотел, но не избавился, был прикован страхом и деньгами...

— Да, боялся, — повторил Шашков. — Я смалодушничал, говорил неправду, старался скрыть преступление, но больше лгать не хочу, не буду, не могу.

Оказалось, Осокин и Бурлак, зная о проживавшем в деревне Рубцовке брате Шашкова, использовали это для того, чтобы замести следы преступления. От Березовского моста они возвращались глубокой ночью. Осокин все продумал хитро. Он заставил Шашкова ненадолго заехать в Рубцовку к больному брату, пытаясь тем самым скрыть истинную причину позднего возвращения машины в таксомоторный гараж.

Рассказал Шашков и о своем посещении дома на улице Полянской.

— Заходил я туда примерно недели три тому назад. Не привелось никому попадать в такую компанию. Это было первый и, наверно, последний раз в моей жизни. — И подробно описал происходившую в квартире Анны Кучеренко вечеринку.

— Не хотелось мне быть там, но скрепя сердце терпел...

— Опять-таки скажете: пил водку и веселился из-за боязни расправы, — улыбнулся Субботин. Его замечание обидело Шашкова.

— Знал я, что вы не поверите мне. Но было именно так.

Волгин задал вопрос, касающийся знакомых Шашкова. В ответ последовало несколько фамилий. Называя друзей и знакомых, Шашков говорил все, что знал о них, но никто из названных лиц не заинтересовал Волгина. А когда Шашков закончил, он спросил:

— Григория Зубова вы знаете?

Шашков рылся в памяти, названная фамилия оказалась ему незнакомой, поэтому спустя некоторое время он покачал головой и ответил:

— Нет, такого не знаю.

Виктор Петрович поднялся из-за стола, достал из стоявшего рядом железного сундука старую фуфайку, которую Зубов признал за свою, и показал ее Шашкову.

— Кому принадлежит вот эта одежда? Она найдена около Березовского моста.

Шашков долго рассматривал предъявленную вещь, хотя в ней не было ничего приметного, что могло бы показаться ему знакомым. Но вскоре сообразил, кому принадлежит эта фуфайка и почему она оказалась на том месте, где был сброшен в воду труп. Шашков хорошо запомнил верхнюю одежду всех своих пассажиров.

Осокин был одет в короткую, не по его широким плечам старую засаленную фуфайку.

Бурлак, как обычно, в длинном черном демисезонном пальто. Воронов в армейской защитного цвета куртке. На обратном пути у Осокина фуфайки уже не было. Он надел на себя куртку Воронова.

— А вот это кому принадлежит? — испытующе посмотрел Волгин на Шашкова, показывая ремень от вентилятора. Тот ответил без колебаний.

— Мой, старый, ненужный. Валялся около заднего сидения машины на полке. Его взял Осокин, а что делал с ним, не знаю. Я стоял поодаль моста и никуда из машины не выходил.

— Ловко придумано, — засмеялся Субботин. — Фуфайка принадлежит Зубову, ремень — шоферу.

Шашков встрепнулся. Он понял, что сказал следователь. Им овладело чувство негодования.

— Выходит, Осокин и Бурлак человека убили, а вещички на месте преступления оставили чьи-то, — злобно загорелись у Шашкова глаза. — Начнут вести расследование, так мол наша хата с краю, а нападут на след, так пусть отвечают те, кому принадлежит фуфайка и ремень. Так, что ли?

— Совершенно правильно, — подтвердил Волгин.

— Ничего у них не выйдет, — заволновался Шашков. — На мне далеко не уедут... Больше я не стану умалчивать о них... Я открою их подлые лица...

— Но для того, чтобы преступника разоблачить, необходимо прежде всего знать, где он

находится, — сказал Волгин, вызывая Шашкова на откровенность.

— Я помогу вам найти этих подлецов, — сказал Шашков, и сообщил то, о чем упустил в своих показаниях.

Незадолго до того, как был задержан милицией, Шашков встречался с Осокиным на одной из улиц Гурьевска и имел с ним короткую беседу. «Мы с Бурлаком на десяток дней из города уезжаем. Подработать нужно... Смотри, держи язык за зубами, а не то... — угрожающе предупредил он его. — Да встречай нас около Овсова разъезда». Определенный день встречи не устанавливался. Шашков обязан был выезжать на Овсов разъезд к прибытию поезда каждый вечер во время своего дежурства на машине такси. Куда они собирались уезжать, Шашков не знал.

— И вы встречали их? — с особым интересом спросил Волгин.

— Да, встречал трижды. Но они не приехали.

— А точное место встречи было обусловлено? — спросил Волгин снова.

— Мне велено ждать в лесном массиве на перекрестке двух дорог.

Местность около Овсова разъезда Волгину была знакома. Увлекаясь охотой, он не раз исходил эти места вдоль и поперек. Ему было известно, что одна дорога, протяженностью в семь километров, вела от разъезда к Гурьевску, другая пересекала ее в лесу примерно в пятистах метрах от железнодорожного переезда.

Сообщение Шашкова было весьма кстати.

После того, как под протоколом допроса были поставлены подписи, Шашков попросил отвезти его к своему дому, где он хотел бы передать что-то очень ценное. Волгин удовлетворил его просьбу и через несколько минут автомашина доставила их к дому, где жил Шашков.

Порывшись лопатой в слегка подмороженной земле около одного из деревьев, Шашков откопал консервную банку, завернутую в кусок старой клеенки, и протянул Волгину.

— Мне дал их Осокин за участие в преступлении, но я ими не воспользовался, — с волнением выговорил он.

В коробке, обернутые газетной бумагой, лежали несколько десятирублевых купюр.

АСТАХОВ В ГОСТЯХ У ЗУБОВЫХ

1

Еще неделю тому назад, когда Астахов уезжал в командировку, в Гурьевске был легкий морозец, а сейчас, по возвращении, застал стужу. Наступила зима. Белой пеленой покрыло поля, изменился облик города. На его улицах, где совсем недавно чернели мелкие гребешки затвердевшей от мороза грязи, сегодня белел снег.

После отлучки Степан Ильич, придя на работу, поинтересовался, чем заняты сотрудники, рассмотрел служебные бумаги. Правда, за короткий срок отлучки как будто ничего особого и не могло произойти. Волгин и Субботин

доложили о своих успехах в расследовании дела Воронова, о разоблачении Александра Шашкова и о мерах, принимаемых для задержания Осокина и Бурлака. Участковые уполномоченные информировали о работе на своих участках. А когда очередь дошла до секретаря отдела, тот, между прочими делами, доложил:

— Вас все спрашивал мужчина, упрямый такой! Последние три дня покоя не давал, прямо-таки надоел. Я ему говорю: Астахов в командировке, а он знай свое — день пройдет, и опять звонит по телефону...

— А кто он такой, что ему нужно?

— Спрашивал, фамилии не называет. Мне, говорит, самого Степана Ильича нужно, дело у меня до него есть.

На это сообщение секретаря Астахов не обратил особого внимания.

Едва он успел закончить знакомство с делами, как его пригласили в райком партии, а через час в райисполком. День пробежал быстро и незаметно. Когда Степан Ильич снова возвратился в отдел, было уже около семи часов вечера. Поднявшись к себе, он перечитал поступившую за день почту и только было собрался идти домой, как вдруг раздался звонок.

— Алло...

— Степан Ильич — вы? — послышался мужской голос. По особенному волжскому окаяющему говору Астахов узнал — говорил Зубов.

— А, Григорий Васильевич! — воскликнул Степан Ильич, почему-то обрадовавшись звон-

ку Зубова. — Ну, как живешь, как дела? — спросил он.

— Да так, помаленьку, благодарствуем, — бойко отозвался Зубов и тут же перешел на серьезный разговор. — Вопрос у меня к вам, товарищ майор, как говорят, сугубо личный.

Степан Ильич насторожился. Ему показалось, что у Григория опять что-то не ладится или в семье, или на работе и что ему снова нужна его помощь. Но он ошибся. Зубов заговорил о том, чего Астахов совсем и не предполагал:

— Я и моя жена просим вас, Степан Ильич, пожаловать к нам...

— Куда к вам? Зачем? — удивился Астахов. Григорий смутился. И хотя Степан Ильич не видел этого, но определил по его растерянной речи:

— Как бы вам сказать, товарищ майор, у нас с Любой не то новоселье, не то мировая... Одним словом, я и она очень просим вас прийти к нам на чашку чая...

Приглашение было неожиданным. «Не совсем удобно», — подумал Астахов. Но вместе с тем ему захотелось еще раз проверить, как живут Зубовы.

— Хорошо, приду. Как только выберу время, так обязательно загляну.

Зубов заговорил быстро и взволнованно:

— Большое вам спасибо. — Его не удовлетворяла лишь неопределенность. — А когда же вы к нам сможете пожаловать?

Астахов немного подумал, прикидывая в уме, когда у него выпадет свободное время.

— Думаю, в субботу, после пяти вечера, —

ответил он погодя и тут же спросил: — А ты где теперь живешь?

— Да вы знаете! Все там же, где были в прошлый раз!

Астахову приходилось бывать по двум адресам: на 3-й Заречной улице у Любы и в квартире, принадлежащей Григорию.

— На Кирпичной, что ли? — спросил он.

— Да, да, на Кирпичной, — скороговоркой подтвердил Зубов и еще раз повторил: — Приходите, очень просим, обязательно, ждем...

Положив телефонную трубку, Степан Ильич, не отходя от аппарата, минуту стоял задумавшись: «Значит, дела у Григория пошли на лад. Ну что же, пойду посмотрю, интересно видеть Зубова на твердых ногах...»

2

В обещанное Зубову время Степан Ильич подошел к дому с резным мезонином, где ему многое уже было знакомо: и покосившаяся калитка, и остекленная со всех трех сторон веранда, и крыльцо из шести дощатых ступеней. На железной крыше и широких кирпичных подоконниках, как белое покрывало, лежал пушистый снежок. Астахов привычно поднялся по лестнице и переступил порог. Ему никак не верилось, что это была та самая комната, где он совсем недавно встречался с Григорием Зубовым. Комната неузнаваемо изменилась. Чисто выбеленные стены чуть-чуть отсвечивали нежным синеватым оттенком. На окнах висели все те же серые льняные шторы,

которые теперь уже были чисто выстираны и выглажены. Красивая скатерть покрывала стол, на котором стоял самовар. На кровати, где когда-то Степан Ильич застал Григория, лежали две в белоснежных наволочках подушки. От комнаты веяло свежестью и уютом.

Григорий встретил гостя улыбкой. Он был чисто выбрит и причесан. Белая рубашка придавала его лицу моложавый и здоровый вид.

— Проходите, проходите, пожалуйста, — сказал Григорий и поспешил помочь раздеться. Но Степан Ильич снял пальто сам. К ним подошла Люба. Ее смеющиеся глаза как бы говорили о вернувшемся счастье. Она тоже была одета по-праздничному.

— Проходите, Степан Ильич, — добродушно пригласила она вслед за Григорием и, протягивая руку, сказала: — У порога стоять нельзя.

Астахов, крепко, от души пожимая хозяйке руку, удивленно спросил:

— Это почему же нельзя стоять у порога? Или примета какая?

— Да, примета, я ее только что сама придумала, — засмеялась Люба. — Ведь вы когда-то тоже придумали примету — «Здороваться через порог — счастья не будет». Помните?

— Помилуйте, я ничего не придумывал, — поднял Степан Ильич обе руки кверху. — Это в старину верили таким приметам.

— Мне неизвестно, что было в старину, — продолжала Люба шуткой. — А вот что не стали тогда здороваться со мной через порог, наверно, хорошо сделали. Стоило только по-здороваться не там, где нужно, и, пожалуй,

не выпало бы нам счастья встретиться еще раз...

— Нет, что ты ни говори, Степан Ильич, а я все же в приметы верю по-настоящему, — сказала мать Любы — Полина Ивановна. — Ты меня прости, если не так скажу: приметы, которые встречались на моем веку, сбывались. Помнишь, ты приходил к нам? — вопросительно посмотрела она на него и продолжала: — Посидел, поговорил, успокоил нас. А сердце мое чуяло — неспроста. И ей вот тогда говорила, — старуха показала глазами на Любу, — коль пришел в наш дом такой человек да еще с такими речами, какие ты тогда вел, значит, хорошее нас не минет. А разве я не права? — обратилась она к Любе. — Скажи? Может, и не говорила, что твоему муженьку, как утопающему, помощь добрых людей нужна? Скажи, что не говорила? Может, не советовала? Вот она и пришла, та добрая подмога Григорию. И все вышло по-моему. Как в воду глядела!

Астахов отшучивался:

— А главного-то вы, Полина Ивановна, и не приметили. Я, если не ошибаюсь, приходил к вам в понедельник. А понедельник, говорят, тяжелый день.

— Коли счастью бывать, так оно в любой день придет, — отрубила старуха.

Степан Ильич рассмеялся.

— Ну, теперь уж по-моему. Выходит, и впрямь не всякая примета сбывается.

Все сели за стол. Люба и Григорий между собой таинственно переглянулись, как бы желая что-то сказать, но, стесняясь гостя, не осмеливались. Наконец Григорий решительно

подмигнул жене, будто говорил: «Давай, начинай, тебе сподручнее». Не поднимаясь со стула, Люба повернулась лицом к стоявшему у ней за спиной буфету, достала оттуда бутылку и несмело посмотрела на Астахова.

— По маленькой, за встречу...

Свою стопку Степан Ильич прикрыл ладонью.

— Меня увольте. Не пью — печень! Недавно перенес операцию, нельзя.

— Да это же красненькое, десертное, можно сказать, женское, не повредит, — уговаривала Люба.

— И не просите, — наотрез отказался Степан Ильич.

Люба с сожалением развела руками и недовольным тоном проговорила:

— Ну, вот и приглашай вас в гости...

— Быть в гостях — еще не значит пить вино, — заметил Астахов, но, разделяя радость супругов, взял из рук Любы бутылку и попробовал было налить Григорию.

— А ведь я теперь тоже не пью, — как-то смущенно ответил тот, отодвигая от себя рюмку.

— Давно ли? — Степан Ильич вопросительно посмотрел на Григория.

— С тех пор, как в РТС на собрании побывал. Зарок себе дал — не буду... — Зубов с увлечением рассказывал о событиях в жизни своего коллектива. — Рабочие начали наводить порядок на производстве. Они установили за мной такой контроль, что и заглянуть не дают! — Григорий засмеялся, развел руками, как бы говорил «ничего не попишешь» и

добавил: — Ведь я почти из доверия вышел. А уж коль доверия нет, так надо его своим горбом зарабатывать снова.

— Да, брат, доверие—большое дело, — подтвердил Степан Ильич. — Говорят, когда человек потерял деньги, он ничего не потерял, а вот когда потерял доверие людей — значит потерял все.

Не вмешиваясь, Люба с удовольствием слушала разговор мужчин. Ей было приятно все: присутствие желанного гостя, вернувшаяся в дом радость семейной жизни. Обо всем этом говорила улыбка на ее довольном лице. Когда мужчины наговорились вдоволь, Люба поделилась и своими новостями.

— Веру Андреевну как-то встретила, — начала она, обращаясь к Астахову. — Поговорила с ней по душам. Смущена, удручена, в глаза открыто не глядит. — И, вспомнив последнюю выдумку Высоцкой, засмеялась: — Ведь нам с вами тоже досталось. И нужно же было такое сплесть... Во сне не приснится. Поэтому и глаза прячет, что знает: от меня уважения не получит...

— Да, уважение дело такое — из колодца его ведром не почерпнешь, — Степан Ильич поинтересовался: — Кстати, она еще не работает?

— Устроилась, наконец. Вашу рекомендацию использовала. Теперь она счетовод на мельзаводе.

Астахов собрался уходить, хотя ушел не сразу. Долго не отпускали его. Наконец он простился и вышел на улицу. Крупные хлопья снега заметали его следы.

ИМЕНЕМ ЗАКОНА

1

На перекрестке дорог близ Овсова разъезда, в том месте, на которое указал Александр Шашков, стояла с притушенными фарами легковая автомашина «победа». В лесу была тишина и лишь изредка ее нарушал ветерок, пробегая между сосен и шурша мохнатыми ветвями.

Времени до прихода поезда оставалось немного. Астахов, Волгин и Субботин, притаившись за кустами, напряженно всматривались через редкие ветви в сторону разъезда. Здесь же, неподалеку от них, немного ближе к кювету, положив морду на передние лапы и беспокойно шевеля торчащими кверху ушами, лежала Альфа. Чуть подальше, меж толстых стволов, притаился милицейский газик.

Почти поминутно отворачивая рукав полушубка, Степан Ильич заглядывал на руку, а стрелки часов как нарочно, казалось, двигались медленнее обычного.

— Остается восемь минут, — прошептал он, взглянув на рядом стоящего Субботина.

— А вдруг обманул? — шепотом ответил тот.

— Не должно быть, — возразил Волгин. — Мне кажется, парень решил быть откровенным, не подведет...

Каждый отсчитывал последние минуты перед опасной встречей с преступниками. Наконец время истекло. Поезд шел точно по расписанию. Вдали послышался шум локомотива.

Он то приближался, разнося по лесу легкое эхо, то как бы удалялся.

— Идет! — тревожно дрогнули сердца у ожидавших.

Поезд подходил все ближе и ближе. Гудок паровоза огласил лес. Отчетливо доносился ритмичный стук колес на стыках. Прошла еще минута, и паровоз, выпустив со свистом пар, остановился.

— Приготовиться! — чуть взволнованноскомандовал Степан Ильич.

Все насторожились. Альфа тоже, как бы поняв команду Астахова, подняла голову и, не трогаясь с места, корпусом подалась вперед.

Вскоре поезд тронулся. Послышалось мерное посапывание паровоза, и опять по рельсам побежал глухой стук. На разъезде и вокруг него в лесу снова наступила тишина. Минута... вторая... третья... пятая...

«Никого нет. Подвел...» — подумал Астахов, но продолжал терпеливо всматриваться в дорогу, идущую от них к разъезду.

Прошло еще две-три минуты и, наконец, вдали, в той стороне, где мерцала одинокая электрическая лампочка, показались две не совсем ясно различимые фигуры. Астахов локтем предупреждающе подтолкнул Субботина в бок.

Отделившись от темного кустарника, пешеходы вышли на придорожную тропинку и, держась края леса, направились в сторону перекрестка. Шли они быстро, поэтому расстояние между ними и «победой» с каждой минутой заметно сокращалось. Вот они по-

дошли ближе. Все, кто находился за кустами, уже могли хорошо различать их. Один высокий, второй на голову ниже. Тот, что был ростом повыше, освещал перед собой тропинку тусклым лучом карманного фонарика. Низкий, загинаясь, едва поспевал за своим напарником, так как нес на плече два небольших, но, очевидно, тяжелых узла.

До машины оставалось всего десятка три-четыре метров, но из нее никто не выходил. Высокий настороженно остановился и, повернувшись к меньшому, что-то тихо сказал ему. Затем, не решаясь идти дальше, издали фонарем осветил «победу».

— Спит сволочь! — ясно донесся хриплый злой голос до кустов, за которыми укрылись Астахов и его товарищи.

Астахов, сдерживая Субботина и Волгина, терпеливо подпускал пешеходов всё ближе. А когда между ними и машиной оставалось не более пяти-шести шагов, стремительно выбежал из-за кустов и бросился им навстречу.

— За мной. Брать живыми! — раздалась его решительная команда. Почти одновременно и тоже стремительно Волгин и Субботин последовали за Астаховым. Для них это было настоящим боевым крещением. Им впервые пришлось лицом к лицу встретиться с особо опасными преступниками, на мирное поведение которых рассчитывать, конечно, было трудно.

Внезапность появления работников милиции на миг парализовала Осокина и Бурлака, не ожидавших такой встречи. Бурлак тут же сообразил, в чем дело. Опомившись от

испуга, он трусливо сбросил с плеч ношу, легко перепрыгнул через придорожный кювет и устремился в лес. Но его попытка скрыться не удалась. Отбежав всего несколько метров, он за что-то запнулся, упал в рыхлый снег и едва хотел подняться, чтобы снова пуститься в бегство, как был настигнут и схвачен Волгиным. Тяжело дыша, полупьяный Бурлак попробовал было вступить в неравную борьбу и вырваться из крепких рук, но из этого у него ничего не получилось. С ненавистью он смотрел на Волгина и злобно бормотал какие-то ругательства.

— Тише, тише, «Пегий», — успокаивал его Виктор Петрович, — будь немного повежливее.

Почувствовав перевес на стороне противника, Бурлак отказался от бессмысленного сопротивления, ослабил свои мышцы и покорно пошел к машине.

В это же время рядом с машиной разгорелась другая, более опасная борьба. Осокин, увидев перед собой Астахова, опомнился от замешательства, быстро наклонился, сунул пальцы

за голенище сапога и тут же в его руке блеснул нож. Но как только он выпрямился и сделал попытку занести свое оружие, чтобы ударить им Астахова, на помощь подошли Субботин и Альфа. Рывком поднявшись

из-за кустов, собака перепрыгнула через кювет и, оказавшись рядом с Осокиным, злобно рыча, схватила зубами его за рукав короткого полупальто. Ловким приемом Астахов выбил из рук преступника нож. Вторым удачным приемом Степан Ильич положил Осокина на дорогу и навалился всей тяжестью тела.

— Врешь, не уйдешь, герой...—задыхался Астахов, кладя грабителя на лопатки.

— Руку, руку, гад! — простонал Осокин, скрипнув от злости зубами. Послышалась его отборная брань.

— Ничего, потерпишь, рука заживет, — бросил Степан Ильич.

2

Утром следующего дня Бурлак с покрасневшими от бессонницы глазами, понутив голову, сидел перед Субботиным на допросе. Унылые мысли в его голове проходили медленно, сверля сознание какой-то безысходностью. «Вот опять лишился свободы, — думал он. — Впереди скамья подсудимого. Как обойдутся со мной на этот раз? Ведь преступление за мной не первое».

Бурлак сидел недалеко от входной двери

кабинета следователя. В нем не было ничего похожего на того «Пегого», который когда-то под струны гитары задорно напевал разудалые песенки. Лохматая голова с золотой прядью и уродливый шрам от пореза на левом виске делали его еще более непривлекательным, чем он был на самом деле. Пальцы рук нервно теребили и мяли синюю кепку-восьмиклинку с маленьким козырьком.

В беседе со следователем он оказался куда сговорчивее, податливее и не таким грубым, нежели был минувшим вечером во время задержания его.

— Фамилия, имя, отчество?

— Бурлак Николай Федорович, — четко ответил «Пегий» на вопрос Субботина. Затем подробно рассказал о своей жизни и преступных похождениях.

Последние шесть лет Бурлак провел в местах заключения. До этого немного работал, хотя и без большого желания. Ему захотелось жить на широкую ногу.

— И вот однажды я совершил квартирную кражу, — продолжал свой рассказ Бурлак, — но очень скоро был разоблачен. Потом отбыл меру наказания... А потом... — Бурлак вздохнул. Оказавшись на свободе, он в течение нескольких дней не устраивался на работу, присматривался к обстановке. А в скором времени подвернулась встреча с прежними друзьями.

— И среди них попал Осокин. — Бурлак говорил о нем, как о хитром, коварном и способном влезать в душу. — Даже сам не могу понять, как быстро он сумел вновь подчинить меня своей воле. Видимо, деньги, водка и раз-

влечения опять соблазнили меня и сблизили с Вадимом. Затем мы приехали в Гурьевск. Осокин нашел своих старых знакомых и временно прижился у тети Нюры. И снова я пошел по преступной дорожке.

Об убийстве Сергея Воронова Бурлак рассказывал так, как оно было совершено в действительности. Желая в какой-то мере оправдать себя, он сослался на обстоятельства, которые, как казалось ему, могут смягчить его вину.

— В тот вечер я шел в станционный буфет не для выбора жертвы и не имел намерения убивать.

— Где вы похитили вот эту вещь? — Субботин показал ему старую фуфайку. Бурлак посмотрел и сразу вспомнил, как Осокин украл ее у Зубова в тот вечер, когда в квартире последнего происходила пьянка.

— Когда Вадим брал ее у Гришки, мы были пьяны. Эх-х, — безнадежно махнул он рукой. — Водка всю жизнь мне сгубила. Она толкнула меня на преступление, она... — Бурлак занервничал и чего-то не досказал.

— И она же привела вас к последней краже? — спросил Субботин. Бурлак не стал отрицать правды.

— Да, водка... — подтвердил он.

— И вам такая жизнь пришлось по душе?

Бурлак некоторое время молчал. «Моя жизнь?» — мысленно спросил он себя. Подняв на следователя короткие редкие ресницы, с горечью сказал:

— Вы спрашиваете, пришлось ли мне по душе моя такая жизнь? А что в ней хорошего,

гражданин следователь? Мне уже двадцать шесть лет, а я еще не знаю, что такое любовь, семья, дети... Живешь, как затравленный волк, от людей прячешься. Сердце все время замирает от страха. На каждом шагу ждешь: вот-вот тебя задержат и по заслугам накажут за твои преступления.

— Любопытно, — заметил Субботин. — Ваши преступления черной тенью преследуют вас днем и ночью, зачем же вы тогда их совершаете?

Бурлак ничего не ответил и только пожал плечами, как бы говоря: «Не знаю».

— А специальность у вас есть? — спросил следователь.

— Плотник пятого разряда. В колонии научили.

— А почему не работали после освобождения из заключения?

В кабинет следователя вошел Степан Ильич и остановился, опираясь спиной о дверной косяк. Видя, что Бурлак затрудняется ответить на поставленный Субботиным вопрос, Астахов подошел поближе и спокойно сказал:

— Не работал потому, что не хотелось. Не так ли? А пошел бы работать, настоящий хороший человек из тебя получился бы.

Бурлак старался понять, о чем ему говорили. Едва Степан Ильич замолчал, как он, быстро заикаясь, прохрипел:

— Жизнь бы только сохранили, гражданин начальник. Работать пошел бы, совсем по-другому бы вести себя стал. — В его словах послышался страх перед ответственностью за

совершенные преступления и особенно за убийство Воронова, страх за свое будущее...

Через несколько минут после того, как Бурлака увели из кабинета, Степан Ильич обратился к Субботину:

— Посмотрел я сейчас на Бурлака и подумал. А ведь в его судьбе доля и нашей вины есть... Да, да, не удивляйся. Вот был Бурлак в заключении, к труду его там приучили, специальность дали, но, очевидно, сознание переделать не сумели и выпустили на свободу. Иди, мол, трудись... Семью заводи... Честным будь... Но, как видишь, ничего хорошего из него не получилось...

— При чем же здесь мы? — не удержавшись, поспешил Андрей Гаврилович.

— Постой, не спеши... — Астахов поднялся со стула, по привычке заложил руки за спину и прошелся взад и вперед по комнате: — Мы — это не значит ты да я. Это не Астахов и Субботин. Мы — это вся общественность. Согласись, что в колонии, где Бурлак отбывал наказание, конечно, сделать всего не могли для его перевоспитания. Его окончательно можно было исправить лишь в рабочем коллективе, на каком-нибудь производстве. А с ним этого как раз и не произошло. По выходе из заключения он прошел мимо нашего внимания. Я говорю «мимо нашего внимания» — это значит мимо тебя, меня и всей общественности. И вот старые ненадежные дружки Бурлака опередили нас, повернули его не туда, куда следовало повернуть. Вот тебе и результат...

В то время, когда Бурлак находился у Субботина, в соседней комнате Волгин допраши-

вал Осокина. Уже с самого начала допроса Осокин повел себя нагло. В его манере держать себя не было ничего похожего на поведение Шашкова или Бурлака. Он грубил, из-за чего Волгину то и дело приходилось призывать его к порядку. Нагло ухмыляясь, он категорически отрицал свое участие в убийстве Воронова. Понимая, с кем имеет дело, Виктор Петрович сказал:

— Гражданин Осокин, вы полностью уличены, и вам нет смысла закираться.

Сверкнув металлическим зубом, Осокин перешел на свой особый жаргон:

— Меня на жогу не возьмешь, гражданин начальник, на бас тоже ничего не получится. Нахалку мне не пришьешь. Найди немного по-дурнее да нервишками послабее, тех и пугай. Знаем мы вас...

— Осокин, не забываетесь, — спокойно, но строго предупредил Волгин. — Вы находитесь не в квартире тети Нюры, не на «заготовках леса» и не в компании «Пегого» и «Рыжего».

Осокин быстро повернул голову в сторону оперативного уполномоченного и беспокойно посмотрел на него. «Значит, кто-то выдал меня, — злобно подумал он. — Но кто же?» — И скрипнул зубами. Ему было невдомек, что вот-вот и он будет приперт такими уликами, от которых трудно отвертеться.

Волгин набрал номер телефона Субботина и попросил принести ему вещественные доказательства по делу убийства Воронова. Через минуту они лежали у него на столе.

— А это? — Виктор Петрович показал Осо-

кину фуфайку. — Разве не похитили вы ее на улице Кирпичной у Григория Зубова? А это? — показал он на вентиляторный ремень от автомашины «победа». — Разве не вы прихватили его из машины Шашкова? — А это? — открыл он крышку большого коричневого чемодана. — Разве не вы взяли его у Сергея Воронова? А это? — выложил Виктор Петрович на стол несколько десятирублевых бумажек, переданных Александру Шашкову. — Разве не вы польстились на трудовые деньги убитого вами человека?

Осокин нахально посмотрел на Волгина и дерзко ответил:

— Кому эти вещи принадлежат, тот пусть и отвечает.

Виктор Петрович понял, что его предположения оправдались. Осокин умышленно оставил на месте преступления чужие вещи, чтобы отвести от себя подозрение в убийстве.

— Вам этих доказательств мало? Хорошо, мы дополним другими...

Через некоторое время дежурный по отделу привел в кабинет Шашкова, который смело стоял перед Осокиным и на вопросы Волгина отвечал:

— Да, это он... Он впутал меня в грязную историю... Он убил... Он дал мне ворованные деньги... Он...

Осокин нервно передернул плечами, злобно сверкнул глазами и сквозь зубы процедил:

— Сука! — что означало на его языке «предатель».

— Может быть, вам и этого недостаточно? На смену Шашкову Виктор Петрович велел

привести Бурлака. Осокин никогда не думал, что его вчерашний напарник станет сегодня его противником. Но ошибся. Бурлак повторил то же самое, что и Шашков.

— Да, это он... Он организовал убийство... Он...

— Ну, может, вам еще Зубова позвать? — усмехнулся Волгин.

Осокин, плотно сжав зубы, молчал. Он понял, что дело повернулось не в его пользу, но все еще не сдавался.

— Нет, я ни в чем не виноват! Они врут, наговаривают на меня, стараются спасти свои шкуры...

Виктор Петрович остановил его.

— Осокин, поймите, у этих людей еще есть немного совести. А вы? Вы потеряли всякую совесть...

Осокин встрепенулся и прибег к другому, наглому способу обороны.

— Вы оскорбляете меня! — возмущенно сказал он. — Назвать человека бессовестным безнаказанно нельзя!

Волгин невозмутимо посмотрел на Осокина.

— Оказывается, вы чувствительны к своей чести! — засмеялся он. — Вы говорите о своей чести так, будто и на самом деле ею дорожите. Но что у вас осталось честного? Что человеческого еще осталось у вас? Вы только внешне похожи на человека, а повадки ваши — звериные.

— Шутки играешь, гражданин начальник, о законности забыл? — развязно бросил Осокин.

Волгин сердито сдвинул брови.

— Вы неплохо разбираетесь в законах, —

спокойно заметил он. — Но, как видно, вы признаете лишь те законы, которые выгодны для вас? А человека убивать, а грабить и воровать, а трусливо врать даже тогда, когда пойман за руку, разве об этом закон ничего не говорит? Говорит!

Наступила пауза. Осокин с завистью посмотрел на Волгина, закулившего папиросу. Виктор Петрович перехватил его взгляд.

— Хотите? — И положил перед ним портсигар. Подавив в себе желание, Осокин от угощения отказался. Несмотря на неоспоримые доказательства его вины, он продолжал выискивать доводы, чтобы как-нибудь замести следы своего преступления.

— Свалить вину на других вам не удастся, — решительно заключил Волгин. — Виновость ваша полностью доказана, можно обойтись и без вашего признания. Правда, чистосердечное признание, возможно, могло смягчить вашу участь. Но если вам хочется лгать и увертываться, пожалуйста... Между прочим, сколько раз судимы?

Осокин грубо бросил:

— Что спрашиваете, сами, наверно, знаете.

— Четыре раза, что ли?

— Кажется, так, — неохотно согласился он.

В заключение Виктор Петрович спросил Осокина, сколько раз за свою жизнь он определялся на работу.

— Ни разу, — с какой-то глупой гордостью ответил тот.

Уже совсем поздно вечером Виктор Петрович сидел в кабинете Астахова и вместе с ним окончательно подводил итоги расследования

убийства Воронова. В скором времени подо-
спел Субботин.

— Легко на помине, — улыбнулся Степан Ильич. — А мы только что о тебе речь вели.

— А что? — не понял следователь.

— Да вот вспомнили, как ты Зубова того... арестовать собирался, — засмеявшись, вставил Волгин.

Андрей Гаврилович ответил тоже шутливо:

— Ладно. Будет уж вам. Кто старое вспоминает — тому глаз вон.

— Да, да, старое вспоминать не будем, — согласился Астахов. — Только и забывать об этом никогда нельзя. Надо всегда и всюду помнить, что мы имеем дело с людьми и что обходиться с ними нужно чутко, осторожно. А главное — никогда не проявлять поспешности в решении вопроса, чтобы не причинить людям незаслуженного унижения и оскорбления...

3

Как-то двумя неделями позже, к концу дня, Зубов зашел в отдел милиции, хотя и не испытывал в этом особой надобности. Просто ему захотелось поделиться с Астаховым своими впечатлениями о судебном процессе над Осокиным и его пособниками.

— Из зала суда иду, — начал он, присаживаясь к столу. — Первый раз в жизни свидетелем довелось быть.

Степан Ильич уже знал о ходе судебного разбирательства и приговоре по делу, но не прочь был послушать об этом мнение Зубова.

— Ну, и как ты находишь? — спросил он.

— Откровенно скажу, на Осокина противно было смотреть. Изворачивался прямо, что уж. Посудите, до чего только наглец додумался? Ему все доказательства выложили, как на ладони, а он знай свое твердит: «Я не я и хата не моя». Бурлака, Анну Кучеренко и особенно Шашкова просто с грязью смешал. «Врут они такие-сякие, на мне, дескать, отъездиться хотят». Так до самого конца суда правду не сказал...

Степан Ильич закурил и предложил Зубову.

— А вот Бурлака, того я толком так и не разобрал. Показалось мне, что какой-то он, ну, как бы вам сказать... И туды, и сюды... Одной ногой вроде стоит на суше, а вторую никак из болота не вытянет. Мне думается, не пропащий он еще. Возьмись за него как следует да завинти гайку покрепче — и человек из него может получиться.

Григорий осторожно подвинул к себе пепельницу, пригасил папиросу и, не торопясь, продолжал:

— Александр Шашков, тот, видать, и вправду попал на удочку матерому Осокину, вроде меня, что окунь на навозного червя. Все о чем-то думал. Перед судом ничего не утаил, как говорят, душу вывернул наизнанку. А под конец встал, открыто посмотрел всем в глаза и сказал: «Виноват я, граждане судьи. Виноват, что слепым был, что поддался проходившим, что скрыл о них, смалодушничал. Виноват, но докажу, я не такой, как Осокин, и таким никогда не буду. Не сомневайтесь!»

Зубов немного подумал и, улыбнувшись, покачал головой.

— Уж больно мне понравилась речь прокурора. Здорово у него получалось. И не только мне она понравилась. Все, кто присутствовал в зале суда, одобрили ее. «Неисправимых людей у нас быть не может, — сказал прокурор. — И мы за каждого, кто ошибается, будем бороться, чтобы вернуть его на правильный путь. За Осокина мы тоже долго боролись. Но он не захотел стать настоящим человеком. Значит, он не нужен обществу».

Астахов с удовольствием выслушал бесхитростный рассказ Григория Зубова и, когда тот закончил, он решительно подтвердил:

— Да, все, кому дорога честь Родины, идут в последнее и решительное наступление против остатков морального уродства, против таких, как осокины и бурлаки. Безусловно, преступников вышибет из наших рядов сама жизнь.

...Над городом пламенел закат. Большое оранжевое солнце шло к горизонту и как-то по-особому радостно освещало дома и улицы города.

Заканчивался еще один, похожий на другие, рабочий день Астахова и его друзей.

О Г Л А В Л Е Н И Е

В вагоне	5
Встреча с мужем	17
У моста	32
Первые шаги	48
Неизвестное такси	62
Оперативное совещание	75
В станционном буфете	90
Приход Волгина на работу в милицию	97
По следу	111
Домик на улице Полянской	119
Человеку нужно верить	133
Никелированный портсигар	144
Астахов посещает Зубовых	153
Зубов задумывается над своей судьбой	164
Коричневый чемодан	174
Высоцкая держит ответ	182
Следственный эксперимент	193
В добрый путь	201
Собрание рабочих в РТС	213
Признание Шашкова	221
Астахов в гостях у Зубовых	231
Именем закона	239

Петр Петрович Коляда
НЕИЗВЕСТНОЕ ТАКСИ

Редактор Е. Старшинов
Художественный редактор В. Смирнов
Технический редактор Л. Скворцова
Корректор З. Тропинова

*

Сдано в набор 15/VIII-1961 г.
ЗИ 02595. Подписано к печати 30/X-1961 г.
Бумага $70 \times 92\frac{1}{32}$ —8 печ. л.—9,36 усл. печ. л.
Уч-изд. л.—8,94. Тираж 30000. Цена 37 коп.

*

Кострома, тип. им. М. Горького. Заказ 5109

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
179	7 снизу	Николаевич	Борисович

11 Книга „Неизвестное такси“

